270.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 8. АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1860.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСНЪЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, сентября 25 дня 1860 года.

Цензоръ *С. Лебедевъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

Исторія одной скрипки, М. 1

Млечный сокъ растеній *(съ четырьмя рисунками)*. 24

Квентинъ Дорвардъ *(историческій романъ Вальтера Скотта, въ сокращеніи)*:

XX. *Записка*. — XXI. *Разграбленіе*. — XXII. *Пирующіе*. — XXIII. *Бѣгство*. — XXIV. *Сдача*. — XXV. *Незваный гость*. — XXVI. *Свиданіе*. . . . . 294—354

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

Исторія одной свѣчницы. М. 1

Маленькій сюрпризъ (съ картинкою рисунками). . 24

Елочныя Игрушки (стихотвореніе поэта Вальтера Скотта, съ картинкою). . . . . —

XX. Заплата. — XXI. Разнородное. —

XXII. Пирожное. — XXIII. Вишенка.

— XXIV. Сѣдло. — XXV. Неожиданный

гость. — XXVI. Свидание. . . . . 291—334

ИСТОРІЯ ОДНОЙ СКРИПКИ.

(Разсказъ).

I.

Въ одинъ изъ ясныхъ лѣтнихъ вечеровъ 1838 года, въ Парижѣ, по улицѣ de la Victoire шелъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, небольшого роста и довольно худой. У него было умное и выразительное лицо, съ очень подвижными чертами; яркіе и бойкіе глаза смѣло и гордо смотрѣли по сторонамъ. Вьющіеся свѣтлорусые волосы, падавшіе изъ подъ черной бархатной фуражки, которая была слегка наброшена на голову мальчика, дрожали и прыгали на его плечахъ, потому что мальчикъ шелъ очень быстро. Только по временамъ умѣрялъ онъ нѣсколько поспѣшность своихъ шаговъ, чтобы поправить выскользавшій у него изъ подъ мышки скрипичный футляръ, или перевязать ленточку, обвертывавшую бумажный свитокъ, который онъ держалъ въ правой рукѣ.

Подойдя къ воротамъ лечебнаго заведенія, извѣст-

наго подъ названіемъ Néothèrmes (*), мальчикъ немного отдохнулъ и обтеръ капли пота съ раскраснѣвшагося лица своего; потомъ вошелъ во дворъ, поднялся на крыльцо противъ самыхъ воротъ и, съ трудомъ отворивъ большую входную дверь, вступилъ въ длинный коридоръ. Тутъ пошелъ онъ очень медленно, безпрестанно посматривая на свой свертокъ. На половинѣ коридора мальчикъ уклонился влѣво въ такой же коридоръ, и въ концѣ его сталъ подниматься по узкой лѣстницѣ.

Тутъ догналъ его мальчикъ такихъ же почти лѣтъ, въ красной клѣтчатой блузѣ, съ длинными черными волосами и красивыми, правильными чертами лица, чисто итальянскаго типа.

— Куда, Аполлинарій? вскричалъ онъ, взявъ за плечо мальчика со скрипкой.

— Ахъ, Ашилль! Что, папа дома?

— Дома, пойдемъ.

Они поднялись во второй этажъ, гдѣ Ашилль громко застучалъ въ небольшую дверь. Въ отвѣтъ на этотъ стукъ, раздался изъ-за двери хриплый голосъ, вѣроятно, спрашивавшій, кто стучится, потому что Ашилль, продолжая неистово колотить кулакомъ въ дверь, закричалъ очень громко:

— Это я, я!

(*) Это заведеніе было устроено на улицѣ de la Victoire въ 1831 году, во время холеры, для больныхъ эпидеміею; но и по минованіи ея осталось въ качествѣ частной больницы (maison de santé).

Дверь отворилась.

Мальчики вошли.

Человѣкъ, отворившій имъ дверь, самъ же тщательно заперъ ее, и потомъ уже отвѣтилъ на почтительный поклонъ бѣлокураго мальчика хриплымъ гортаннымъ звукомъ, выражавшимъ, конечно, нѣчто въ родѣ слова «здравствуй». Это и былъ самъ хозяинъ комнатки. На длинныхъ, черныхъ какъ уголь и нѣсколько курчавыхъ волосахъ, падавшихъ безпорядочными и всклокоченными прядями и на лобъ его, и на виски, и на плечи, лежала старая, вытертая фуражка съ растрескавшимся козырькомъ. На высокой, худощавой фигурѣ его висѣла, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, широкая черная куртка, сукно которой было не свѣжѣе сукна на фуражкѣ; тонкія ноги съ выдавшимися колѣнями, были обтянуты замасленными панталонами, когда-то сѣраго, а теперь просто грязнаго цвѣта.

Владѣтелю этого скуднаго и не совсѣмъ опрятнаго костюма было лѣтъ за пятьдесятъ. Онъ былъ ужасно худъ и истощенъ; на всей его фигурѣ лежала печать болѣзненной слабости. И не прикасаясь къ длиннымъ, костлявымъ пальцамъ его руки, можно было заключить навѣрное, что эта рука холодна и влажна. На глубоко впавшихъ, смуглыхъ щекахъ его, оттѣненныхъ бакенбартами, пылалъ яркій, чахоточный румянецъ; тонкія губы были сухи и блѣдны. Только въ зрачкахъ, ярко блестѣвшихъ порою сквозь узкій разрѣзъ его глазъ, отражалась еще энергическая внутренняя жизнь, тогда какъ тѣло казалось почти трупомъ.

Комната, которую занималъ этотъ человѣкъ, была

очень невелика. Страшный безпорядокъ царствовалъ въ ней. Видно было, что она служитъ и кабинетомъ и пріемною, и спальной своему владѣльцу — да и не одному: двѣ кровати стояли въ ней — одна большая, другая маленькая. Нѣсколько скрипичныхъ футляровъ были навалены одинъ на другой на утломъ столѣ, приткнутомъ къ простѣнку; на окнахъ и на нѣкоторыхъ изъ стульевъ валялись кучами ноты и нотная бумага.

Бѣлокурый мальчикъ бережно положилъ на стулъ принесенную скрипку и протянулъ свертокъ къ невзрачному старику.

— Вотъ, сказалъ онъ: — маэстро, позвольте мнѣ...

— А-а! прохрипѣлъ маэстро, и, взявъ поданный ему свертокъ, развязалъ ленточку, сунулъ ее себѣ въ карманъ и разогнулъ бумагу.

Это была небольшая печатная тетрадь нотъ, съ такимъ заглавіемъ: «Premier air varié, dedié à Mr Paganini par Apollinaire Kontsky, agé de 11 ans».

Опять тотъ же хриплый и непонятный звукъ вылетѣлъ изъ горла старика; онъ наклонился и поцаловалъ молодого музыканта въ голову. Потомъ подозвалъ къ себѣ своего хорошенькаго сына.

Наклонясь къ нему, онъ началъ бормотать что-то такъ неясно и неразборчиво, что мальчикъ, какъ ни внимательно слушалъ, какъ ни пристально вперилъ свои черные глаза въ лицо отца, не могъ понять ни слова. Старикъ схватилъ себя за носъ, чтобы дать горлу болѣе возможности произнести что нужно, наклонился къ самому уху сына, сердито, хотя и слегка

билъ его ладонью по рукѣ, и наконецъ достигъ того, что Ашилль разобралъ, что говоритъ отецъ.

— Папа благодаритъ тебя, сказалъ маленькій Паганини, обращаясь къ Контскому: — онъ говоритъ, что хочетъ сдѣлать тебѣ за это подарокъ.

Лицо маленькаго скрипача просіяло при мысли получить подарокъ отъ человѣка, выше котораго, какъ казалось ему тогда, нѣтъ никого на свѣтѣ.

Онъ взялъ костлявую руку Паганини и прижалъ ее къ губамъ.

— Ну, сыграй теперь свою арію, сказалъ старикъ.

Аполлинарій вынулъ свою скрипку изъ футляра, выдвинулъ на средину комнаты полинявшій пюпитръ, понизилъ его по своему росту и разложилъ на немъ ноты.

Когда мальчикъ началъ играть, Паганини помѣстился за нимъ съ гитарой, смотрѣлъ черезъ плечо его въ ноты и съ изумительнымъ совершенствомъ, какого, вѣроятно, не достигалъ никогда ни одинъ гитаристъ, выщипывалъ на этомъ бѣдномъ инструментѣ пьесу двѣнадцатилѣтняго композитора, украшая ее чудными варьяціями.

Пьеса была сыграна до конца, и Паганини, повторивъ чрезъ Ашилля, что не забудетъ о подаркѣ, присѣлъ съ гитарой къ окну.

Аполлинарій хотѣлъ было спрятать свою скрипку въ футляръ, но Паганини остановилъ его.

Онъ подозвалъ его къ себѣ.

Великій скрипачъ отложилъ гитару и взялъ изъ рукъ Контскаго его маленькую скрипку.

Посмотрѣвъ на нее и взявъ на ней нѣсколько аккордовъ, Паганини сказалъ:

— Славная скрипка; дешево теперь такой не купишь! Я давно собирался спросить тебя, гдѣ досталъ тебѣ ее отецъ?

— Когда мы были въ Краковѣ, отвѣчалъ мальчикъ, и я игралъ у графа Артура Потоцкаго, — мнѣ и четырехъ лѣтъ тогда не было, — у меня была скрипка плохая. Сынъ графа учился играть на этомъ инструментѣ. Вы знаете, какъ трудно достать хорошую итальянскую маленькую скрипку — отецъ давно уже искалъ для меня, да не попадалось. Скрипка, на которой я теперь играю, была первымъ инструментомъ, по которому водилъ смычкомъ молодой графъ. Онъ выросъ, скрипка понадобилась другая... Купили, а маленькую скрипку отправили въ кладовую. Не подвернись я, лежать бы ей, можетъ быть, и теперь тамъ безъ всякаго употребленія. Ея счастье, что понравился я графу. Да и она-то, признаться, мое счастье сдѣлала.

— Дай-ка сюда руку! сказалъ Паганини.

Мальчикъ подалъ.

— Эге! да и тебѣ пора бы, какъ графу, отправить ее на покой. Выросъ — время и за большую приняться.

II.

На слѣдующій день, который назначилъ Паганини Контскому для полученія отъ него обѣщаннаго подарка, Аполлинарій отправился въ улицу Побѣды по утру. Онъ не взялъ съ собою скрипки.

Какъ наканунѣ, проходя по длинному коридору Неотермъ, онъ безпрестанно посматривалъ на свертокъ нотъ, который несъ вручить Паганини, — такъ теперь частенько глядѣлъ онъ себѣ на руки.

«Неужто въ самомъ дѣлѣ», думалъ онъ, «маэстро подаритъ мнѣ большую скрипку? Боже мой! какое счастіе! Да что же и подарить ему больше? Не самъ ли онъ смотрѣлъ вчера на мои руки? не самъ ли говорилъ, что пора мнѣ маленькую скрипку оставить?... Вѣроятно, потому и говорилъ, что хочетъ подарить мнѣ одну изъ своихъ скрипокъ. Вотъ, если бы ту, на которой я разъ игралъ. Да нѣтъ, онъ слишкомъ скупъ. Впрочемъ, отчего же? По всему видно, что онъ меня любитъ. Ужь если давалъ мнѣ играть на своей скрипкѣ, на которой, кромѣ его, никто не игралъ, такъ отчего же и не подарить?»

И въ воображеніи мальчика ясно обрисовался тотъ многознаменательный для него вечеръ, когда въ концертной залѣ лечебнаго заведенія Паганини подалъ ему свою скрипку со словами: «играйте!»

Аполлинарій былъ такъ поглощенъ этими радужными мечтами, что чуть не пробѣжалъ мимо маленькой двери Паганини.

Онъ засталъ великаго скрипача за гитарой (*). Дверь отворилъ ему Ашилль.

Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ сладостнымъ предвкушеніемъ счастія слѣдилъ Аполлинарій голубыми глазами своими за сгорбленною фигурой Паганини, когда онъ объявилъ, что сейчасъ вручитъ ему подарокъ, и поднялся со стула.

Вотъ, подошелъ онъ къ столу, на которомъ лежатъ его драгоцѣнныя скрипки, — вотъ, перебираетъ тетради и листки нотъ, которыми закрыты скрипичные футляры, — вотъ вынимаетъ...

Мальчикъ успѣлъ уже такъ свыкнуться съ мыслію получитъ скрипку, что былъ совершенно пораженъ, когда Паганини вручилъ ему четыре тетрадки печатныхъ нотъ. Но и этотъ подарокъ былъ дорогъ для маленькаго музыканта, какъ подарокъ геніальнаго человѣка. Не дорогъ впрочемъ былъ онъ для самого Паганини: въ тетрадяхъ не было ни одного листка нотъ купленнаго; всѣ пьесы, заключавшіяся въ нихъ, были въ разныя времена поднесены Паганини въ качествѣ различныхъ «hommages» отъ авторовъ, съ собственноручными ихъ надписями.

Впрочемъ не долго ждалъ Контскій и скрипки отъ своего скупого учителя.

Въ концѣ этого же года, вечеромъ, весь просвѣ-

(*) Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни Паганини почти не брался за скрипку, а безпрестанно игралъ на гитарѣ. Еще и въ молодости долго изучалъ онъ этотъ инструментъ.

тленный радостью, для которой у него не было словъ, Аполлинарій явился домой съ двумя скрипками подъ мышкой. Одна изъ нихъ была маленькая, подаренная четырехлѣтнему виртуозу Потоцкимъ, другую подарилъ двѣнадцатилѣтнему преемнику своей славы Николо Паганини.

Мальчикъ чувствовалъ еще на лбу горячій поцалуй угасающаго маэстро, чувствовалъ еще прикосновеніе худыхъ рукъ его къ своимъ свѣжимъ плечамъ, въ ушахъ его звучали еще невнятныя, но полныя любви слова благословенія, которыми сопровождалъ свой поцалуй и свои объятія нелюдимый и хилой жилецъ Неотермъ.

Слезы хлынули горячими ручьями по блѣднымъ щекамъ Аполлинарія, когда онъ положилъ на столъ передъ матерью и сестрой принесенную имъ драгоцѣнность.

Хотѣлъ онъ сказать что-то, много хотѣлъ сказать, передать подробно все, что говорилъ великій музыкантъ: какъ въ скрипкѣ дарилъ онъ ему часть души своей, какъ напутствовалъ его въ трудную дорогу артиста, какъ завѣщалъ ему любить искусство... Но ничего не сказалъ разстроганный мальчикъ: слезы отняли у него голосъ.

— Вотъ ты, наконецъ, и большой музыкантъ, сказала мать, нѣжно гладя кудрявую голову сына: — Старую скрипку спрячемъ съ старыми игрушками.

Мальчикъ все не могъ произнести ни полслова.

— Евгенія, — обратилась Контская къ дочери:

— принеси ему воды. Пусть онъ освѣжится немного. Перестань же плакать, Аполлинарій.

Сестра принесла стаканъ воды, расправила на лбу брата спутавшіеся волосы, поцаловала его, дала ему проглотить нѣсколько капель изъ стакана, и онъ, наконецъ, нѣсколько успокоился.

— О чемъ же ты плакалъ? спросила она.

— Я и самъ не знаю, отвѣчалъ Аполлинарій, раскрывая футляръ большой скрипки и разсматривая ее.

Поздно вечеромъ въ спальнѣ Аполлинарія въ послѣдній разъ пропѣла маленькая скрипка подъ его пальцами варьяціи изъ «Пирата».

«Сколько счастья принесла ты мнѣ, сколькихъ успѣховъ моихъ была ты участницею и свидѣтельницей!» Такъ или почти такъ думалъ маленькій музыкантъ, опуская скрипку. «Передъ кѣмъ не пѣла ты, не плакала и не смѣялась? Куда не сопутствовала мнѣ? Не на тебѣ ли выражалъ я первыя мечты, тревожившія мое сердце? Все ввѣрялъ я тебѣ — и радость, и горе. И сочувствуя моей радости, ты звучала веселою и свѣтлой мелодіей: какъ бы чувствуя сама дѣтское горе, порою посѣщавшее меня, рыдала ты трепещущими струнами. И мнѣ приходится проститься съ тобой; положить тебя въ твой глухой гробикъ и осудить на молчаніе. Но нѣтъ, я буду по временамъ прерывать твое заточеніе, брать тебя и припоминать на твоихъ старыхъ, испытанныхъ струнахъ старыя мечты. О, если бы я также доросъ до великой славы Паганини, какъ доросъ до большой его скрипки!»

И все прожитое до той поры маленькимъ артистомъ промелькнуло въ его воспоминаніи рядомъ отрадныхъ видѣній; важныя событія изъ его жизни чередовались и сплетались съ мелкими и незначительными. Припомнилъ онъ тотъ радушный пріемъ, который нашелъ въ семействѣ графа Потоцкаго вмѣстѣ со своими братьями Карломъ, Антономъ и Станиславомъ и сестрою Евгеніей, тотъ вечеръ, когда ему вручена была миланская скрипка, съ которою онъ теперь разстается. Припомнилъ онъ также съ улыбкой свой первый концертъ въ Дерптѣ, по дорогѣ въ Петербургъ... Передъ концертомъ крошечный виртуозъ выпилъ за обѣдомъ большую рюмку вина и у него порядкомъ закружилось въ головѣ. Какъ разъ для начала концерта вздумалось ему покапризничать. Что за охота, въ самомъ дѣлѣ, тѣшить незнакомыхъ людей? Пюпитръ готовъ, на немъ лежатъ уже развернутыя варьяціи Сенъ-Любена, оркестръ ждетъ только появленія артиста, который весь помѣстился бы въ карманѣ толстаго віолончелиста, а артистъ раздумалъ играть. Отецъ принимается уговаривать, обѣщаетъ конфектъ и разныхъ сластей, — но четырехлѣтній виртуозъ стоитъ на своемъ — «не хочу» да и «не хочу». Отецъ вздумалъ было пригрозить — еще хуже. Того и гляди, расплачется, а тогда — прощай и концертъ. Какъ тутъ быть? «Не попробовать ли развѣ пугнуть его?» И отецъ артиста проситъ полиціймейстера — своимъ появленіемъ передъ капризникомъ заставить его играть. Ребенокъ вышелъ на эстраду, игралъ и произвелъ совершенный furore въ тѣсныхъ рядахъ дерптскихъ дилеттантовъ... Потомъ

игра его и успѣхи въ Петербургѣ, гдѣ въ одномъ изъ частныхъ собраній пришлось скрипача поставить на флигель, на которомъ акомпанировали ему братья Антонъ и Станиславъ — такъ малъ онъ былъ ростомъ... Потомъ Москва съ тѣми же рукоплесканіями, гдѣ въ залѣ Дворянскаго Собранія онъ играетъ съ Фильдомъ и его слушаетъ Хозревъ-Мирза... Изъ Москвы воспоминанія мальчика перелетѣли въ Вѣну, въ залу Императорскаго Дворца, гдѣ онъ игралъ передъ императрицей съ Вьетанномъ... въ залу тамошней знаменитой консерваторіи... въ Лондонъ, который слушалъ его во время коронаціи королевы Викторіи... въ Парижъ, гдѣ такой восторгъ и изумленіе произвело въ слушателяхъ исполненное Аполлинаріемъ по слуху, но вѣрно, отчетливо и артистически, знаменитое «Tremolo» Беріо... Все это повторилось въ мысляхъ молодого скрипача, продолжавшаго стоять со скрипкою въ рукахъ, забывая о снѣ и позднемъ часѣ ночи.

И онъ снова перенесся воображеніемъ въ мрачное зданіе Неотермъ (*), изъ котораго вышелъ нѣсколько

(*) Считаю нелишнимъ сообщить нѣсколько подробностей о томъ, почему переѣхалъ Паганини въ это заведеніе. До переѣзда туда онъ жилъ у доктора Ловдей, который занимался его леченіемъ. Дочь доктора, Клара, была превосходная пьянистка. Паганини давалъ ей уроки музыки и часто акомпанировалъ ей на скрипкѣ. Клара была дѣвушка очень хорошенькая, и Паганини, несмотря на свои лѣта и немощи, полюбилъ ее. Докторъ замѣтилъ это и былъ очень недоволенъ своимъ жильцомъ и пацiентомъ. Не желая прямо отказать ему въ своемъ гостепріимствѣ, Ловдей выдумалъ хитрость и явился однажды утромъ къ Паганини,

часовъ тому назадъ. Вотъ большая зала лечебнаго заведенія, гдѣ любители музыки, пользующіеся тутъ, собираются по вечерамъ услаждать свое заточеніе небольшими концертами. Посреди больныхъ съ подвязанными головами и щеками, съ окутанными горлами, хромыми ногами, и разслабленныхъ, не поднимающихся съ креселъ, бродитъ высокая, согбенная и тощая фигура Паганини. Самъ онъ ничего не играетъ: онъ только слушаетъ снисходительнымъ ухомъ этихъ незатѣйливыхъ виртуозовъ, которые въ волненіи ожидаютъ сужденія великаго мастера... Сужденія, впрочемъ, не будетъ никакого, потому что Паганини говорить не любитъ — и любилъ бы, можетъ быть, да горловая чахотка почти совсѣмъ лишила его голоса. Здѣсьто въ первый разъ явился передъ нимъ маленькій Контскій съ своею маленькой скрипкой. Графиня Трогофъ, придворная дама герцогини Беррійской, привезла его и представила Паганини. И мальчикъ съиграл

прося его объ уплатѣ «маленькаго счета» за леченье, квартиру, столъ и проч. Маленькій счетъ восходилъ до 50,000 франковъ. Зная скупость Паганини, докторъ былъ увѣренъ, что онъ не захочетъ и самъ оставаться на такой дорогой квартирѣ. Паганини обѣщалъ дать отвѣтъ на слѣдующій день и приготовилъ съ своей стороны тоже маленькій счетъ, въ которомъ игра больного скрипача и его уроки хорошенькой Кларѣ были оцѣнены чуть не въ 150,000 франковъ! Тѣмъ не менѣе, Паганини тотчасъ же переѣхалъ въ Неотермы. — Это свѣдѣніе, котораго, сколько помню, мнѣ не случалось видѣть ни въ одной біографіи Паганини, я записалъ со словъ г. Контскаго. *Авт.*

потомъ нѣсколько рукописныхъ композицій своего будущаго учителя, развернутыхъ имъ самимъ передъ Контскимъ. Вотъ она — главная заслуга маленькой скрипки! Изъ нея вызвалъ двѣнадцатилѣтній артистъ сначала свою фантазію на мотивы «Пирата», а потомъ тѣ звуки, которые глубоко тронули сердце Николо Паганини и утѣшили его мыслію, что у него будетъ достойный преемникъ; она же сблизила мальчика съ великимъ человѣкомъ, столь необщительнымъ для другихъ. Съ этого дня Контскій ежедневно посѣщалъ Паганини, пользовался его совѣтами и уроками и вскорѣ получилъ отъ него извѣстное письменное предвѣщаніе, въ которомъ Паганини говоритъ, что если мальчикъ будетъ упражняться въ игрѣ на скрипкѣ, то со временемъ превзойдетъ всѣхъ знаменитыхъ и прославленныхъ артистовъ.

Наконецъ, пора помѣстить скрипку въ футляръ и ложиться въ постель. Три мѣрные удара стѣнныхъ часовъ донеслись до спальни маленькаго артиста.

— Прощай, моя дорогая подруга, пролепеталъ Аполлинарій, горячо цалуя темную доску маленькой скрипки. — То же ли ждетъ меня съ другою, на которую я мѣняю тебя? Доставитъ ли и она мнѣ столько счастья, столько успѣховъ, сколько доставила ты?

Онъ еще разъ поцаловалъ скрипку и хотѣлъ уже уложить ее въ ящикъ, какъ ему вдругъ пришла въ голову мысль, что хорошо бы отмѣтить для памяти тотъ день, въ который оставилъ онъ свой маленькій инструментъ для большого. Но какъ сдѣлать это?... Записать? Да вѣдь листокъ, на которомъ запишешь,

даже памятная книжка, могутъ затеряться. Черкнуть на стѣнѣ? Но вѣдь не вѣчно же ему жить въ этихъ стѣнахъ.

Тутъ на глаза мальчика попалась булавка, которую онъ, раздѣваясь, откололъ отъ своего галстуха, и онъ быстро взялся за нее.

«Чего же лучше?»

И вотъ вверху задней деки оставляемой скрипки нацарапаны годъ и день, столь значительный въ жизни артиста — день, разграничивающій дѣтство, которое только обѣщаетъ и подаетъ надежды, съ зрѣлостью, которая уже исполняетъ надежды и обѣщанія, — а также и имя артиста: «A. Kontsky.»

«Не отмѣтить ли скрипку еще гдѣ нибудь?»

И вотъ на сгибѣ ея грифа явилась буква К., внизу задней деки тоже.

Еще поцалуй, двѣ три слезинки въ глазахъ, и ясеневая крышка ящика упала надъ обреченной смерти итальянкой.

III.

Десять лѣтъ прошло съ того вечера, о которомъ я только что говорилъ.

Восемь лѣтъ уже прошло и съ того майскаго дня, въ который угасъ въ Ниццѣ Николо Паганини.

Все это время было посвящено Контскимъ глубокому и серьезному изученію музыки. Въ эти-то годы пріобрѣлъ онъ ту силу, которая заставила вскорѣ всю Европу назвать его Паганини нашего времени.

Онъ собирался отправиться изъ Парижа, гдѣ провелъ почти безвыѣздно эти годы, въ большое артистическое путешествіе по всѣмъ образованнымъ государствамъ нашей части свѣта.

Наканунѣ отъѣзда его въ Лондонъ (*), гдѣ ждалъ его такой громадный успѣхъ, онъ сидѣлъ дома и разсуждалъ о своихъ планахъ съ матерью, которая должна была остаться въ Парижѣ.

Ему доложили о приходѣ какого-то неизвѣстнаго артиста.

Контскій вышелъ къ нему.

— Фамилія моя — Н. (посѣтитель назвалъ себя,

(*) Кстати припомню здѣсь еще о Паганини. «Когда будете въ Лондонѣ (говорилъ онъ Контскому), берегитесь, мой милый, чтобы васъ не обокрали. Послѣ одного изъ концертовъ моихъ тамъ, я съ надеждою на огромнѣйшій сборъ отправился къ кассѣ — народу въ концертѣ было бездно. Прихожу — и какъ вы думаете? У кассы — ни души, въ кассѣ — ни пенса.»

но я умалчиваю его имя — какъ увидитъ читатель далѣе, не безъ основанія). У меня маленькая дочь играетъ на скрипкѣ.

— Чѣмъ же я могу служить вамъ? спросилъ хозяинъ.

— Я хочу дать здѣсь концертъ, въ которомъ дочь моя будетъ играть. Но бѣда моя въ томъ, что хорошей маленькой скрипки у меня нѣтъ. Конечно, съ деньгами эту бѣду и можно было бы поправить, но я человѣкъ бѣдный... Не можете ли вы быть столько добры — у васъ, вѣроятно, есть маленькая скрипка... Вы еще въ дѣтствѣ стяжали такую огромную извѣстность...

— Вы ставите меня въ положеніе очень затруднительное, отвѣчалъ Контскій. Конечно, мнѣ нечего разувѣрять васъ, что маленькая скрипка у меня есть, нечего также говорить, что долгъ мой, какъ артиста, помогать, чѣмъ могу, собратамъ по искусству... но, вотъ въ чемъ дѣло: я завтра ѣду отсюда и ворочусь, вѣроятно, не скоро. Подарить маленькую скрипку вашей дочери я не могу: съ этимъ инструментомъ связано для меня слишкомъ много самыхъ дорогихъ воспоминаній; я берегу его какъ святыню, и не желалъ бы потерять. Могъ бы я, положимъ, дать его вашей дочери для концерта, но я уже сказалъ вамъ, что завтра ѣду... Когда возвращусь сюда — неизвѣстно мнѣ самому. Богъ знаетъ, придется ли еще намъ и встрѣтиться когда нибудь.

— Я могъ бы, если только вамъ угодно будетъ довѣрить мнѣ вашу скрипку, доставить ее тотчасъ послѣ

концерта кому нибудь изъ вашихъ хорошихъ знакомыхъ, пріятелей, родственниковъ...

— Право, не знаю, что отвѣчать вамъ... Во всякомъ случаѣ, въ настоящую минуту не могу сказать вамъ ничего рѣшительнаго. Если можете, потрудитесь зайдти ко мнѣ завтра по утру за окончательнымъ отвѣтомъ. Я отправляюсь не раньше полудня.

Артистъ обѣщалъ зайдти, раскланялся и вышелъ.

Контскій тотчасъ же разсказалъ матери о просьбѣ приходившаго артиста и спрашивалъ ея совѣта.

— Отчего же ты не далъ ему своей скрипки, Аполлинарій? Вѣдь я живу постоянно здѣсь. Послѣ концерта онъ могъ бы доставить ее ко мнѣ. Какъ знать, можетъ быть счастье принесла бы бѣдному артисту твоя скрипка. Зачѣмъ ты отказалъ ему?

— Я не отказалъ рѣшительно. Онъ зайдетъ завтра.

— Такъ отдай же ему скрипку, и скажи, чтобы онъ возвратилъ ее мнѣ. Вспомни, Аполлинарій, что и самъ ты былъ когда-то начинающимъ.

На слѣдующее утро проситель явился снова и получилъ маленькую скрипку, съ уговоромъ немедленно возвратить.

Черезъ часъ Контскаго не было уже въ Парижѣ (*).

(*) Это было въ 1848 году. Послѣ успѣховъ своихъ въ Англіи, Контскій объѣхалъ всю Германію, Бельгію, Царство Польское, Великое Герцогство Познанское, Галицію Въ 1851 году онъ явился передъ петербургскою публикою. Въ томъ же

IV.

Зимой 1853 года мнѣ случилось быть у Контскаго. Собираясь отправиться слушать Лаблаша (*), въ «Ченерентолѣ», мы сидѣли у камина.

— Никогда я не жалѣлъ такъ, какъ въ послѣдніе три дня, что со мною нѣтъ здѣсь всего моего артистическаго имущества, сказалъ Контскій, закуривая сигару.

— А что?

— Есть у меня въ Парижѣ маленькая итальянская скрипка, которая теперь мнѣ могла бы очень пригодиться. Видите ли, въ чемъ дѣло: на дняхъ пригласилъ меня одинъ изъ Петербуржцевъ — послушать, какъ играетъ его маленькая дочь на скрипкѣ, и сказать, конечно, мое мнѣніе, стоитъ ли ей продолжать играть, есть ли у ней талантъ, или нѣтъ. Я отправился — слушалъ... Дѣвочка, точно, съ дарованіемъ — и, знаете ли, какъ явилась въ ней страсть къ скрипкѣ? Лѣтомъ жили они на дачѣ, въ Павловскѣ; ребенокъ каждый день слушалъ въ воксалѣ оркестръ Гунгля, и болѣе всѣхъ инструментовъ заняла его скрипка. Дѣвочка пристала къ отцу, прося его неот-

---

году предпринялъ онъ поѣздку по Россіи, изъ Одессы проѣхалъ въ Молдавію, Валахію и Галицію, весною 1853 года игралъ въ Москвѣ, и потомъ возвратился въ Петербургъ, какъ скрипачъ-солистъ двора Его Императорскаго Величества.

(*) Знаменитый итальянскій пѣвецъ.

ступно купить ей скрипку. Отецъ сначала думалъ, что это такъ,—дѣтскій капризъ... забудетъ и все тутъ. Но дѣвочка не оставляла своего желанія. Она отказалась отъ всѣхъ своихъ куколъ и игрушекъ, чтобы только купили ей скрипку. Пришлось по неволѣ потѣшить ребенка. Достали ей плохой какой-то гудокъ. Она съ восторгомъ принялась пилить на немъ смычкомъ, и, какъ вы думаете? — играетъ теперь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ, какъ иной и въ годъ не выучится. Мой совѣтъ былъ — достать дѣвочкѣ другую скрипку, хорошую, потому что на этомъ сгіп-сгіп нельзя и ошибокъ дѣвочки хорошенько разобрать: рѣшительно, не знаешь подъ-часъ, кто сфальшилъ — скрипка или маленькая музыкантша. Отецъ самъ не музыкантъ и просилъ меня поискать здѣсь маленькую скрипку для его артистки. Не знаю, увѣнчаются ли успѣхомъ мои поиски. Впрочемъ, вчера лучшій здѣшній гардировщикъ говорилъ мнѣ, что у него есть двѣ маленькія скрипки — и будто бы отличныя. Обѣщалъ принести ихъ сегодня показать — да что-то все нѣтъ его. А знаете ли, почему мнѣ такъ жаль, что нѣтъ со мной именно моей маленькой итальянской скрипки, на которой я выигрывалъ себѣ первую извѣстность и первые успѣхи? Въ 1848 году, въ Парижѣ, я давалъ эту скрипку для концерта тоже одной маленькой виртуозкѣ. Оно и кстати бы, чтобъ этому инструменту играть нѣкоторую роль въ музыкальной карьерѣ и здѣшней дѣвочки.

— Господинъ Я., сказалъ вошедшій слуга.

— А! вотъ и скрипки! Проси его сюда.

Вошелъ гардировщикъ съ двумя скрипками.

— Здравствуйте, сказалъ хозяинъ: только что рѣчь объ васъ шла. Покажите-ка намъ ваши сокровища.

— Рекомендую вамъ особенно эту скрипку, сказалъ продавецъ, поставивъ свою ношу на столъ и указывая на болѣе почтенный изъ двухъ футляровъ: это истинное сокровище. Миланская, двухсотъ лѣтъ отъ роду.

— Вы меня поражаете, господинъ Я.! Тесторе! двухсотъ лѣтъ! Стало быть, я недаромъ наименовалъ ваши инструменты сокровищами?

— Вотъ увидите.

Контскій раскрылъ футляръ.

— Боже мой! вскричалъ онъ: — какое поразительное сходство! Знаете ли, что ваша скрипка — точь въ точь та, на которой я игралъ до двѣнадцатилѣтняго возраста.

— Я вамъ говорилъ, замѣтилъ съ торжествующимъ видомъ гардировщикъ: — что это инструментъ удивительный.

— Но нѣтъ, двѣ скрипки не могутъ быть такъ безстыдно похожи одна на другую! сказалъ Контскій.

Онъ вынулъ ее изъ футляра и осмотрѣлъ.

Вдругъ руки его задрожали, онъ опустилъ скрипку, вынулъ изъ кармана платокъ, отеръ себѣ глаза, и опять началъ пристально разсматривать скрипку.

— Что? Какова? спросилъ гардировщикъ.

Контскій молчалъ; руки его дрожали еще болѣе.

— Что съ вами? спросилъ я.

Онъ едва могъ произнести:

— Ничего, ничего.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ наконецъ пришелъ въ себя.

— Боже мой! Боже мой! сказалъ онъ: — послушайте, г. Я. Вѣдь это скрипка моя — моя собственная.

— Я зналъ, замѣтилъ продавецъ еще болѣе торжественнымъ тономъ: — что вы не выпустите ее изъ рукъ, хоть она и не нужна вамъ.

— Я говорю вамъ просто, что она моя, то-есть принадлежитъ мнѣ. Гдѣ достали вы ее?

— Недавно получилъ отъ парижскаго коммисіонера.

— Понимаю. Хорошъ же мой бѣдный артистъ! Хотите доказательствъ, что эта скрипка дѣйствительно моя?

Гардировщикъ раскрылъ ротъ отъ изумленія.

— Взгляните.

Онъ взглянулъ.

— Не сюда, повыше. Вотъ тутъ. Видите надпись?

— Вижу.

— Читайте.

— Что-то неразборчиво нацарапано. «А.» началъ онъ читать.

— Ну, А. Послѣ А — точка. Такъ?... Дальше?

— «Контс...» Это удивительно!

— Теперь поищите на грифѣ — нѣтъ ли тамъ гдѣ нибудь заглавной буквы моей фамиліи — К.

— Есть, есть, дѣйствительно есть! Вотъ... Это просто поразительно.

— А внизу задней деки?

— И тутъ есть... Вотъ, вотъ!

— Нужно же было судьбѣ, сказалъ Контскій, обращаясь ко мнѣ: — послать мнѣ мою скрипку именно тогда, когда я вспомнилъ о ней и желалъ ее имѣть въ своихъ рукахъ. Здравствуй, пріятельница! Гдѣ-то ты пропадала?... Надо бы, по поводу встрѣчи съ старой подругой, спѣть съ нею какую-нибудь старую пѣсню; но однако мы опоздаемъ въ оперу. Заходите завтра, господинъ Я., а пока оставьте мнѣ скрипку. Другой ужь я и смотрѣть не стану. Надѣюсь, что мы сторгуемся съ вами.

Послѣ оперы, за стаканомъ чая Контскій разсказалъ мнѣ исторію своей маленькой скрипки, которую я пересказалъ читателямъ.

м.

МЛЕЧНЫЙ СОКЪ РАСТЕНІЙ.

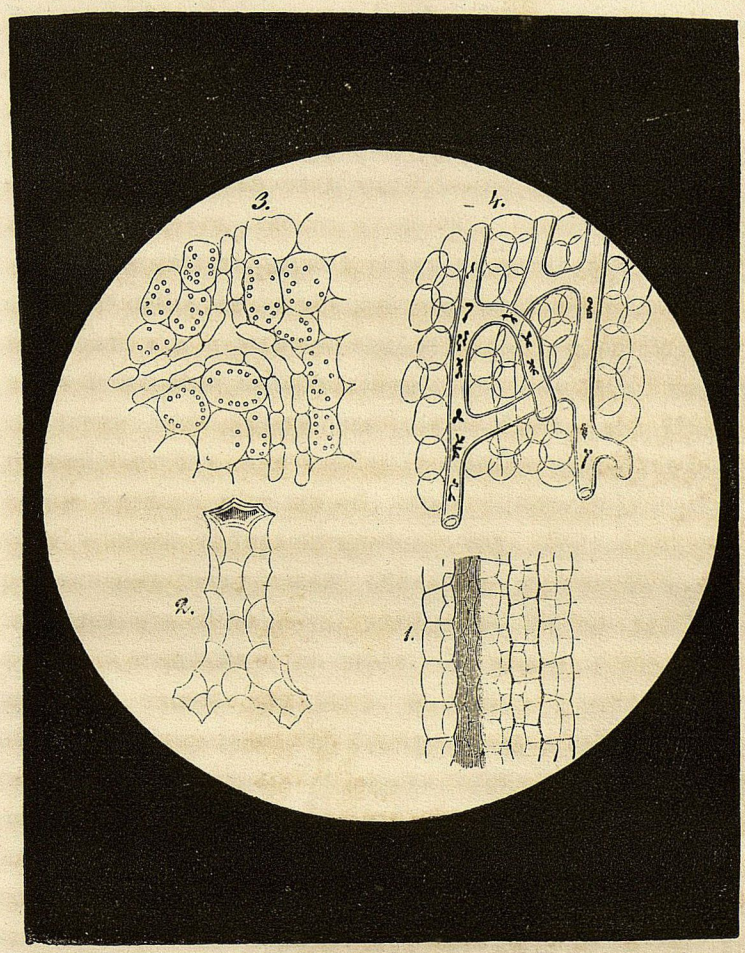
Главное назначеніе растеній, разсѣянныхъ по всему пространству земного шара, состоитъ въ доставленіи животнымъ питательныхъ веществъ, необходимыхъ для поддержанія ихъ жизни; безъ растительнаго царства не возможно было бы и существованіе животныхъ на землѣ. Но человѣкъ, какъ существо высшее, занимающее первое мѣсто въ животномъ царствѣ и превосходящее всѣхъ его членовъ развитіемъ своихъ умственныхъ способностей, одаренъ отъ природы средствами дѣлать изъ растеній и содержащихся въ нихъ веществъ гораздо обширнѣйшее употребленіе. Міръ растеній доставляетъ ему не только пищу, но и матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ искусствъ и ремеслъ, входящихъ въ кругъ его дѣятельности.

Многимъ изъ читателей, вѣроятно, случалось во время ботаническихъ экскурсій или просто прогулокъ по полямъ и лѣсамъ наблюдать, что изъ стеблей и другихъ частей нѣкоторыхъ растеній вытекаетъ на пораненномъ мѣстѣ въ изобиліи густой сокъ, имѣющій нѣкоторое сходство съ жирнымъ молокомъ. Боль-

шею частію онъ бываетъ безцвѣтный и мутный или бѣлый, иногда окрашенный въ желтый, розовый и весьма рѣдко въ голубой цвѣтъ. Такъ напримѣръ, у нашего *чистотѣла* или *желтушника*, обыкновенно растущаго около заборовъ и на сорныхъ кучахъ, этотъ сокъ желтый, у туземнаго *молочая* онъ бѣлый, какъ молоко, у нѣкоторыхъ другихъ видовъ этого растенія розовый. Подобно молоку животныхъ, онъ состоитъ изъ прозрачной, какъ вода, жидкости и плавающихъ въ ней маленькихъ тѣлъ, различной формы; они–то и придаютъ ему мутный, молочный видъ. По составу своему онъ очень разнообразенъ; обыкновенно онъ состоитъ изъ воды, смолы, воска, камеди и особаго рода вещества, называемаго каучукомъ. Количества этихъ составныхъ частей однако же чрезвычайно различны; въ однихъ случаяхъ преобладаетъ каучукъ, въ другихъ воскъ, и такъ далѣе. Въ одномъ только сходны эти соки во всѣхъ растеніяхъ: всѣ они отдѣляются въ особаго рода сосудахъ, находящихся въ клѣтчатой ткани растеній. Если разсматривать подъ микроскопомъ частичку какого нибудь растенія, отличающагося свойствомъ источать такой сокъ, то можно замѣтить, что между клѣточками, изъ которыхъ состоятъ, какъ извѣстно, всѣ части растительнаго организма, находится множество длинныхъ, разнообразно изогнутыхъ и развѣтвляющихся трубочекъ, отчасти похожихъ на кровеносныя жилы у животныхъ. На прилагаемомъ рисункѣ изображены въ сильно увеличенномъ видѣ подобные сосуды или трубочки въ различныхъ растеніяхъ.

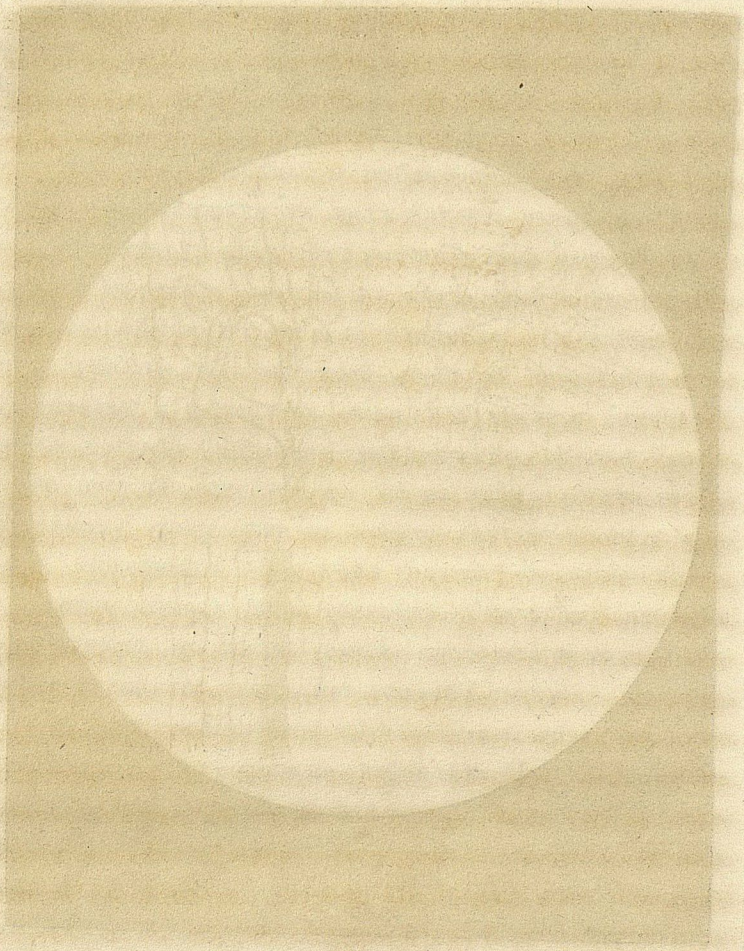
Неизвѣстно, какое значеніе имѣетъ отдѣляемая въ нихъ жидкость, такъ называемый млечный или молочный сокъ. Прежніе ученые, основываясь на сходствѣ этихъ сосудовъ съ жилами животныхъ, а также на нѣкоторыхъ ошибочныхъ наблюденіяхъ надъ движеніемъ содержащихся въ нихъ соковъ, утверждали, что они играютъ въ организмѣ растенія туже важную роль, какъ кровеносные сосуды въ тѣлѣ животнаго. Новѣйшія наблюденія опровергли однакоже это мнѣніе: теперь доказано, что млечный сокъ не обращается въ трубочкахъ и вытекаетъ лишь въ такихъ случаяхъ, когда растеніе поранено механически. Кромѣ того, такіе сосуды встрѣчаются не во всѣхъ растеніяхъ и по одному этому уже не могутъ соотвѣтствовать жиламъ животныхъ. Но тѣмъ важнѣе значеніе этихъ млечныхъ соковъ для человѣка, которому растенія доставляютъ въ нихъ самыя ядовитыя и самыя полезныя вещества, какъ мы увидимъ ниже.

Растенія, содержащія млечные соки, довольно многочисленны и въ нашихъ странахъ. Но чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ значительнѣе число ихъ и тѣмъ разнообразнѣе свойства самыхъ соковъ. Вообще ихъ можно раздѣлить на три большихъ группы. Къ первой слѣдуетъ причислить тѣ изъ нихъ, которые по составу своему наиболѣе походятъ на молоко животныхъ и потому доставляютъ вкусную пищу для обитателей тѣхъ странъ. Соки второй группы пріобрѣли особенную важность для человѣка; мѣсто капелекъ жира, плавающихъ въ молокѣ животныхъ, въ нихъ заступаютъ шарики каучука, также какъ и первые,



Грав. на деревѣ Е. Даммиллеръ.

1. Млечный сосудъ изъ сердцевины бузины (Sambucus nigra), наполненный бурокрасноватымъ веществомъ. 2. Болѣе развитый млечный сосудъ, стѣнки окружавшихъ его клѣточекъ разрушены гніеніемъ. 3. Млечный сосудъ; съ окружающими его клѣточками. 4. Такой же сосудъ изъ стебля обыкновеннаго молочая, съ собственными стѣнками.



отстаивающагося въ покоѣ на поверхности жидкости. Третья группа, наконецъ, доставляетъ самые сильные яды, которые въ рукахъ дикихъ обитателей Америки, Азіи и Африки служатъ опаснѣйшимъ оружіемъ противъ хищныхъ звѣрей и иногда еще болѣе хищныхъ людей.

Почти каждая страна свѣта славится особенными, свойственными ей растеніями, доставляющими ядовитый сокъ для отравленія стрѣлъ. Яды эти по большей части намъ еще мало извѣстны, потому что дикари стерегутъ свои сокровища очень бдительно. Приготовленіе отравъ для стрѣлъ и дротиковъ составляетъ тайну жрецовъ и знахарей; какъ напитываніе стрѣлъ, такъ и самое собираніе млечнаго сока, сопровождается различными суевѣрными обрядами и таинственными заклинаніями. Туземецъ, уличенный въ продажѣ такого яда европейцу, подвергается смерти и жизнь покупщика также находится въ опасности. Дѣйствіе этихъ ядовъ чрезвычайно быстро. Едва остріе отравленной стрѣлы проникло до крови, какъ у пораженнаго человѣка или животнаго тотчасъ же начинаются сильнѣйшія судороги, за которыми чрезъ нѣсколько мгновеній слѣдуетъ смерть. Въ минуту смерти у рта раненаго выступаетъ пѣна и трупъ убитаго очень быстро приходитъ въ гніеніе. Пораженный отравленною стрѣлою обреченъ неминуемой гибели, потому что ни одному европейцу неизвѣстно противоядіе; единственная возможность спасенія состоитъ въ немедленномъ вырѣзываніи раненаго мѣста и окружающаго его мяса. Къ этому же средству прибѣгаютъ туземцы для того, чтобы

сдѣлать годнымъ для употребленія въ пищу мясо животныхъ, убитыхъ ядовитыми стрѣлами. Мясо такихъ животныхъ, не смотря на мгновенное дѣйствіе яда, совершенно безвредно и съѣдается дикарями ежедневно въ большихъ количествахъ. Извѣстный своими странствованіями по южной Америкѣ путешественникъ Пёппингъ (Pöpping) имѣлъ много случаевъ познакомиться съ дѣйствіемъ одного изъ сильнѣйшихъ такихъ ядовъ, такъ называемаго *вураре*. По его словамъ, Индѣйцы просверливаютъ и тщательно выглаживаютъ внутри длинную трубку, потомъ изготовляютъ изъ твердаго дерева стрѣлу, почти въ футъ длины и, обмакнувъ остріе ея въ этотъ ядъ, обвертываютъ другой конецъ хлопчатою бумагою, такъ что онъ плотно входитъ въ пустоту означенной трубки. Запасшись этимъ страшнымъ оружіемъ, дикарь подкрадывается къ безпечному врагу, не ожидающему нападенія; привычная нога его не производитъ ни малѣйшаго шороха, никакой зоркій глазъ не разглядитъ въ чащѣ лѣса его опасной трубки, изъ которой мѣтко и безъ звука, однимъ сильнымъ дуновеніемъ пущенная стрѣла, даже на разстояніи тридцати шаговъ, настигаетъ въ расплохъ безоружную жертву, — и малѣйшей раны достаточно, чтобы она чрезъ нѣсколько минутъ испустила духъ въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Замѣчательно, что многія растенія, не смотря на ядовитость соковъ, заключающихся въ нихъ, доставляютъ въ этихъ странахъ важнѣйшія питательныя вещества. Таковы напримѣръ, *иньямъ*, который предлагали разводить вмѣсто нашего картофеля, подверг-

шагося въ послѣднее время болѣзни—и въ особенности *маніоковый корень* (Jatropha Manihot), замѣняющій туземцамъ южной Америки рисъ и зерновые хлѣба стараго свѣта. Въ сыромъ состояніи сокъ этого растенія есть быстро дѣйствующій ядъ, но приготовленная изъ него мука не имѣетъ никакихъ ядовитыхъ свойствъ и служитъ здоровою, вкусною пищею. Жены дикарей толкутъ деревяннымъ пестомъ собранные коренья маніока въ выдолбленномъ пнѣ, замѣняющемъ корыто, и, завернувъ полученный такимъ образомъ густой кисель въ плетенку изъ листьевъ лилейныхъ растеній, выжимаютъ изъ него сокъ въ чашку, сдѣланную изъ плода тыквеннаго дерева. Въ это молоко дикарь обмакиваетъ свои стрѣлы, пока жена его разводитъ огонь, чтобы засушить выжатый изъ кореньевъ сокъ, совершенно утрачивающій при этомъ отъ дѣйствія жара свои ядовитыя свойства. Сухую массу растираютъ потомъ между камнями и мука готова.

Особенною извѣстностію пользуется, въ слѣдствіе многочисленныхъ и по большей части преувеличенныхъ разсказовъ европейскихъ путешественниковъ, млечный сокъ ростущаго на островѣ Явѣ дерева *упасъ*, называемаго у Яванцевъ *антіаръ*, у Малайцевъ *погонъ упасъ* (Antiaris toxicaria). Чего не писали объ этомъ чудномъ деревѣ! По словамъ первыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ островъ Яву, оно убиваетъ не только всѣхъ живыхъ существъ, прикоснувшихся къ его соку или подошедшихъ къ нему на извѣстное разстояніе, но даже дѣйствуетъ убійственно на окружающія его растенія, почему и стоитъ всегда одино-

кимъ посреди пустынной долины, усѣянной костями и скелетами разныхъ животныхъ. Туземцы прозвали эту мѣстность острова *долиною смерти* или *яда*. Новѣйшія изслѣдованія разсѣяли наконецъ таинственный мракъ, окружавшій это ужасное дерево въ описаніяхъ и разсказахъ путешественниковъ. Теперь извѣстно, что изъ сока *упаса* дѣйствительно добывается сильный ядъ, служащій для отравленія стрѣлъ, но что убійственное дѣйствіе долины смерти на все живое производятъ не деревья, а испаренія почвы, изъ которой выходитъ въ большомъ количествѣ углекислота — газъ, почти мгновенно удушающій всякаго, кто приближается къ этимъ опаснымъ мѣстамъ. Точно такое же явленіе замѣчается и въ извѣстной Собачьей пещерѣ близъ Неаполя или въ пещерѣ Пирмонтской, гдѣ этотъ газъ немедленно убиваетъ брошенныхъ въ нихъ собакъ и другихъ животныхъ.

Было бы утомительно исчислять здѣсь всѣ растенія, доставляющія ядовитые млечные соки. Обратимъ только вниманіе еще не одно изъ нихъ, весьма замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. Это бѣлый макъ, изъ недозрѣлыхъ головокъ котораго добывается родъ смолы темнобураго цвѣта, извѣстной подъ именемъ опіума. Уже древнимъ грекамъ сокъ мака былъ извѣстенъ, какъ врачебное средство противъ многихъ болѣзней, а римляне дали ему названіе «opium», то есть напиточекъ. Онъ и теперь въ рукахъ Европейцевъ служитъ однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ въ медицинѣ. Одуряющія свойства этого вещества дѣлаютъ его однакоже чрезвычайно опаснымъ ядомъ,

въ слѣдствіе чего при употребленіи его должна быть соблюдаема величайшая осторожность. Опасно даже слишкомъ долго оставаться на поляхъ, засѣянныхъ макомъ. Нѣкоторыя матери даютъ своимъ грудным младенцамъ, для того, чтобы они дольше и покойнѣе спали, настой маковыхъ головокъ въ молокѣ; но содержащійся въ этихъ головкахъ опіумъ неестественно раздражаетъ нервную дѣятельность нѣжнаго младенца, ослабляетъ его и усыпляетъ не рѣдко вѣчнымъ сномъ.

Болѣе важную роль играетъ опіумъ на Востокѣ, гдѣ для добыванія его засѣваютъ макомъ огромныя пространства земли. Нѣмыя растенія даютъ намъ не рѣдко возможность глубоко проникать взоромъ въ нравственную жизнь цѣлыхъ народовъ, потому что склонности ихъ къ тому или другому растенію обнаруживаютъ ихъ потребности, образъ жизни и привычки. Замѣчательно, что почти каждая нація переноситъ съ собою при своихъ странствованіяхъ какое нибудь растеніе, разведеніемъ котораго она занимается потомъ на новомъ мѣстѣ переселенія. Греки занесли всюду, куда они ни пришли, виноградную лозу, римляне — зерновые хлѣба, персы — кипарисъ, цыгане — дурманъ, арабы финиковую пальму, магометане опіумъ. Но какъ для однихъ народовъ одно растеніе дѣлается источникомъ благосостоянія и благоденствія страны, — такъ для другихъ оно служитъ причиною бѣдствій и упадка, потому что человѣкъ весьма часто употребляетъ силы природы во вредъ себѣ.

Между тѣмъ какъ Европеецъ добываетъ изъ сѣмянъ бѣлаго мака полезное маковое масло, — жители

Востока извлекаютъ изъ него ядовитый сокъ, надрѣзая для этого недозрѣвшія сѣмянныя головки. Уваривъ его до густоты тѣста, они формуютъ изъ него лепешки, завертываютъ въ листы мака и относятъ на особыя фабрики, гдѣ его ощищаютъ и приготовляютъ изъ него опіумныя пилюли. Въ одной Персіи засѣвается макомъ около 12000 квадратныхъ миль, доставляющихъ до $^1/_2$ милліона фунтовъ опіума, отправляемаго на продажу въ Смирну, а въ Англійскихъ владѣніяхъ Остъ-Индіи занято полтора милліона людей воздѣлываніемъ этого растенія на пространствѣ въ 120,000 акровъ, съ которыхъ получается опіума ежегодно болѣе, чѣмъ на 30 милліоновъ рублей.

Куда же употребляется такое огромное количество этого ядовитаго вещества, добываемое ежегодно? Восточные народы съ давнихъ временъ употребляютъ опіумъ внутрь какъ раздражающее нервы средство; извѣстно, что Ассасины (*) принимали его передъ отправленіемъ въ битвы, для возбужденія въ себѣ кровожаднаго опьяненія. Магометане распространили употребленіе опіума въ Индіи и, хотя нѣкоторые султаны запрещали его подъ опасеніемъ смертной казни, однакоже пагубная привычка укоренилась уже такъ глубоко, что не было возможности истребить зло. Слѣдствіемъ ея былъ нравственный упадокъ и безсиліе магометанскихъ народовъ, прежде уважавшихъ искусства и науки, занимавшихся съ успѣхомъ торговлею и ремеслами и бывшихъ во многомъ наставниками Европейцевъ. Теперь они обѣднѣли, ихъ великіе города превратились

(*) Магометанская секта XII вѣка.

въ развалины, невѣжество и лѣность обратили самыя благословенныя земли въ безплодныя пустыни, тѣ самыя земли, гдѣ нѣкогда процвѣтали Тиръ, Багдадъ, Смирна, Пальмира, Селевкія, Александрія и другіе богатые города. Азія сдѣлалась страною развалинъ, ея нѣкогда воинственные народы служатъ наемными работниками европейскихъ купеческихъ компаній, и причиною всего этого былъ большею частію опіумъ.

Турки ѣдятъ опіумъ; малайцы и китайцы курятъ его въ трубкахъ и глотаютъ въ видѣ дыма, отуманивая имъ себя съ такою же страстью, какъ пьяница спиртными напитками. Въ малыхъ пріемахъ опіумъ усиливаетъ жизненную дѣятельность всего тѣла, біеніе пульса учащается, чувствительность утончается до чрезвычайной степени. Курящій опіумъ впадаетъ въ какое-то самозабвеніе, ему кажется, что онъ носится въ неземныхъ пространствахъ; за этимъ опьяненіемъ слѣдуетъ продолжительный сонъ. Тѣмъ ужаснѣе пробужденіе курильщика: лицо его блѣдно, глаза тусклы, онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ, не способенъ ни къ какой работѣ и чтобы избавиться отъ этого невыносимаго состоянія, онъ снова прибѣгаетъ къ опіуму. Окончательное разстройство всего организма, притупленіе чувствъ, вообще разслабленіе и наконецъ смерть — вотъ печальныя послѣдствія употребленія этого яда. При такомъ дѣйствіи опіума не удивительно, что употребленіе его столько же заманчиво, какъ и употребленіе спиртныхъ напитковъ. Подобно тому, какъ страсть къ вину вызвала существованіе тысячи питейныхъ домовъ, такъ употребленіе опіума распространило воздѣ-

лываніе мака. Оно приняло во многихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Индостанѣ, такіе громадные размѣры, что даже стѣснило воздѣлываніе необходимыхъ для продовольствія народа хлѣбныхъ растеній, въ особенности риса, что было уже часто причиною ужаснаго голода въ странѣ. Но и эти бѣдствія не были въ состояніи возвратить человѣка на путь истины; напротивъ, они даже какъ будто способствовали усиленію неумѣреннаго потребленія обольстительнаго яда. Доведенные до отчаянія своимъ бѣдственнымъ положеніемъ, жители начали еще чаще прибѣгать къ опіуму, какъ прибѣгаетъ къ бутылкѣ пьяница, желающій заглушить чувство самосознанія, и сдѣлались вскорѣ совершенными рабами ядовитаго сока. Вывозъ опіума изъ Калькутты, резиденціи Остъ-Индской компаніи, видѣвшей въ постыдной торговлѣ имъ съ Китаемъ выгодную для себя монополію и доведшей ее до цвѣтущаго состоянія, возбуждаетъ ужасъ, если вспомнить, что въ тридцатипятилѣтній промежутокъ времени отправлено оттуда 162,243 ящика опіума, цѣною почти на 200 милліоновъ долларовъ, и что чистый доходъ отъ продажи его составлялъ въ нѣкоторые годы до 7 милліоновъ рублей. Вывозъ опіума въ Китайскую Имперію увеличивается еще и понынѣ. Вспомните при этомъ, что неумѣренное употребленіе опіума влечетъ за собою гораздо ужаснѣйшія послѣдствія, чѣмъ пьянство, что оно губитъ не только духъ, но и тѣло, и притомъ въ очень короткое время, превращаетъ человѣка въ животное, и вы съ отвращеніемъ отвернетесь отъ этой торговли, губящей нравственность и благосостояніе цѣлыхъ на-

родовъ, задерживающей цѣлыя страны свѣта на пути развитія. Не довольствуясь тайнымъ провозомъ въ Китай запрещеннаго тамошнимъ правительствомъ яда, англичане принудили въ недавнее время Китайцевъ пушками открыто покупать у нихъ опіумъ. Китайцы вынуждены были покориться силѣ и островъ Чусанъ съ нѣсколькими милліонами контрибуціи былъ наградою побѣдителей. Гораздо благороднѣе поступилъ Императоръ Китайскій, предлагавшій Англичанамъ 10 милліоновъ рублей ежегоднаго вознагражденія, если они согласятся отказаться отъ воздѣлыванія опіума въ Остъ-Индіи; но алчность Англичанъ не допустила согласиться на это предложеніе. Безпрепятственно проникаетъ теперь ядъ христіанъ въ страну поклонниковъ фетишизма и даже само правительство пекинское, наученное печальнымъ опытомъ, не осмѣливается запретить употребленіе опіума, потому что подобное запрещеніе произвело бы неминуемо возстаніе въ народѣ. Такимъ образомъ, повидимому ничтожное растительное вещество доставило милліоны торговлѣ, открыло Европейцамъ Китай, успѣшно ограждавшій себя непроницаемою для иноземцевъ стѣною въ продолженіи цѣлыхъ двухъ тысячь лѣтъ, — но въ то же время отравило цѣлые народы, сгубило ихъ нравственность, было причиною пролитія крови, однимъ словомъ высыпало изъ ящика Пандоры на нихъ всѣвозможныя бѣдствія, печальныя послѣдствія которыхъ не исчислимы. Что могутъ помочь въ этомъ случаѣ проповѣди миссіонеровъ, если Англія, защитница свободы, такъ не по христіански содѣйствуетъ гибели многочисленныхъ племенъ! Сколько

обѣднѣвшихъ и несчастныхъ семействъ проклинаютъ бездушную націю, уничтожающую въ одномъ мѣстѣ торгъ невольниками, а въ другомъ насильно отравляющую народъ и дѣлающую его рабомъ самой низкой чувственности!

Но оставимъ эти печальныя картины и перейдемъ къ тѣмъ растеніямъ, млечный сокъ которыхъ можетъ служить пищею человѣку. Такъ называемое *коровье* или *молочное дерево*, «Palo de Vacca» южной Америки, Galactodendron utile ботаниковъ, одно изъ интереснѣйшихъ въ этой группѣ. Дерево это, принадлежащее къ роду смоковницъ, ростетъ въ южной Америкѣ на самыхъ безплодныхъ высяхъ Кордильеръ. Гумбольдтъ описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «На пустынныхъ скалахъ возвышаются деревья съ кожистыми, сухими листьями; ихъ большіе деревянистые корни едва въ состояніи проникать въ каменистую почву. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году зелень ихъ не освѣжается ни одною каплею влаги. Вѣтви ихъ кажутся мертвыми и высохшими, но стоитъ только сдѣлать въ стволѣ одного изъ такихъ деревьевъ надрѣзъ и изъ него потечетъ сладкое и питательное молоко. При восходѣ солнца коровье дерево даетъ наибольшее количество сока. Туземцы спѣшатъ въ это время къ нему со всѣхъ сторонъ, съ большими чашками для собиранія молока, которое потомъ желтѣетъ и сгущается на поверхности. Одни выпиваютъ свои чашки тутъ же подъ деревомъ, другіе несутъ благодатный сокъ домой, чтобы напоить имъ своихъ дѣтей. При взглядѣ на эту картину можно подумать, что

семья пастуха коровъ собралась вокругъ него и получаетъ отъ него произведеніе стада. Вытекающее изъ надрѣзовъ молоко нѣсколько клейко, довольно густо, ароматично и пріятно на вкусъ. Намъ подали его въ чашкѣ, сдѣланной изъ плода тыквеннаго дерева. Мы выпили его довольно много на ночь, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, и потомъ рано по утру, не замѣтивъ никакихъ вредныхъ послѣдствій. Только клейкость этой жидкости нѣсколько непріятна для непривычнаго. Негры и свободные работники пьютъ молоко коровьяго дерева, макая въ него хлѣбъ изъ кассавы или маиса.» Длина ствола этого полезнаго дерева до первыхъ вѣтвей бываетъ нерѣдко 80 футовъ, все же дерево достигаетъ около 100 футовъ вышины. Количество вытекающей изъ него жидкости такъ велико, что ею можно напоить и насытить нѣсколькихъ человѣкъ. Въ безплодныхъ знойныхъ пустыняхъ Америки коровье дерево какъ бы замѣняетъ неграмъ и туземцамъ грудь матери.

Другое подобное же дерево, растущее въ лѣсахъ Гвіяны, извѣстно у туземцевъ подъ названіемъ Гіа–Гіа (Tabernaemontana utilis). Его кора и сердцевина изобилуютъ млечнымъ сокомъ въ такой степени, что умѣренной величины стволъ, срубленный на берегу быстраго ручья путешественникомъ Арнотомъ, въ одинъ часъ превратилъ прозрачную воду этого ручья въ совершенно бѣлую и молочную. Сокъ *табайбы*, одного изъ видовъ молочаевъ (Euphorbia balsamifera), растущаго на Канарскихъ островахъ, походитъ также на сладкое молоко и превращается, по словамъ извѣст-

наго естествоиспытателя Леопольда фонъ-Буха, подробно изслѣдовавшаго эти острова, тамошними жителями въ желе, составляющее лакомое блюдо.

Къ полезнымъ для человѣка молочнымъ сокамъ слѣдуетъ причислить также гуммигутъ, доставляемый различными деревьями изъ семейства камеденосныхъ, ростущихъ въ изобиліи на островѣ Цейлонѣ, и во многихъ мѣстахъ восточной Индіи. Онъ вытекаетъ изъ надрѣзовъ въ корѣ, въ видѣ желтой жидкости, и служитъ для приготовленія превосходной желтой краски и разныхъ лаковъ. Кромѣ того онъ употребляется также и во врачебномъ искусствѣ.

Гораздо важнѣйшую и благодѣтельнѣйшую роль играютъ въ исторіи человѣчества млечные соки растеній, содержащихъ каучукъ, сдѣлавшійся въ новѣйшее время весьма важнымъ предметомъ торговли. Дерево, изъ котораго преимущественно добывается каучукъ, принадлежитъ къ семейству молочайныхъ и называется у ботаниковъ Siphonia elastica. Оно распространено по всей тропической Америкѣ, начиная отъ Мексики до Бразиліи; въ особенности часто оно встрѣчается на неизмѣримыхъ равнинахъ къ югу отъ Ориноко, покрытыхъ, если можно такъ выразиться, сплошнымъ первобытнымъ лѣсомъ, въ который можно проникать не иначе, какъ только по большимъ рѣкамъ, а также на безчисленныхъ низменныхъ островахъ, которыми усѣяло чрезвычайно широкое устье рѣки Амазонской. Но не одно это дерево доставляетъ намъ каучукъ; онъ добывается также изъ многихъ другихъ растеній Америки и Восточной Индіи. Въ Остъ-Индіи получаютъ его пре-

имущественно изъ различныхъ видовъ смоковницъ, образующихъ огромныя деревья съ великолѣпными кронами и сладкими плодами. Вообще съ каждымъ годомъ дѣлается извѣстнымъ все большее и большее число растеній, содержащихъ въ своемъ сокѣ каучукъ, и можно надѣяться, что, какъ скоро образованное кавказское племя предоставитъ несчастнымъ обитателямъ Африки права человѣка, то эта мало извѣстная часть свѣта откроетъ намъ новые богатые источники драгоцѣннаго вещества. Растенія, доставляющія каучуковый сокъ, не рѣдки и въ нашихъ теплицахъ; но какъ бы мы ни ухаживали за ними, они никогда не въ состояніи будутъ достигнуть здѣсь того роскошнаго развитія, которымъ отличаются въ своемъ отечествѣ подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца Индіи и тропической Америки. Подобно тому, какъ Европеецъ подъ вліяніемъ природы тропическихъ странъ дѣлается инымъ человѣкомъ, нисколько при томъ не вырождаясь, точно также и эти растенія измѣняются въ нашихъ исскуственныхъ теплицахъ; сокъ ихъ содержитъ вмѣсто каучука только вещество, подобное птичьему клею, добываемому изъ нашей омелы, — обстоятельство, служащее доказательствомъ, что для образованія каучука необходимо знойное небо тропиковъ.

Способъ добыванія каучука, употребляемый туземцами, очень простъ; они дѣлаютъ для этой цѣли на корѣ деревьевъ длинные и глубокіе разрѣзы до самой древесины и вколачиваютъ въ нихъ, для того, чтобы они не закрывались, небольшіе деревянные клинья.

Изъ этихъ разрѣзовъ вытекаетъ въ большомъ количествѣ бѣлый сокъ, собираемый индѣйцами въ корыта, выдолбленныя изъ исполинскихъ стеблей особаго вида бамбуковаго тростника, въ которыхъ онъ вскорѣ густѣетъ и превращается въ твердую массу. Для облегченія засушиванія, они намазываютъ также этотъ сокъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ сгуститься, тонкими слоями на формы изъ необожженой глины, имѣющія обыкновенно фигуру круглыхъ короткогорлыхъ бутылокъ различной величины. Когда слой каучука, въ слѣдствіе повторительнаго обмазыванія, достигъ надлежащей толщины, его окончательно засушиваютъ надъ дымящимся огнемъ, (см. рис. 1-й) который сообщаетъ ему черный или бурый цвѣтъ, и разбиваютъ потомъ глиняныя формы, чтобы вынуть ихъ вонъ. Подобнымъ же образомъ изготовляютъ въ Квито (Перу) очень искусно изъ жидкаго сока всѣмъ извѣстныя резинковыя галоши, разнаго рода обувь и т. п., а также непромокаемыя ткани; для этой послѣдней цѣли намазываютъ на ткань тонкій слой сока и накладываютъ на него другую такую же ткань, которая плотно соединяется съ первою. Въ прежнее время каучукъ привозили къ намъ въ видѣ странныхъ фигуръ птицъ, четвероногихъ животныхъ и т. п.; теперь же онъ поступаетъ въ продажу большею частію въ большихъ толстыхъ плиткахъ или въ видѣ жидкости, въ плотно закупоренныхъ бутылкахъ. Индѣйцы, при собираніи сока, обращаются съ нимъ очень небрежно и потому добытый ими каучукъ содержитъ всегда много постороннихъ примѣсей, значительно затрудняющихъ въ

послѣдствіи его обработку. Туземцы вообще неохотно занимаются этимъ дѣломъ, потому что собираніе другихъ произведеній природы, какъ напр. сассапарильнаго корня, требуетъ гораздо меньшихъ трудовъ и потому доставляетъ имъ болѣе выгодъ. Если бы не это обстоятельство, то вывозъ каучука изъ Америки былъ бы еще значительнѣе. Одинъ человѣкъ можетъ собрать въ день 16 фунтовъ, но на дѣлѣ количество собраннаго индѣйцемъ каучука рѣдко превышаетъ 4 фунта. Въ южной Америкѣ его зевертываютъ въ листья банана и употребляютъ вмѣсто факеловъ, а изъ луба дерева выдѣлываютъ ткани для одежды.

Рис. 1.

Собираніе каучука.

Неизвѣстно, кто первый привезъ каучукъ въ Европу. Обыкновенно полагаютъ, что съ нимъ познакомилъ Европейцевъ знаменитый французскій ученый Ла Кондамина, посланный французскою Академіею въ Южную Америку для измѣренія градусовъ; по крайней мѣрѣ онъ первый сообщилъ о немъ свѣдѣнія въ 1736 году, по возвращеніи своемъ изъ путешествія. Но еще долго послѣ того каучукъ считался большою рѣдкостью, которую можно было найти въ музеяхъ. Португальцы первые ввели его въ торговлю и продавали подъ именемъ «Bocacho». На островахъ Восточной Индіи онъ открытъ случайно отрядомъ солдатъ, которые были принуждены на островѣ Принца Уэльсскаго пролагать себѣ путь чрезъ лѣсъ своими саблями. Они были очень изумлены, увидѣвъ, что сабельные клинки покрылись при этомъ какою-то клейкою массою, оказавшеюся въ послѣдствіи каучукомъ.

Прошли цѣлыя десятилѣтія и никому не приходило на мысль, чтобы каучукъ былъ годенъ для чего нибудь инаго, кромѣ вытиранія карандаша. Мало по малу однакоже, промышленность научилась пользоваться замѣчательнѣйшимъ свойствомъ затвердѣвшаго млечнаго сока — его необыкновенною упругостію. Въ 1790 году начали приготовлять изъ него эластическія повязки, а вскорѣ за тѣмъ нашли средство размягчать его и выдѣлывать изъ него непромокаемыя ткани. Въ 1791 году появились въ торговлѣ каучуковыя трубки, приготовлявшіяся изъ тонкихъ полосокъ его, которыя навивались спирально на круглыя палочки, а въ 1820 г. Стаделеръ открылъ способъ вытягивать его въ тонкія

нити, которыя обвивались потомъ хлопчато бумажными и другими нитками и служили матеріаломъ для выдѣлки эластическихъ тканей. Еще нѣсколько позже фабрикантъ Мэкинтошъ началъ изготовлять изъ него, названныя по его имени, непромокаемыя матеріи, которыя хотя и распространились быстро во всемъ образованномъ мірѣ, но также скоро потомъ были оставлены, потому что сдѣланное изъ нихъ платье оказалось очень неудовлетворительнымъ въ практическомъ отношеніи; матеріи эти не пропускаютъ воды и потому дѣйствительно очень хорошо защищаютъ отъ дождя, но въ тоже время онѣ задерживаютъ и испаренія тѣла, такъ что пѣшеходъ, одѣтый въ такое платье, вскорѣ промокаетъ изъ нутри, даже въ совершенно сухую погоду. Не малую пользу принесло открытіе каучука также химикамъ, для которыхъ вещество это сдѣлалось въ скоромъ времени совершенно необходимымъ. Можно даже положительно утверждать, что химія обязана отчасти своими громадными успѣхами, сдѣланными ею съ конца прошедшаго столѣтія, по видимому, нисколько не важнымъ каучуковымъ трубочкамъ, въ нѣсколько дюймовъ длиною, которыя каждый химикъ умѣетъ приготовлять теперь безъ всякаго труда. Съ помощію ихъ онъ соединяетъ газопроводныя трубки и устроиваетъ самые сложные приборы. Возможность такого употребленія каучука основывается на его свойствѣ плотно слипаться при прикосновеніи свѣжихъ разрѣзовъ одного къ другому. Химикъ накладываетъ для этого небольшой кусочекъ каучуковаго листа на стеклянную трубку такимъ образомъ, чтобы оба края

его сходились вмѣстѣ, и разомъ отрѣзаетъ ихъ острыми ножницами. Если плоскости разрѣза все еще не совсѣмъ плотно соединились между собою, то ихъ тщательно прижимаютъ одну къ другой и трубочка готова. Кромѣ того каучукъ представляетъ еще и то удобство, что на него не дѣйствуютъ многія острыя жидкости и ѣдкіе пары. Въ прежнее время даже долго не знали средства растворять его и только въ началѣ нынѣшняго столѣтія найдено, что если его размягчить въ горячей водѣ, то онъ легко растворяется въ эѳирѣ. Въ нефти и скипидарномъ маслѣ онъ не растворяется, но только размягчается, разбухаетъ, причемъ объемъ его увеличивается въ 30 разъ противъ прежняго. Размягченную каучуковую бутылку легко раздуть въ довольно большой пузырь. Митчель приготовлялъ такимъ образомъ изъ каучуковаго пузыря величиною съ грецкій орѣхъ— шары, имѣвшіе до шести футовъ въ поперечникѣ. Шары эти наполнялись водороднымъ газомъ и служили игрушками для дѣтей. Одинъ такой шаръ ускользнулъ однажды изъ рукъ Митчеля и опустился на землю на разстояніи 130 англійскихъ миль отъ города. Въ настоящее время существуетъ въ Парижѣ фабрика, на которой изготовляется ежегодно до 10,000 штукъ такихъ шаровъ, продающихся потомъ въ игрушечныя лавки. Эти шары вѣроятно знакомы нашимъ читателямъ, посѣщавшимъ выставки игрушекъ на Вербной недѣли въ прошедшемъ и предшествовавшихъ годахъ.

Гораздо легче растворяется каучукъ въ нѣкоторыхъ другихъ жидкостяхъ, какъ напр. въ хлороформѣ и въ особенности въ жидкомъ соединеніи углерода съ во-

дородомъ, получаемомъ при сухой перегонкѣ дегтя или самаго каучука. Въ Гринвичѣ переработываются такимъ образомъ на одной только фабрикѣ до 800 фунтовъ каучуковыхъ обрѣзковъ въ день. Послѣ перегонки, въ желѣзныхъ сосудахъ остается клейкое вещество, никогда не теряющее своей вязкости, упорно противодѣйствующее вліянію воды и воздуха и потому употребляемое съ успѣхомъ въ Англійскомъ флотѣ, для пропитыванія имъ канатовъ, которые пріобрѣтаютъ чрезъ это особенную прочность.

Открытіе способовъ обработывать каучукъ положило основаніе развитію весьма важной отрасти промышленности, и въ то же время усилило и требованія на сырой продуктъ. Уже въ 1820 году количество ввоза его въ Англію простиралось до 25 тысячъ фунтовъ, а въ 1829 году оно возросло почти до 100 тысячъ, слѣдовательно, почти учетверилось. Но не смотря на такое значительное потребленіе, каучуковая промышленность все еще находилась, въ сравненіи съ нынѣшнимъ ея состояніемъ, почти въ младенчествѣ. Болѣе обширному примѣненію каучука препятствовали самыя свойства этого вещества. Изготовлявшіеся изъ него предметы были слишкомъ непостоянны и употребленіе ихъ слишкомъ ограниченно. На холодѣ каучукъ, какъ извѣстно, отчасти утрачиваетъ свою гибкость и упругость и твердѣетъ, лѣтомъ же во время сильныхъ жаровъ дѣлается слишкомъ мягкимъ и липкимъ. Устраненіе этихъ неудобствъ, посредствомъ обработки его съ сѣрою, или посредствомъ такъ называемой вулканизаціи каучука, разширило предѣлы каучуко-

вой промышленности и дало возможность дѣлать изъ него самое разнообразное употребленіе.

Чрезвычайно важное открытіе это сдѣлано въ Сѣверной Америкѣ только недавно. Бостонскіе фабриканты, брятья Чарльзъ и Нельсонъ Гудьеръ уже лѣтъ 20 тому назадъ старались найти средство отнять у каучука его непостоянство посредствомъ примѣшиванія нѣкоторыхъ веществъ и обработки его паромъ; опыты ихъ оставались однакоже въ продолженіи долгаго времени безъ всякаго успѣха; между тѣмъ денежныя средства ихъ истощились, состояніе разстроилось и одинъ изъ братьевъ попалъ за долги въ тюрьму. Тогда другой братъ попробовалъ однажды соединить каучукъ съ сѣрою, положилъ образцы въ паровой снарядъ, открылъ кранъ трубы изъ паровика и, оставивъ его въ немъ, побѣжалъ къ разнымъ знакомымъ въ Бостонѣ, похлопотать о помощи брату. Возвратившись поздно домой, онъ нашелъ огонь подъ котломъ уже потухшимъ и открылъ паровой снарядъ, въ которомъ находились образцы, не ожидая ничего путнаго. Опытъ однакоже удался и столь долго искомое вещество было наконецъ найдено; сѣра вулканизировала каучукъ, то есть превратила его въ прочную, неизмѣняющуюся отъ дѣйствія температуры массу. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, братья Гудьеръ получили привилегію на новооткрытый способъ и сдѣлались скоро очень богатыми людьми.

Въ сѣверной Америкѣ, отечествѣ этого изобрѣтенія, существуютъ въ настоящее время самыя большія фабрики издѣлій изъ «India Rubber», какъ тамъ назы-

ваютъ вулканизованный каучукъ. Онъ приготовляется въ двухъ видахъ: мягкій (Soft) Rubber и твердый (Hard) Rubber; послѣдній получается при смѣшиваніи каучука съ большимъ количествомъ сѣры и образуетъ такую же твердую массу, какъ слоновая кость или черное дерево, способную принимать самую превосходную политуру. Для каждаго сорта издѣлій существуютъ особыя фабрики. Такъ напримѣръ однѣ занимаются только выдѣлкою рессоръ для вагоновъ, употребляемыхъ на желѣзныхъ дорогахъ (компанія, получившая привилегію на это изобрѣтеніе, переработываетъ ежегодно 400,000 фунтовъ сыраго матеріала), другія выдѣлкою эластическихъ ремней для машинъ, третьи непромокаемаго платья и хирургическихъ инструментовъ. Къ числу самыхъ обширныхъ заведеній этого рода принадлежатъ фабрики резинковыхъ галошъ, наводняющія своими произведеніями европейскіе рынки. Въ Соединенныхъ Штатахъ изготовляется ежегодно около 4 милліоновъ паръ галошъ изъ India Rubber; одна только «Hayward- Compapy» выдѣлываетъ ихъ по 3000 пары въ день. Фабрикація издѣлій изъ твердаго каучука также приняла обширные размѣры; теперь изъ этого матеріала выдѣлываются гребенки, линейки, различные сосуды, пробочники, лошадиная сбруя, рейсфедеры, пуговицы, глобусы, дѣтскія игрушки, рукоятки для ножей, ружейныя ложи, оптическіе и музыкальные инструменты, физическіе приборы, галантерейныя вещи, литеры, роскошная мебель — однимъ словомъ твердый каучукъ замѣняетъ не только черное дерево, рогъ, черепаху, слоновую кость и китовый усъ, но

даже и желѣзо. Въ послѣднее время стали дѣлать изъ него подковы для лошадей, ободья для колесъ, доски для обшивки кораблей и другіе предметы, ни въ чемъ не уступающіе желѣзнымъ издѣліямъ подобныхъ родовъ, такъ что вещество это заслуживаетъ вполнѣ названія растительнаго желѣза.

Изъ Европейскихъ государствъ Англія, Франція и Бельгія также стараются не отставать въ дѣлѣ каучуковой промышленности отъ Соединенныхъ Штатовъ, хотя и не могутъ равняться съ ними въ громадности производства. Всемірныя выставки въ Лондонѣ и Парижѣ изумляли посѣтителей разнообразіемъ и изяществомъ произведеній изъ каучука, выставленныхъ англійскими и французскими фабрикантами. Въ этомъ богатомъ собраніи находилась между прочими предметами и толстая книга изъ вулканизованнаго каучука, въ такомъ же переплетѣ, содержавшая исторію промышленности, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Очень жаль, что это изобрѣтеніе не было извѣстно въ прежнее время; оно сохранило бы для насъ сокровища древности, теперь потерянныя безвозвратно. Подобныя творенія могли бы перенести безъ порчи даже всемірный потопъ. Можетъ быть, со временемъ станутъ печатать такія книги для употребленія во время купанья: это будутъ въ полномъ смыслѣ библіотеки для ваннъ, какъ существуютъ теперь библіотеки для желѣзныхъ дорогъ, путешествій и т. д.

Непосредственно за каучукомъ слѣдуетъ, по своему промышленному значенію, другой молочный сокъ растеній — гутта-перча, сдѣлавшаяся извѣстною въ Европѣ

только въ 1843 году. Честь открытія принадлежитъ Англичанамъ. Монгомери, хирургъ Остъ-Индской компаніи въ Сингапурѣ, разговаривая однажды, во время одного изъ своихъ странствованій по Индіи, съ работникомъ изъ Малайцевъ, обратилъ вниманіе на рукоятку его кирки и очень изумился, услышавъ отъ него, что вещество, изъ котораго она сдѣлана, несмотря на свою твердость, совершенно размягчается, если его опустить въ горячую воду, и принимаетъ въ этомъ состояніи какую угодно форму. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ этотъ опытъ и убѣдился въ справедливости словъ Малайца. Дальнѣйшіе розыски показали, что вещество это давно извѣстно туземцамъ и употребляется въ особенности для приготовленія палокъ, бичей и рукоятокъ для орудій, ножей и кинжаловъ. Монгомери тотчасъ же послалъ въ Лондонъ образцы этого вещества и указывалъ въ особенности на многоразличное употребленіе, для котораго оно пригодно. Его посылка была встрѣчена въ Англіи къ счастію съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ донесеніе путешественника д' Альмериды, который уже гораздо ранѣе его представлялъ Азіатскому обществу въ Лондонѣ подобные же образцы.

Это новое вещество — всѣмъ извѣстная теперь гуттаперча, называемая на языкѣ туземцевъ *гутта табанъ* (*), добывается изъ сока дерева, принадлежащаго къ роду Isonandra. Долгое время не знали въ Европѣ,

(*) Слово *гутта* значитъ на языкѣ малайцевъ «древесный сокъ».

изъ какого растенія получается это вещество. Первые цвѣтущіе экземпляры его были присланы въ Англію изъ Сингапура въ коробкѣ, сдѣланной изъ гуттаперчи, и дошли такимъ образомъ, нисколько не попортившись, до ботаниковъ, которые дали ему названіе Isonandra gutta. Дерево (см. фиг. 1 и 2) это достигаетъ до 60 и даже 70 футовъ вышины, а прямой стволъ его имѣетъ часто отъ 3 до 6 футовъ въ поперечникѣ. Изъ сладкихъ плодовъ его добывается масло, годное въ пищу. Древесина мягка, волокониста и содержитъ множество продолговатыхъ сосудовъ, наполненныхъ млечнымъ сокомъ бураго цвѣта.

Рис. 2.

Вѣтвь гуттаперчеваго дерева.

Гутта перчевое дерево (Isonandra Gutta).

Способъ добыванія этого сока, къ сожалѣнію, самый варварскій. Туземцы не дѣлаютъ для этой цѣли надрѣзовъ въ корѣ, какъ при собираніи каучука, но просто срубаютъ пятидесяти и столѣтнія деревья, сдираютъ съ нихъ кору и собираютъ сокъ въ корыта, сдѣланыя изъ стволовъ банана, въ скорлупу кокосовыхъ орѣховъ или въ пальмовыя листья. Собранный сокъ скоро твердѣетъ на воздухѣ, но для сгущенія большаго количества нужно прибѣгать къ подогрѣванію на огнѣ. Отъ каждаго дерева получается не болѣе 30 фунтовъ гутта-перчи. Такой расточительный способъ добыванія, въ особенности при постоянномъ увеличеніи спроса на гутта-перчу, угрожаетъ совершеннымъ истребленіемъ деревьевъ, доставляющихъ ее, если со стороны правительства не будутъ приняты своевременно мѣры для предотвращенія этой печальной будущности. Вообще нельзя не пожалѣть о томъ, что въ Индіи слишкомъ мало заботятся о сохраненіи лѣсовъ, несмотря на печальныя послѣдствія истребленія ихъ на Вестъ-Индскихъ островахъ, которые въ эпоху открытія ихъ были всѣ покрыты великолѣпнѣйшими лѣсами, обусловливавшими изобиліе водъ и плодородіе почвы. Большая часть ихъ теперь истреблена и многіе изъ острововъ архипелага уже страдаютъ отъ засухъ и оскудѣнія источниковъ. Недостатокъ топлива уже чувствуется на всѣхъ Вестъ-Индскихъ островахъ; на Кубѣ, напримѣръ, топятъ печи, при варкѣ сахарнаго сока, померанцевымъ деревомъ, такъ какъ сахарнаго тростника оказываетая недостаточно. Этотъ печальный примѣръ оказываетъ однакоже мало дѣйствія

на жителей Остъ-Индіи, которые продолжаютъ по прежнему срубать вѣковыя деревья, не заботясь о будущемъ. Истребленіе гутта-перчевыхъ деревьевъ совершается такъ быстро, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, на Сингапурѣ они уже почти совсѣмъ изчезли. Это и не должно казаться удивительнымъ, если вспомнить, что въ теченіи $3^1/_2$ лѣтъ тамъ срублено 270000 деревьевъ, и что только въ первые четыре съ половиною года вывезено оттуда гутта-перчи болѣе $2^1/_2$ милліоновъ фунтовъ.

Гутта-перча поступаетъ въ продажу частію въ жидкомъ состояніи, частію въ небольшихъ обрѣзкахъ или въ кускахъ и свертках, на разрѣзахъ которыхъ можно явственно отличить отдѣльные слои, образующіе всю массу. Болѣе или менѣе красновато бурый цвѣтъ ея происходитъ отъ примѣси кусочковъ коры и разныхъ другихъ веществъ, какъ напримѣръ, опилокъ, земли и т. д., примѣшиваемыхъ къ ней хитрыми туземцами съ намѣреніемъ и составляющихъ иногда четвертую часть ея вѣса. Замѣчательнѣйшее свойство гутта-перчи, дѣлающее ее годною для самого разнообразнаго употребленія, состоитъ въ способности размягчаться отъ дѣйствія жара. При обыкновенной температурѣ она тверда и мало упруга, но при нагрѣваніи дѣлается совершенно мягкою и очень пластичною. Въ этомъ состояніи нѣсколько кусковъ ея можно очень легко соединить въ одинъ и придавать имъ любую форму, которую она удерживаетъ и по охлажденіи.

Монгомери, при посылкѣ первыхъ образцовъ гутта перчи въ Лондонъ, рекомендовалъ ее особенно какъ

превосходный матеріалъ для изготовленія хирургическихъ инструментовъ, потому что сдѣланные изъ каучука, въ жаркомъ и влажномъ климатѣ Малакки очень скоро размягчаются и дѣлаются липкими. Вскорѣ было однакоже замѣчено, что драгоцѣнныя свойства этого вещества дѣлаютъ его еще болѣе, чѣмъ каучукъ, пригоднымъ для самаго обширнаго употребленія; въ особенности казалась она способною съ выгодою замѣнять кожу, по своей прочности и свойству принимать всевозможныя формы. Хотя со времени ея открытія, прошло еще очень не много времени, однакоже она употребляется нынѣ для изготовленія такого множества самыхъ разнородныхъ предметовъ, что было бы довольно трудно представить хотя нѣсколько полный перечень ихъ. Какъ вещество, обладающее свойствомъ не пропускать чрезъ себя воздуха и воды и не претерпѣвать измѣній отъ дѣйствія кислотъ и щелочей, она доставляетъ превосходный матеріалъ для водопроводныхъ трубъ, насосовъ, сосудовъ для храненія жидкостей, непромокаемаго платья и обуви водолазныхъ снарядовъ, для покрытія подземныхъ проволокъ электрическихъ телеграфовъ, и т. п., а легкость, съ которою отрѣзанные куски ея могутъ быть соединяемы между собою посредствомъ нагрѣтаго желѣза, дозволяетъ выдѣлывать изъ нея ремни и трубы какой угодно длины. На этихъ же свойствахъ гутта-перчи основывается и употребленіе ея для многихъ другихъ предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту, галантерейныхъ издѣлій, разныхъ бездѣлушекъ, роскошныхъ переплетовъ книгъ, рамокъ для картинъ и т. п. Обширное

примѣненіе нашла гутта-перча въ медицинѣ и хирургіи для изготовленія различныхъ перевязокъ, искуственныхъ членовъ тѣла, челюстей, коробочекъ для храненія оспенной матеріи (до изобрѣтенія которыхъ въ Остъ-Индіи нельзя было сохранить это важное вещество даже въ продолженіи нѣсколькихъ дней), для пломбированія зубовъ и другихъ подобныхъ цѣлей.

Совершенно въ духѣ англичанъ предложеніе, сдѣланное недавно однимъ англійскимъ механикомъ: устроить изъ гутта-перчи большой слуховой снарядъ, съ помощью котораго глухіе могли бы слушать проповѣди въ церквахъ. Для этой цѣли предполагалось устроить на каѳедрѣ воронку изъ гутта-перчи, отъ которой бы шла подъ поломъ церкви вдоль хоръ труба изъ того же матеріала, со множествомъ побочныхъ вѣтвей къ скамьямъ, на которыхъ сидятъ худо слышащіе. Говорятъ, что при помощи такого снаряда они будутъ въ состояніи совершенно явственно слышать даже самый слабый шопотъ проповѣдника. Въ рудокопняхъ, на фабрикахъ, корабляхъ, въ большихъ гостинницахъ давно уже употребляются разговорныя трубы изъ гутта-перчи.

Не менѣе оригинально примѣненіе, которое намѣревался недавно сдѣлать изъ гутта-перчи извѣстный сѣвероамериканецъ Барнумъ, заслужившій почетный титулъ «царя шарлатановъ». Для раздраженія притупленныхъ нервовъ своихъ соотечественниковъ, онъ задумалъ устроить такое зрѣлище, передъ которымъ всѣ его прежнія многочисленныя чудеса должны показаться просто дѣтскими игрушками. По разсказамъ

газетъ, онъ хотѣлъ показать публикѣ спускъ по ніагарскому водопаду съ помощію особаго снаряда, состоящаго изъ гутта-перчеваго шара въ 30 футовъ въ поперечникѣ и укрѣпленнаго внутри крѣпкими стальными обручами и деревянными подпорками. Отъ четырехъ точекъ этихъ обручей идутъ массивные канаты изъ гутта-перчи, прикрѣпленные въ центрѣ шара къ панцырю изъ того же матеріала. Этотъ панцырь устроенъ такимъ образомъ, что человѣкъ можетъ укрѣпить его на себѣ посредствомъ пряжекъ и слѣдовательно виситъ безопасно въ срединѣ шара, нижняя часть котораго отягчена свинцовыми гирями, предохраняющими смѣлаго пловца отъ перевертыванія головою внизъ. Впрочемъ Барнумъ не совсѣмъ увѣренъ въ томъ, что ему не придется при этой смѣлой попыткѣ сломить себѣ шею и потому добродѣтельный американскій maître de plaisir предполагаетъ сдѣлать первый опытъ не съ человѣкомъ, а съ собакою. Если послѣдняя благополучно возвратится изъ опаснаго путешествія, то вѣроятно найдется какой нибудь негръ или бѣднякъ ирландецъ, которые согласятся за хорошія деньги рискнуть на отважное предпріятіе; когда же и они воротятся съ цѣлыми членами, тогда можно будетъ пуститься по ихъ слѣдамъ и свободному гражданину Америки. Низвергшись въ оригинальномъ суднѣ въ бездну, шаръ вынырнетъ изъ нея съ американскимъ флагомъ, который будетъ выкинутъ изъ клапана въ верхней части его, при громкихъ рукоплесканіяхъ сотни тысячь зрителей, которыхъ величайшій шарлатанъ всѣхъ временъ предполагаетъ собрать при первомъ представле-

ніи на одномъ изъ острововъ, лежащихъ у канадскаго берега. Нѣтъ сомнѣнія, что янки будутъ стекаться на это чисто американское зрѣлище со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ и доставятъ ловкому фокуснику огромный сборъ. Неизвѣстно, удалось ли Барнуму привести въ исполненіе свою оригинальную затѣю.

Этою замѣткою мы заканчиваемъ нашъ бѣглый обзоръ примѣненія гутта-перчи въ различныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Извѣстный ботаникъ Карлъ Мюллеръ справедливо сравниваетъ ее съ золотомъ Калифорніи и Австраліи, потому что гутта-перча, также какъ и золото, вызвала необыкновенное движеніе въ жизни народовъ, внесла новую дѣятельность въ торговлю и дала въ то же время средства къ существованію тысячамъ работниковъ.

КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА.

(ВЪ СОКРАЩЕНІИ)

(продолженіе).

XX.

ЗАПИСКА.

Когда столы были убраны, каппелланъ, повидимому полюбившій Квентина Дорварда, а можетъ быть и желавшій получить отъ него дальнѣйшія свѣдѣнія касательно происшествій того утра, повелъ его въ садъ, въ который, какъ узналъ отъ него нашъ Шотландецъ, можно было свободно входить и только престарѣлый церемоніймейстеръ епископа исполнялъ еще приказаніе не впускать никого въ это мѣсто, хотя въ настоящее время запрещеніе уже не существовало.

Скоро бой часовъ напомнилъ каппеллану, что ему предстоитъ еще проповѣдь въ одной изъ часовенъ замка, и онъ, извинившись, оставилъ Квентина одного. Проходя мимо оконъ и маленькой двери, въ которую Мартонъ впустила цыгана, Дорвардъ остановился и задумался о судьбѣ, ожидавшей графиню Изабеллу. Вдругъ къ ногамъ его упала записка, которою его приглашали на утро придти на это же мѣсто, съ перомъ бѣлаго и синяго цвѣта на шапкѣ. Полагая, что графиня де-Круай въ опасности и что она, увидавъ его въ саду, хочетъ посовѣтываться съ нимъ о своемъ положеніи, Дорвардъ съ признательностью взглянулъ на окна и отправился въ свою комнату.

Ночью онъ проснулся отъ неожиданнаго шума; вскочивъ съ постели, онъ выглянулъ въ окно: окно

отворялось въ садъ; хотя тамъ все было спокойно, однако Квентинъ убѣдился по крикамъ, долетавшимъ до его слуха, что внѣшняя часть замка осаждена многочисленнымъ непріятелемъ. Поспѣшно собравъ свое платье и оружіе, и надѣвая то и другое съ проворствомъ, до какого только допускали темнота и торопливость, онъ услышалъ стукъ въ дверь своей комнаты. Такъ какъ онъ не отвѣчалъ на него немедленно, то легкая дверь была высажена снаружи, и въ комнату вошелъ Гайраддинъ Мограбинъ, о чемъ догадался Квентинъ по особенному произношенію цыгана. Гайраддинъ держалъ въ рукѣ стклянночку и, дотронувшись до нея фитилемъ, произвелъ мрачную вспышку красноватаго огня и посредствомъ его зажегъ лампаду, вынутую изъ-за пазухи. — Гороскопъ твоей судьбы рѣшится черезъ минуту, сказалъ онъ Дорварду безъ дальнѣйшихъ привѣтствій.

— Негодяй! воскликнулъ Квентинъ: — кругомъ насъ измѣна; а гдѣ есть измѣна, тамъ ты навѣрно не празденъ.

— Вы съ ума сошли! отвѣчалъ Гайраддинъ: — Я никогда не измѣнялъ никому, не имѣя въ виду личныхъ выгодъ; зачѣмъ же мнѣ предавать васъ, когда ваша безопасность доставитъ мнѣ больше выгодъ, нежели ваша гибель?... Выслушайте меня: Литтихцы поднялись; Гильйомъ де-ла-Маркъ ведетъ ихъ вмѣстѣ съ своими; еслибъ и были какія нибудь средства противиться, то число ихъ и его бѣшенство ниспровергли бы все, — но нѣтъ никакихъ средствъ. Если хотите спасти графиню, ступайте за мною.

— Веди! сказалъ поспѣшно Квентинъ: — для этого имени я иду на всякую опасность.

Не продолжая разговора и видя, что Квентинъ совсѣмъ одѣлся и вооружился, Гайраддинъ побѣжалъ передъ нимъ внизъ по лѣстницѣ и вывелъ его въ садъ. Съ этой стороны не видно было почти никакихъ огней; но лишь только Квентинъ вышелъ на открытый воздухъ, какъ шумъ съ противуположной стороны замка сдѣлался въ десятеро слышнѣе и оглушительнѣе. — Литтихъ! Литтихъ! *Sanglier!* Вепрь! ревѣли нападающіе, тогда какъ гораздо слабѣйшія восклицанія: — Владычица за государя-епископа! — отвѣчали трепетнымъ голосомъ со стороны тѣхъ изъ воиновъ прелата, которые бросились на защиту стѣнъ, застигнутые въ расплохъ.

Но занимательность битвы, не смотря на воинственный характеръ Квентина Дорварда, не въ силахъ была заставить его забыть объ участи Изабеллы де-Круай; онъ основательно думалъ, что Изабелла должна быть въ величайшей опасности, пока не освободится отъ власти жестокаго разбойника, который теперь, казалось, врывается въ ворота замка. Онъ примирился съ мыслію о содѣйствіи цыгана такъ точно, какъ люди отчаянно больные не отказываются отъ лекарствъ, которыя имъ совѣтуютъ фигляры и шарлатаны; Квентинъ слѣдовалъ за нимъ черезъ садъ, съ намѣреніемъ идти до тѣхъ поръ, пока не замѣтитъ какого нибудь признака измѣны, — а тогда онъ рѣшился убить его. Изъ противуположной двери, ведшей въ покои дамъ, по тихому знаку Гайраддина, вышли двѣ женщины подъ черными шел-

ковыми покрывалами, въ родѣ тѣхъ, какія и теперь носятъ женщины въ Голландіи. Квентинъ предложилъ свою руку одной изъ нихъ, и цыганъ, ведшій другую женщину, направился прямо къ калиткѣ, выходившей черезъ садовую ограду ко рву, гдѣ у берега былъ привязанъ тотъ самый челночокъ, на которомъ Квентинъ видѣлъ Гайраддина, удалявшагося изъ замка.

Пока они переправлялись, крики приступа и успѣшнаго насилія повидимому возвѣщали, что замокъ скоро будетъ во власти осаждающихъ; звуки эти такъ горестно отдавались въ ушахъ Квентина, что онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать въ слухъ: — Еслибъ кровь моя не была безвозвратно посвящена исполненію моей теперешней обязанности, я вернулся бы назадъ, вступился бы дѣятельно за гостепріимнаго епископа и заставилъ бы молчать хоть нѣсколькихъ изъ этихъ негодяевъ, которыхъ глотки наполнены мятежомъ и разбойничествомъ!

— Тамъ только двѣ лошади, сказалъ Квентинъ, разсмотрѣвшій ихъ при лунномъ свѣтѣ.

— Больше нельзя было достать, не возбудивъ подозрѣнія, возразилъ цыганъ: — Вы должны ѣхать въ Тонгръ, пока дороги еще безопасны; Мартонъ останется съ женщинами нашей орды, которыя давно ей знакомы. Знайте, что она дочь нашего племени и жила между вами только за тѣмъ, чтобъ служить намъ, когда представится случай.

— Мартонъ! вскричала графиня, глядя на другую женщину съ удивленіемъ: — развѣ это не моя родственница?

— Нѣтъ, это только Мартонъ, сказалъ Гайраддинъ: — извините мнѣ этотъ маленькій обманъ. Я не смѣлъ отнять обѣихъ графинь де-Круай у Дикаго Вепря Арденнскаго.

— Извергъ! вскричалъ Квентинъ въ изступленіи: — но нѣтъ... еще не поздно... я брошусь назадъ и выручу графиню Амелину.

— Амелина, сказала дама: — подлѣ тебя и благодаритъ тебя за свое спасеніе.

— Какъ! что?... что это значитъ? сказалъ Квентинъ, вырываясь отъ нея: — Такъ графиня Изабелла осталась тамъ? — Прощайте... прощайте!...

Когда онъ обернулся, чтобъ бѣжать назадъ къ замку, Гайраддинъ схватилъ его за руку: — Слушай... стой... ты бѣжишь прямо на смерть! Зачѣмъ носилъ ты цвѣта старшей?... Никогда не стану вѣрить ни бѣлому, ни синему шелку. Но она почти также богата... у нея есть золото и алмазы, есть притязанія на владѣнія...

Произнося прерывающимся голосомъ эти убѣжденія, цыганъ старался задержать Квентина, который наконецъ ухватился за кинжалъ, чтобъ высвободиться изъ рукъ его.

— Ну, если такъ, сказалъ Гайраддинъ, выпуская Шотландца: — ступай... и пусть дьяволъ, если онъ существуетъ, сопутствуетъ, тебѣ!

Дорвардъ, лишь только вырвался отъ цыгана, бросился къ замку съ быстротою вѣтра.

Гайраддинъ обернулся къ графинѣ Амелинѣ. —

Тутъ вышла ошибка, сказалъ онъ: — вставайте, сударыня, и слѣдуйте за мною.

— Я не тронусь ни на шагъ отсюда, сказала рѣшительно графиня, оскорбленная тѣмъ, что Дорвардъ оставилъ ее и поспѣшилъ на помощь ея племянницѣ.

— Клянусь небеснымъ сводомъ, что пойдете! воскликнулъ Гайраддинъ: — Клянусь вамъ всѣмъ, во что только глупцы вѣруютъ, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который не задумается прикрутить васъ къ дереву и предоставить на произволъ судьбы.

— Стой! прервала Мартонъ: — какъ хочешь, а я не допущу съ нею дурного обращенія. У меня есть ножъ также, какъ и у тебя, и я умѣю владѣть имъ. Она добрая женщина, хоть и глупа. — А вы, сударыня, вставайте и слѣдуйте за нами. Здѣсь вышла ошибка; но все-таки что нибудь да значитъ, если вы остались цѣлы. Тамъ въ замкѣ найдутся теперь многія, которыя охотно отдали бы богатства цѣлаго свѣта, чтобъ только стоять тамъ, гдѣ мы стоимъ теперь.

Пока Мартонъ говорила, раздались крики, въ которыхъ восклицанія побѣды смѣшивались съ воплями ужаса и отчаянія, доносившимися изъ замка Шонвальдта.

Какъ одичалый звѣрь, измученный и подавленный ужасомъ и утомленіемъ, графиня Амелина предалась своимъ проводникамъ и позволила вести себя, куда имъ вздумается. Она до того была разстроена нравственно и физически, что достойная чета, которая

почти несла ее на рукахъ, продолжала разговаривать въ ея присутствіи, и она даже не понимала ни одного слова изъ ихъ бесѣды. — Я всегда думала, что ты замышляешь вздоръ, сказала Мартонъ. — Еслибъ ты спасъ молодую, то мы получили бы право на благодарность ея и доступъ въ замокъ. Но была ли возможность, чтобъ такой пригожій юноша женился на этой старой дурѣ?

— Ризпа, возразилъ Гайраддинъ: — Какъ могъ я предвидѣть, что онъ задумается изъ-за нѣсколькихъ лѣтъ старости или молодости, когда выгоды женитьбы такъ ясны? Да къ тому же, я любилъ этого молодца и хотѣлъ услужить ему: женить его на старой было бы ему благодѣяніемъ; а женить на молодой значило навязать ему на шею де-ла-Марка, Карла Бургундскаго, Людовика, — словомъ всѣхъ, кому только есть дѣло до ея супружества. А такъ какъ главное богатство этой глупой женщины состоитъ въ золотѣ и брильянтахъ, то и намъ досталось бы кое-что на долю. Но тетива лопнула, и стрѣла полетѣла мимо. Прочь ее — отдадимъ ее Гильйому-Бородатому. Онъ теперь навѣрно уже до того набражничался, что не отличитъ старой графини отъ молодой. Бодрѣе, Ризпа, не робѣй! Свѣтлый Альдеборанъ все еще владычествуетъ надъ судьбами дѣтей пустыни!

XXI.

РАЗГРАБЛЕНІЕ.

Застигнутый въ расплохъ и приведенный въ ужасъ, гаризонъ замка Шонвальдта защищался храбро противъ усилій осаждающихъ; но необъятныя толпы, хлынувшія изъ города Литтиха, тѣснились на приступъ какъ пчелы, развлекая вниманіе и подавляя своимъ мужествомъ воиновъ епископа.

Между оборонявшими замокъ не доставало, впрочемъ, единодушія, а можетъ быть, между ими закралась и измѣна: — одни кричали, что надобно сдаться; другіе, покидая свои посты, старались убѣжать изъ замка. Многіе бросались со стѣнъ въ ровъ; а тѣ, кому удавалось избѣжать отъ потопленія, срывали съ себя свои отличительные значки и спасались, смѣшиваясь съ безпорядочными толпами нападающихъ. Немногіе, движимые привязанностью къ епископу, окружили его и упорно защищали входъ въ главную темницу, въ которую онъ скрылся; другіе, не надѣясь получить пощады или возбуждаемые отчаянною храбростью, отстаивали отдѣльныя башни и бастіоны обширнаго зданія. Но нападающіе успѣли овладѣть дворами и нижними жильями замка; они уже жарко преслѣдовали побѣжденныхъ и всюду рыскали за добычей. Одинъ только человѣкъ, какъ будто жаждавшій найдти смерть, отъ которой всѣ спасались, пытался пробиться въ самый развалъ суматохи и ужаса, подстрекаемый

опасеніями, которыя для него были несравненно ужаснѣе всѣхъ существенныхъ сценъ кровопролитія и насилія, представлявшихся его зрѣнію и чувствамъ. Кто только видѣлъ Квентина Дорварда въ эту пагубную ночь, не понимая причины его дѣйствій, тотъ считалъ его сумасшедшимъ, въ припадкѣ бѣшенства; но тотъ, кто бы съумѣлъ оцѣнить его побужденія, поставилъ бы его на ряду съ героями балладъ и романсовъ.

Приближаясь къ Шонвальдту съ той самой стороны, откуда онъ вышелъ, Квентинъ встрѣтилъ нѣсколькихъ бѣглецовъ, направлявшихся въ лѣсъ; весьма естественно, они старались не встрѣчаться съ нимъ, какъ съ врагомъ, видя, что онъ идетъ къ замку. Подошедъ еще ближе, онъ могъ разслышать и отчасти видѣть, какъ люди спускались съ садовой стѣны въ ровъ, а другіе летѣли туда, низвергнутые съ бойницъ осаждающими. Храбрость его не поколебалась ни на мгновеніе. Не было времени искать лодку, еслибъ даже представилась возможность воспользоваться ею; также безполезно было бы стараться добраться до калитки сада, въ которую толпились бѣглецы: многіе изъ нихъ отъ времени до времени, выжимаемые давкою сзади, выскакивали въ ровъ и тонули въ немъ, не находя возможности переправиться.

Избѣгая этого пункта, Квентинъ самъ бросился въ ровъ около того мѣста, гдѣ были такъ называемыя малыя ворота замка съ подъемнымъ мостомъ, все еще поднятымъ. Квентинъ съ трудомъ увернулся отъ рукъ многихъ тонувшихъ бѣдняковъ, хватавшихся за него; подплывъ къ подъемному мосту, онъ уцѣпился за одну

изъ свѣсившихся цѣпей его, и, приложивъ всю свою силу и ловкость, началъ подниматься изъ воды на платформу, съ которой мостъ обыкновенно спускался. Пока онъ старался выкарабкаться руками и ногами, къ нему подошелъ ланцкнехтъ съ окровавленнымъ мечомъ и замахнулся, намѣреваясь нанести ударъ, который былъ бы для Шотландца смертельнымъ.

— Что это значитъ, негодяй? вскричалъ Квентинъ повелительнымъ тономъ: — развѣ такъ ты помогаешь товарищу? — Подай мнѣ руку.

Ланцкнехтъ молча и неохотно протянулъ ему руку и помогъ взлѣзть на платформу, а Дорвардъ, не давая ему времени образумиться, продолжалъ тѣмъ же повелительнымъ тономъ: — Къ западной башнѣ, если хочешь разбогатѣть: сокровища епископа въ западной башнѣ!

Слова эти нашли себѣ отголосокъ со всѣхъ сторонъ: — Къ западной башнѣ! сокровища въ западной башнѣ! — И разсѣянные грабители, которымъ только удалось разслышать этотъ крикъ, бросились, какъ голодные волки, по направленію, противоположному тому, куда Квентинъ рѣшился пробиться на жизнь или смерть.

Принимая на себя видъ одного изъ побѣдителей, а не побѣжденныхъ, онъ прорвался въ садъ и пробѣжалъ черезъ него, не встрѣтя почти никакого сопротивленія, потому что крикъ «въ западную башню!» увлекъ часть нападающихъ, а другихъ сбирали звуками трубъ и военными криками, чтобъ помочь отбить отчаянную вылазку, предпринятую защитниками темницы,

которые рѣшились пробиться изъ замка и вывести съ собою прелата. Такимъ образомъ, Квентинъ прошелъ черезъ садъ быстрыми шагами, съ сильно бьющимся сердцемъ, поручая себя небеснымъ силамъ, которыя сохранили его во всѣхъ опасностяхъ жизни, и твердо рѣшившись или успѣть, или погибнуть въ своемъ отчаянномъ предпріятіи. Еще прежде, нежели онъ вошелъ въ садъ, на него бросились три человѣка съ наклоненнымъ копьями, крича: «Литтихъ, Литтихъ!»

Ставъ въ оборонительное положеніе, но не поражая никого, онъ возразилъ: — «Франція! другъ Литтиха!»

— Виватъ Франція! вскричали горожане Литтиха и прошли далѣе. Тотъ же отзывъ оказался талисманомъ, отвратившимъ оружіе четырехъ или пяти воиновъ де-ла-Марка, которыхъ онъ встрѣтилъ рыскающими по саду, и которые устремились на него съ криками: «Вепрь, Вепрь!»

Однимъ словомъ, Квентинъ началъ надѣяться, что роль агента короля Людовика, тайнаго поджигателя литтихскихъ возмутителей и тайнаго поддерживателя Гильйома де-ла-Марка, вынесетъ его черезъ всѣ ужасы этой ночи.

Достигнувъ башенки, онъ вздрогнулъ, когда увидѣлъ, что маленькая дверь, изъ которой недавно еще вышли къ нему Мартонъ и графиня Амелина, была теперь завалена нѣсколькими трупами. Онъ оттащилъ два тѣла и уже готовился перешагнуть черезъ третье, чтобъ войдти въ дверь, какъ вдругъ мнимый мертвецъ ухватился за его плащъ и умолялъ его подождать и

помочь ему подняться. Квентинъ уже готовъ былъ прибѣгнуть къ болѣе суровымъ средствамъ, чтобъ высвободиться, но лежавшій на землѣ продолжалъ восклицать: — Я задохнусь въ этихъ проклятыхъ латахъ!... Я синдикъ Павильйонъ изъ Литтиха!... Если ты за насъ, я обогащу тебя; если противъ насъ, защищу; но умоляю тебя — не оставляй меня здѣсь умереть смертью задушенной свиньи!

Среди этой сцены крововавой суматохи, присутствіе духа внушило Квентину мысль, что сановникъ этотъ можетъ имѣть средства обезпечить ихъ побѣгъ. Онъ поднялъ его на ноги и спросилъ Павильйона, не раненъ ли онъ.

— Не раненъ... покрайней мѣрѣ кажется, что нѣтъ, отвѣчалъ сандикъ: но сильно измученъ.

— Сядьте же на этотъ камень и переведите духъ, сказалъ Квентинъ: — я ворочусь сейчасъ же.

— За кого вы? спросилъ горожанинъ, все таки не выпуская его.

— За Францію, за Францію, отвѣчалъ Квентинъ, стараясь вырваться.

— Какъ! мой бойкій молодой стрѣлокъ? сказалъ достойный сановникъ. — Ну, если судьба навела меня на друга въ эту ужасную ночь, такъ ужь я его не оставлю, обѣщаю вамъ. Идите куда вамъ угодно, я слѣдую за вами; еслибъ я могъ собрать нѣсколько толковыхъ молодцовъ своего цеха, я бы, можетъ быть, въ свою очередь какъ нибудь помогъ вамъ — да всѣ они разсыпались какъ горохъ... Охъ, ужасная ночь!

Между тѣмъ, онъ потащился за Квентиномъ, ко-

торый, понимая важность получить пособіе отъ лица, пользовавшагося такимъ вліяніемъ, нарочно убавилъ шагу, хотя внутренно проклиналъ останавливавшую его задержку.

Наверху лѣстницы была передняя, уставленная чемоданами и ящиками, которые повидимому были перешарены, потому что множество вещей валялось по полу. Лампа, замиравшая въ каминѣ, проливала слабый свѣтъ на мертваго или лишеннаго чувствъ человѣка, лежавшаго поперегъ очага. Бросившись отъ Павильйона, какъ гончая со своры, съ такимъ усиліемъ, которое чуть не свалило синдика съ ногъ, Квентинъ пробѣжалъ во вторую и третью комнату — послѣдняя, казалось, была спальнею графинь де-Круай. Ни въ одной изъ комнатъ не нашелъ онъ живой души. Онъ началъ звать молодую графиню по имени, сначало тихо, потомъ громче, наконецъ съ выраженіемъ безнадежнаго отчаянія... никто не отвѣчалъ! Наконецъ, слабый проблескъ свѣта, мелькнувшій въ щели за панельною обшивкою одного темнаго угла спальни, указалъ ему, что за обоями есть какое-то мѣсто, куда можно скрыться. Квентинъ поспѣшно осмотрѣлъ его. Онъ нашелъ, что тутъ дѣйствительно была потайная дверь, но она противилась всѣмъ его торопливымъ усиліямъ. Не думая объ ушибѣ, онъ съ размаха бросился въ дверь всею тяжестью своего тѣла; напоръ этого отчаяннаго усилія былъ такъ могучъ, что прошибъ бы гораздо крѣпчайшую преграду.

Прорвавшись такимъ образомъ почти стремглавъ въ маленькую молельню, онъ увидѣлъ женскую фи-

гуру, которая въ мучительномъ безпокойствѣ молилась на колѣняхъ передъ святымъ изображеніемъ; она въ изнеможеніи опустилась на полъ, устрашенная новыми ужасами приближавшагося шума. Квентинъ поспѣшно поднялъ ее... То была графиня Изабелла!

— Дорвардъ! сказала она, собравшись наконецъ съ силами: — такъ это вы? Теперь я не теряю надежды. Я уже думала, что всѣ живые и мертвые друзья предоставили меня моей участи... Не покидайте меня!

— Никогда, воскликнулъ Дорвардъ. — Что бы ни случилось, какая бы опасность ни угрожала — пусть я буду раздѣлять съ вами вашу участь, пока она не сдѣлается счастливою!

— Вы должны помочь намъ и защитить насъ, мейнгеръ Павильйонъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Павильйону: — Будьте увѣрены, что эта дама была поручена моей особенной заботливости самимъ французскимъ королемъ, вашимъ союзникомъ; если вы не поможете мнѣ охранить ее отъ всякого рода обиды и насилія, то городъ вашъ лишится благосклонности Людовика де-Валуа. Главное, ее надобно уберечь отъ рукъ Гильйома де-ла-Марка.

— Это будетъ не легко, возразилъ Павильйонъ: — потому что бездѣльники ланцкнехты настоящіе черти; однако постараюсь сдѣлать что можно. Пойдемте-ка въ ту комнату, да размыслимъ что намъ дѣлать. Лѣстница эта узка, и вы можете защитить ее пикою, а я выгляну въ окно и постараюсь собрать нѣсколько человѣкъ моихъ бойкихъ ребятъ кожевен-

наго цеха: это народъ такой же надежный, какъ ножи, которые у нихъ за поясомъ. Но напередъ отстегните мнѣ эти пряжки — я не носилъ латъ съ самаго сраженія при Сенъ-Тронѣ (*), а послѣ того сдѣлался чуть ли не вдвое тяжеле, если только не лгутъ голландскіе вѣсы и гири.

Когда желѣзный нагрудникъ былъ разстегнутъ, то это значительно облегчило честнаго синдика, который, надѣвая брюню, болѣе думалъ о своей ревности къ пользамъ Литтиха, нежели о способности носить оружіе.

Тотъ же горячій темпераментъ, отъ котораго Германъ Павильйонъ былъ запальчивымъ и часто опрометчивымъ въ дѣлахъ политическихъ, дѣлалъ его въ частномъ быту человѣкомъ добродушнымъ и ласковымъ, который, если иногда и сбивался съ пути тщеславіемъ, за то былъ всегда прямъ и благонамѣренъ. Онъ посовѣтовалъ Квентину, чтобъ тотъ берегъ бѣдную *yung frau*; а самъ, послѣ такого ненужнаго увѣщанія, принялся кричать во все горло изъ окна: «Литтихъ, Литтихъ! сюда храбрые кожевники!»

Человѣка два изъ ближайшихъ его послѣдователей пришли по этому призыву, сопровождаемому особеннымъ свистомъ (тогда каждый ремесленный цехъ имѣлъ свой отличительный свистъ); потомъ собралось еще нѣсколько, такъ что составилась довольно сильная

(*) Сраженіе это произошло между литтихскими инсургентами и войсками герцога бургундскаго, Карла смѣлаго, когда онъ еще былъ графомъ де-Шароле; Литтихцы были разбиты и понесли большую потерю.

стража подъ окномъ, изъ котораго ревѣлъ достойный предводитель, и передъ дверью.

Дѣла въ замкѣ, казалось, начинали понемногу успокоиваться. Всякое сопротивленіе кончилось, и начальники разныхъ разрядовъ нападающихъ принимали мѣры для предупрежденія безразборчиваго грабежа. Зазвонили въ большой колоколъ для призыва въ военный совѣтъ; и, такъ какъ желѣзный языкъ этого колокола вмѣстѣ съ тѣмъ возвѣщалъ Литтиху о торжественномъ занятіи Шонвальдта инсургентами, то ему отвѣчали всѣ колокола города, которыхъ отдаленные и шумные звуки какъ будто крачали: «слава побѣдителямъ!» Мейнгеру Павильйону было бы теперь естественнѣе всего выступить изъ своей укрѣпленной позиціи; но заботливость о тѣхъ, кого онъ взялъ подъ свое покровительство, а можетъ быть и желаніе упрочить вѣрнѣе свою собственную безопасность — заставили его удовольствоваться тѣмъ, что онъ посылалъ гонца за гонцомъ за своимъ помощникомъ, Петеркиномъ Гейслаеромъ.

Наконецъ, къ большому утѣшенію синдика, явился Петеркинъ, особа, которой мнѣніе во всѣхъ важныхъ случаяхъ — въ войнѣ, политикѣ и торговлѣ, пользовалось полною довѣренностью мейнгера Павильйона. Это былъ плотный, приземистый человѣкъ съ четвероугольнымъ лицомъ и густыми черными бровями, которыя обнаруживали упрямство и спорливый характеръ. На Петеркинѣ была куртка изъ буйволовой кожи, широкій поясъ съ заткнутымъ за него кинжаломъ; въ рукѣ онъ держалъ сѣкиру.

— Петеркинъ, мой любезный помощникъ! сказалъ его начальникъ: — какой достославный день... ночь, хотѣлъ я сказать! Надѣюсь, что ты доволенъ?

Тутъ Петеркинъ разсказалъ, что Дикій Вепрь забралъ въ свои руки все найденное въ Шонвальдтѣ и что теперь, въ его лицѣ у города Литтиха будетъ сосѣдъ гораздо хуже старика епископа... — Стыдно смотрѣть, что они сдѣлали съ прелатомъ, заключилъ Петеркинъ.

— Я не допущу этого, Петеркинъ, сказалъ вспылившій Павильонъ: — я не любилъ митры, но не головы, которая ее носила. Сейчасъ же пойдемъ въ городъ. Я не хочу оставаться въ Шонвальдтѣ.

— Но мосты замка подняты, мейстеръ, возразилъ Гейслаеръ: — ворота замкнуты, и тамъ на часахъ ланцкнехты; а если бъ мы вздумали пробиться силою, такъ эти ребята, которыхъ ежедневное ремесло—война, безъ труда справятся съ нами, потому что мы деремся только по праздникамъ.

Бургомистръ бросилъ на Квентина безнадежный взглядъ и повидимому не зналъ, на что рѣшиться. Дорвардъ видѣлъ, что вся надежда зависѣла отъ его собственнаго присутствія духа и отъ умѣнья поддержать твердость Павильйона. — Стыжусь за васъ, мейнгеръ Павильйонъ, сказалъ Шотландецъ: — что вы еще тутъ колеблетесь. Ступайте смѣло къ Гильйому де-ла-Марку и требуйте отъ него свободнаго пропуска изъ замка для васъ, вашего помощника, вашего оруженосца и вашей дочери. Онъ не можетъ имѣть никакого предлога держать васъ въ плѣну.

— Для меня и моего помощника, то-есть для меня и Петера? — хорошо; но кто же мой оруженосецъ?

— Да хоть бы я, отвѣчалъ неустрашимый Шотландецъ.

— Вы! возразилъ съ замѣшательствомъ синдикъ: — да развѣ вы не посланный отъ короля Людовика Французскаго?

— Правда; но порученіе мое касается до литтихскаго магистрата; и ему только я передамъ его не иначе, какъ въ Литтихѣ.

— Хорошо, моего оруженосца; — но вы говорили о моей дочери... дочь моя, надѣюсь, въ безопасности въ моемъ домѣ, въ Литтихѣ, гдѣ бы и отецъ ея желалъ быть отъ всего сердца и всей души.

— Эта дама, отвѣчалъ Дорвардъ: — будетъ называть васъ отцомъ, пока мы здѣсь.

— И на всю жизнь! вскричала графиня, бросаясь передъ нимъ на колѣни и обнимая его ноги. — Никогда не пройдетъ дня, въ который бы я перестала чтить васъ, любить васъ и молиться за васъ, какъ молится дочь за отца, если вы только выручите меня изъ этого ужаснаго положенія. О! не будьте жестокосерды! подумайте, что и ваша родная дочь можетъ стоять на колѣняхъ передъ чужимъ и молить его о сохраненіи ея жизни и чести, — подумайте объ этомъ и не откажите мнѣ въ той защитѣ, которой вы могли бы пожелать ей!

— Право, сказалъ добрый горожанинъ, сильно тронутый этимъ воззваніемъ: — я думаю, Петеръ,

что у этой хорошенькой дѣвушки взглядъ нѣсколько похожъ на взглядъ нашей Трулхенъ — мнѣ это показалось съ перваго раза.

Послѣ многихъ колебаній и совѣщаній, они рѣшились войдти смѣло въ большую залу замка, гдѣ, какъ они полагали, пировалъ тогда Дикій Вепрь Арденнскій, — чтобъ требовать свободнаго пропуска синдику города Литтиха и его спутникамъ: требованіе это было, повидимому, такъ основательно, что не могло подвергнуться отказу. Добрый бургомистръ кряхтѣлъ, однако, посматривая на своихъ спутниковъ, и восклицалъ обращаясь къ Петеркину: — Вотъ что значитъ имѣть слишкомъ смѣлое и слишкомъ нѣжное сердце! Охъ, Петеркинъ! чего мнѣ стоятъ храбрость и человѣколюбіе, и сколько мнѣ еще прійдется поплатиться за свои добродѣтели прежде, нежели небо освободитъ насъ изъ этого проклятаго шонвальдскаго замка!

Когда они еще приближались къ залѣ, вопли, крики и порывы дикаго смѣха, которые оттуда выходили, возвѣщали скорѣе пиршество веселящихся демоновъ, радующихся какой нибудь новой побѣдѣ надъ человѣческимъ родомъ, нежели смертныхъ, успѣвшихъ въ смѣломъ предпріятіи.

XXII.

ПИРУЮЩІЕ.

На верхнемъ концѣ стола, на тронѣ и въ мантіи епископа, которые нарочно принесены были изъ большой залы совѣта, сидѣлъ самъ грозный Вепрь Арденнскій, вполнѣ заслуживший это прозвище, которымъ онъ самъ восхищался и которое всячески старался носить не даромъ. Голова его была безъ шлема, но вся остальная часть тѣла одѣта въ великолѣпную и блестящую броню, которую онъ рѣдко снималъ. На плечахъ его накинута крѣпкая верхняя одежда, выдѣланная изъ шкуры дикаго вепря, съ серебряными копытами и клыками. Шкура головы была сдѣлана такимъ образомъ, что она накидывалась сверхъ шлема, когда Вепрь былъ вооруженъ, а когда собственная голова его была обнажена, какъ и теперь, то онъ набрасывалъ ее въ видѣ капюшона. Нарядъ этотъ придавалъ ему видъ страшнаго чудовища, оскалившаго зубы; а между тѣмъ физіономія, надъ которою красовалось подобное украшеніе, едва-ли нуждалась въ немъ для увеличенія своей естественной свирѣпости.

Верхняя часть лица Гильйома де-ла-Марка, судя по тому, какъ создала его природа, почти опровергала его репутацію, потому что хотя волосы его и походили на жесткую и дикую щетину накинутаго на нихъ капюшона, однако высокій, открытый и мужествен-

ный лобъ, широкія, румяныя щеки, большіе блестящіе, свѣтлые глаза и носъ, подобный орлиному клюву, обѣщали что-то доблестное и великодушное. Но эффектъ, производимый этими болѣе благопріятными чертами, совершенно подавлялся привычками звѣрства и насилія, которыя, вмѣстѣ съ невоздержностью, запечатлѣли на его лицѣ характеръ совершенно противоположный суровому мужеству, которое бы оно безъ того выражало. Постоянное потворство буйнымъ страстямъ раздуло мускулы его щекъ; свирѣпыя привычки помрачили самые глаза, сдѣлали бѣлки ихъ совершенно красными и придали всей физіономіи отвратительное сходство съ чудовищемъ, на которое грозный Гильйомъ де-ла-Маркъ любилъ походить. Но хотя онъ, въ другихъ отношеніяхъ, и старался принимать на себя наружность дикаго вепря и любилъ это прозвище, однакожь, по странной противоположности, всегда старался скрывать длинною бородою первоначальную причину, отъ которой получилъ свое названіе: эта причина состояла въ необыкновенной толщинѣ выдающихся впередъ губъ и верхней челюсти, что, вмѣстѣ съ огромными выдававшимися боковыми зубами, дало наружности его большое сходство съ звѣремъ, именемъ котораго онъ назывался; а это обстоятельство, вмѣстѣ съ необыкновеннымъ пристрастіемъ его къ рысканію въ Арденнскомъ лѣсу, доставило ему первоначально имя Вепря Арденнскаго. Густая, широкая, нечесаная и съ просѣдью борода не скрывала, однако, ужаснаго безобразія лица Гильйома де-ла-Марка и не смягчала грубаго звѣрства его выраженія.

Воины и начальники ихъ сидѣли вокругъ стола, перемѣшанные съ жителями Литтиха, изъ которыхъ многіе были самаго низшаго разбора. Замѣтнѣйшимъ между ними являлся мясникъ Никкель Блокъ, который сидѣлъ подлѣ самого де-ла-Марка и отличался засученными рукавами, обнаруживавшими руки, замаранныя кровью по локоть, подобно тому, какъ замаранъ былъ и лежавшій передъ нимъ огромный косарь. Сподвижники Вепря, изъ подражанія своему предводителю, носили длинныя всклокоченныя бороды, волосы, заплетенные и взбитые вверхъ, чтобъ усилить природное свирѣпое выраженіе своихъ лицъ; наконецъ, большая часть ихъ казалась упоенною отчасти торжествомъ побѣды, отчасти продолжительными и безпрерывными пріемами вина, такъ что представляла зрѣлище отвратительное и ужасное.

Упомянемъ еще объ одномъ ужасномъ обстоятельствѣ, и потомъ предоставимъ воображенію читателя дополнить остальныя подробности зрѣлища. Среди дикой вольности сподвижниковъ де-ла-Марка, одинъ, ненашедшій себѣ мѣста за столомъ (ланцкнехтъ, отличившійся своею храбростью и отважнымъ поведеніемъ во время приступа), безъ зазрѣнія совѣсти схватилъ большой серебряный кубокъ и унесъ его, объявляя, что кубокъ долженъ вознаградить его за неучастіе въ пирѣ. Предводитель хохоталъ до упаду этой продѣлкѣ, но когда другой ланцкнехтъ, повидимому не столь знаменитый своими доблестями, вздумалъ позволить себѣ такую же вольность, де-ла-Маркъ немедленно пріостановилъ шутливость, которая скоро очистила бы

его столъ отъ дорогихъ украшеній, и велѣлъ повѣсить ланцкнехта на оконной рѣшеткѣ.

Приговоръ этотъ былъ выполненъ въ одно мгновеніе и бѣднякъ уже бился въ предсмертныхъ мукахъ, повѣшенный на желѣзной рѣшеткѣ, когда Квентинъ вошелъ въ залу съ своими спутниками; тѣло перехватывало блѣдные лучи мѣсяца и отбрасывало на помостъ залы сомнительную тѣнь, неопредѣленно, но страшно намекнувшую на предметъ, который производилъ ее.

Сандикъ, сколько могъ, старался поддерживать свое достоинство въ короткой рѣчи, которою поздравлялъ общество съ великою побѣдою, одержанною воинами де-ла-Марка и добрыми гражданами Литтиха.

— Да, отвѣчалъ насмѣшливо де-ла-Маркъ: — наконецъ-то мы затравили звѣря, господинъ бургомистръ. Э! да вы являетесь сюда какъ Марсъ: кто же эта женщина? Долой покрывало!

— Это моя дочь, благородный предводитель, отвѣчалъ Павильйонъ: — прошу васъ извинить, что она передъ вами подъ покрываломъ. Она дала такой обѣтъ тремъ кельнскимъ царямъ блаженной памяти.

— Я разрѣшу ее сейчасъ же, возразилъ де-ла-Маркъ. — Вотъ здѣсь же, однимъ ударомъ косаря, я посвящу себя въ епископы Литтиха, — а вѣрно одинъ живой епископъ стоитъ трехъ мертвыхъ царей. Однако, подойти сюда, благородный бургомистръ, сядь подлѣ меня; ты увидишь, какъ я для себя очищу вакансію... Привести сюда нашего предшественника на этомъ священномъ сѣдалищѣ.

Всѣ засуетились въ залѣ; Павильйонъ, извиняясь и уклоняясь отъ предложеннаго ему почетнаго мѣста, усѣлся съ своими спутниками, около нижняго конца стола. Около этого же конца стола сидѣлъ мальчикъ необыкновенно пріятной наружности, — какъ полагали сынъ свирѣпаго де-ла-Марка, который иногда оказывалъ ему привязанность и даже нѣжность. Мать бѣднаго мальчика погибла отъ удара, нанесеннаго ей звѣрскимъ предводителемъ въ припадкѣ пьянства; участь ея возбудила въ мучителѣ столько угрызенія совѣсти, сколько онъ способенъ былъ ощущать его. Можетъ быть, и привязанность его къ сиротѣ происходила отъ этой причины. Квентинъ, знавшій по разсказу стараго капеллана объ этой чертѣ характера Дикаго Вепря, помѣстился какъ можно ближе къ юношѣ, рѣшившись сдѣлать его, такъ или иначе, заложникомъ или отвѣтчикомъ за отца, если не удадутся другія средства.

Между тѣмъ, буйные воины втащили Людовика де-Бурбона, литтихскаго епископа, въ залу его собственнаго дворца. Всклоченные волосы и борода и безпорядокъ всей его одежды ясно свидѣтельствовали о претерпѣнномъ имъ дурномъ обращеніи; нѣкоторыя части духовнаго облаченія, поспѣшно на него наброшенныя, доказывали, что это было сдѣлано нарочно для осмѣянія его сана и достоинства.

Послѣдовавшая сцена была коротка и ужасна. Когда несчастнаго прелата привели къ сѣдалищу свирѣпаго предводителя, епископъ, хотя въ обыкновенной жизни отличался только ровнымъ и добродушнымъ нравомъ, показалъ въ этой крайности чувство своего

достоинства и врожденное благородство крови, свойственное его высокому происхожденію. Взглядъ его былъ спокоенъ и безбоязливъ; осанка, когда онъ освободился отъ влекшихъ его грубыхъ рукъ, сдѣлалась величавою и исполненною самоотверженія: это было что-то среднее между осанкою феодальнаго вельможи и христіанскаго мученика. Самъ Гильйомъ де-ла-Маркъ казался до того пораженнымъ твердостью своего плѣнника и воспоминаніемъ прежнихъ его благодѣяній, что повидимому колебался, потупилъ глаза, и не прежде, какъ осушивъ огромный кубокъ вина, возвратилъ себѣ надменную наглость взгляда и пріемовъ и обратился къ своей злополучной жертвѣ: — Людовикъ де-Бурбонъ, сказалъ буйный воинъ, тяжело дыша, сжавъ кулаки, стиснувъ зубы и прилагая другіе механическіе способы для разгоряченія своей природной кровожадности: — я искалъ твоей дружбы, ты отвергъ меня. Что бы ты далъ теперь, чтобъ дѣло было иначе?... Никкель, будь готовъ.

Мясникъ всталъ, схватилъ свое оружіе и, пробравшись за кресло Дикаго Вепря, сталъ съ поднятымъ косаремъ въ своихъ обнаженныхъ и жилистыхъ рукахъ.

— Взгляни на этого человѣка, Людовикъ де-Бурбонъ! снова заговорилъ де-ла-Маркъ. — Какія условія предложишь ты теперь, чтобъ избѣжать этого опаснаго часа?

Прелатъ бросилъ грустный, но безстрашный взглядъ на ужаснаго клеврета, повидимому совершенно готоваго выполнить волю своего повелителя, и сказалъ съ

твердостью: — Выслушай меня, Гильйомъ де-ла-Маркъ, а также и вы, добрые люди, если только здѣсь есть такіе, которые бы заслуживали это названіе, — выслушайте единственныя условія, которыя я могу предложить этому извергу. Гильйомъ де-ла-Маркъ, ты возмутилъ имперскій городъ; ты осадилъ и взялъ приступомъ дворецъ владѣтеля вассалла священной Германской Имперіи, умертвилъ его подвластныхъ, разграбилъ его имущество, оскорбилъ его особу; за это ты заслуживаешь опалу Имперіи, заслуживаешь быть объявленнымъ внѣ законовъ, скитальцемъ безземельнымъ, лишеннымъ всякихъ правъ. Ты сдѣлалъ больше, нежели все это. Ты нарушилъ законы выше человѣческихъ — и заслуживаешь кару больше, нежели отъ человѣковъ. Ты ворвался въ святилище Господа, наложилъ насильственныя руки на одного изъ отцовъ церкви, осквернилъ домъ Божій кровопролитіемъ и грабежомъ, какъ святотатствующій разбойникъ...

— Кончилъ ли ты? вскричалъ де-ла-Маркъ, яростно прервавъ его и топая ногами.

— Нѣтъ, возразилъ прелатъ: — я еще не объявилъ тебѣ условій, которыхъ ты отъ меня требовалъ.

— Продолжай, сказалъ де-ла-Маркъ: — и пусть твои условія нравятся мнѣ лучше, чѣмъ вступленіе къ нимъ, или горе твоей сѣдой головѣ! — И, откинувшись назадъ, де-ла-Маркъ заскрежеталъ зубами, такъ что пѣна показалась у его рта, какъ показывается на клыкахъ лютаго звѣря, котораго названіе и шкуру носилъ онъ.

— Вотъ твои преступленія, — снова началъ епи-

скопъ съ покойною рѣшимостью: — теперь слушай условія, до которыхъ я снисхожу, какъ кроткій государь и христіанскій прелатъ, непомнящій личной обиды и прощающій всякое оскорбленіе лично ему нанесенное: — Брось предводительскій жезлъ, откажись отъ всякаго начальствованія, отпусти своихъ плѣнниковъ, возврати отнятую тобою добычу, раздѣли все добро, какое у тебя есть, между вдовами и сиротами, которыхъ ты повергъ въ нищету, надѣнь власяницу и посыпь главу пепломъ, возьми странническій посохъ и отправляйся пѣшкомъ на богомолье въ Римъ: тогда мы будемъ твоимъ заступникомъ передъ ратисбонскою палатою, чтобъ тебѣ была дарована жизнь, и передъ святѣйшимъ папою за твою грѣшную душу.

Пока Людовикъ де-Бурбонъ предлагалъ эти условія такимъ же рѣшительнымъ тономъ, какъ будто онъ все еще занималъ епископскій тронъ, а Дикій Вепрь стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ, Гильйомъ де-ла-Маркъ медленно поднимался на стулѣ. Изумленіе, которымъ онъ сначала былъ пораженъ, постепенно уступило мѣсто ярости, и наконецъ, когда прелатъ умолкъ, онъ взглянулъ на Никкеля Блока и, не говоря ни слова, поднялъ вверхъ палецъ. Извергъ нанесъ ударъ, какъ будто исполняя свое ремесло на бойнѣ, и умерщвленный епископъ палъ безъ вздоха, безъ малѣйшаго стона, къ подножію своего собственнаго епископскаго престола. Литтихцы, неприготовленные къ такой ужасной развязкѣ и ожидавшіе, что переговоры кончатся какъ нибудь миролюбиво, поднялись единодушно съ криками ненависти и мщенія.

Но Гильйомъ де-ла-Маркъ, возвысивъ свой грозный голосъ надъ этимъ шумомъ и потрясая сжатымъ кулакомъ, громко воскликнулъ: — Это что? Какъ? и вы, литтихскія свиньи, валяющіяся въ тинѣ Мааса, и вы осмѣливаетесь спорить съ Дикимъ Вепремъ Арденнскимъ?... Эй, кабанье отродье! (такимъ выраженіемъ онъ самъ и другіе часто называли его воиновъ) — покажите ваши клыки этимъ фламандскимъ скотамъ!

Каждый изъ его сподвижниковъ вскочилъ по этому повелѣнію, и такъ какъ они были перемѣшаны съ своими литтихскими союзниками, приготовясь, можетъ быть, заранѣе къ такому сюрпризу, то каждый, въ одно мгновеніе ока, схватилъ за воротъ ближайшаго своего сосѣда и занесъ надъ нимъ широкій кинжалъ, блиставшій при свѣтѣ лампъ и мѣсяца. Оружіе было приготовлено, но никто не разилъ, потому что жертвы были застигнуты въ расплохъ и не могли противиться. Можетъ статься, и Гильйомъ де-ла-Маркъ намѣревался только постращать своихъ литтихскихъ союзниковъ.

Но смѣлость Квентина Дорварда, рѣшительнаго и находчиваго не по лѣтамъ, и подстрекаемаго всѣмъ, что только могло усилить его природную отважность, дала сценѣ совершенно другой оборотъ. Подражая дѣйствію послѣдователей Дикаго Вепря, онъ бросился на сына его, Карла Эберсона, и, легко овладѣвъ имъ, занесъ кинжалъ надъ горломъ мальчика, воскликнувъ: — Вы такъ играете? такъ и я хочу позабавиться!

— Стой, стой! закричалъ де-ла-Маркъ: — все это шутка, не больше, какъ шутка. Неужели я сталъ бы обижать своихъ добрыхъ друзей и союзниковъ города

Литтиха?... Воины! выпустить гражданъ. Садитесь! убрать эту падаль (онъ толкнулъ ногою тѣло епископа), которая причиною раздора между друзьями, и — утопимъ въ винѣ всякое неудовольствіе!

Воины Вепря выпустили изъ рукъ гражданъ, и обѣ стороны смотрѣли другъ на друга, какъ будто не зная, друзья они между собою или враги. Квентинъ Дорвардъ воспользовался этимъ мгновеніемъ: — Слушайте, Гильйомъ де-ла-Маркъ, и вы, граждане Литтиха и воины, — а ты, молодчикъ, стой смирно (мальчикъ старался отъ него вырваться): тебѣ не будетъ сдѣлано никакого вреда, если опять не вздумаютъ позабавиться какою нибудь остроумною шуткой въ родѣ теперешней.

— Кто ты, ради имени самого дьявола? сказалъ удивленный де-ла-Маркъ: — неужели и ты пришелъ сюда, чтобъ дѣлать договоры и забиралъ заложниковъ въ нашемъ собственномъ логовищѣ — у насъ, которые требуемъ отвѣта отъ всѣхъ и не даемъ его никому?

— Я слуга короля Людовика Французскаго, отвѣчалъ смѣло Квентинъ: — я стрѣлокъ его шотландской гвардіи, что отчасти могутъ вамъ пояснить языкъ мой и одежда. Я здѣсь, чтобъ видѣть ваши дѣйствія и донести о нихъ — и я вижу съ удивленіемъ, что вы поступаете какъ язычники, а не какъ христіане, — какъ безумцы, а не какъ люди одаренные разумомъ. Войска Карла Бургундскаго немедленно тронутся противъ васъ; если вы хотите помощи отъ Франціи, то должны вести себя иначе. Вамъ, гражданамъ Литтиха,

совѣтую немедленно возвратиться въ свой городъ; если кто нибудь вздумаетъ васъ задерживать, того я объявляю врагомъ моего повелителя, его всемилостивѣйшаго величества, короля французскаго.

— Франція и Литтихъ! Франція и Литтихъ! закричали Павильйонъ и многіе другіе граждане, которыхъ храбрость начала усиливаться отъ смѣлости словъ Квентина: — Франція и Литтихъ! — Да здравствуетъ храбрый стрѣлокъ! — Готовы жить и умереть съ нимъ!

Глаза Дикаго Вепря Арденнскаго засверкали; онъ ухватился за кинжалъ, какъ будто готовясь метнуть имъ въ сердце дерзкаго; но оглядѣвшись вокругъ себя, прочелъ въ глазахъ своихъ воиновъ чувства, которыя даже онъ долженъ былъ уважить. Многіе изъ его сподвижниковъ были Французы, и всѣ знали о тайныхъ пособіяхъ людьми и деньгами, которыя Гильйомъ де-ла-Маркъ получилъ изъ Франціи; нѣкоторые изъ его подчиненныхъ чувствовали даже негодованіе при видѣ злодѣйскаго и святотатственнаго поступка, которому они сейчасъ были свидѣтелями. Имя Карла Бургундскаго, государя, который, безъ сомнѣнія, не преминетъ отмстить за всѣ происшествія той ночи, тревожно отдалось въ ушахъ присутствующихъ. Короче, де-ла-Маркъ видѣлъ, что онъ не будетъ поддержанъ даже своею собственною шайкой, если вздумаетъ прибѣгнуть къ какой нибудь немедленной насильственной мѣрѣ. Смягчивъ грозное выраженіе лица и глазъ, онъ объявилъ, что не имѣетъ никакихъ злыхъ умысловъ противъ своихъ добрыхъ литтихскихъ друзей, кото-

рые могутъ когда имъ угодно оставить Шонвальдтъ, хотя онъ и надѣялся, что они пропируютъ эту ночь вмѣстѣ съ нимъ въ честь одержанной побѣды. Онъ присовокупилъ, съ большимъ противъ своего обыкновенія спокойствіемъ, что готовъ приступить къ переговорамъ касательно раздѣла добычи и принятія мѣръ ко взаимной защитѣ хоть на слѣдующій день, или когда будетъ угодно его союзникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ надѣется, что почтенный шотландскій дворянинъ не откажется почтить ихъ пиръ, проведя всю ночь въ Шонвальдтѣ.

Молодой Шотландецъ отблагодарилъ его, но объявилъ, что долженъ располагать своими поступками по дѣйствіямъ Павильйона, къ которому онъ лично адресованъ; но безспорно онъ посѣтитъ при первомъ же удобномъ случаѣ мѣстопребываніе доблестнаго Гильйома де-ла-Марка.

Большая часть Литтихцевъ воспользовалась позволеніемъ оставить замокъ безъ малѣйшаго сопротивленія; особенно радъ былъ Квентинъ, когда обернулся спиною къ его грознымъ стѣнамъ.

Въ первый разъ послѣ того, какъ они вступили въ ужасную залу, Квентинъ рѣшился спросить молодую графиню, какъ она себя чувствуетъ.

— Хорошо, хорошо, отвѣчала она съ лихорадочною торопливостью: — прекрасно; не останавливайтесь для разспросовъ; не будемъ терять ни одного мгновенія на слова; поспѣшимъ, поспѣшимъ!

Она старалась прибавить шагу, но не могла и упала бы отъ изнеможенія, еслибъ Дорвардъ не под-

держалъ ея: графиня лишилась чувствъ. Ее бережно положили въ лодку и отправились къ дому Павильйона, куда и достигли безъ особыхъ приключеній.

XXIII.

БѢГСТВО.

Не смотря на смѣсь радости и опасенія, сомнѣнія, безпокойства и другихъ тревожныхъ страстей, томительная усталось прошедшаго дня была такъ сильна, что повергла молодого Шотландца въ глубокій и спокойный сонъ, длившійся до поздняго часа слѣдующаго дня. Тогда вошелъ къ нему въ комнату достойный хозяинъ его съ озабоченнымъ видомъ, усѣлся подлѣ кровати и послѣ разныхъ намековъ и замѣшательства сказалъ: — Трудхенъ, которой жаль разстаться съ хорошенькою дамой, какъ будто она была ея родная сестра, совѣтуетъ вамъ переодѣться какъ нибудь иначе. Здѣсь въ городѣ уже толкуютъ, что графини де-Круай путешествуютъ подъ видомъ богомолокъ въ сопровожденіи французскаго тѣлохранителя изъ шотландскихъ стрѣлковъ; говорятъ, будто одну изъ нихъ доставилъ въ Шонвальдтъ какой-то цыганъ, вскорѣ послѣ нашего ухода оттуда; еще разсказываютъ, будто цыганъ этотъ увѣрилъ де-ла Марка, что вамъ не было дано никакого порученія ни къ нему, ни къ добрымъ гражданамъ Литтиха, а что вы похитили молодую графиню. Всѣ эти новости прибыли сегодня утромъ изъ Шонвальдта;

ихъ передали намъ и другимъ совѣтникамъ, и мы сами не знаемъ, на что рѣшиться: хотя всѣ и думаютъ, что Гильйомъ де-ла-маркъ былъ слишкомъ крутъ и съ епископомъ и съ нами, однако всѣ готовы вѣрить, что онъ въ душѣ все-таки хорошій человѣкъ... то есть когда трезвъ, и что онъ единственный предводитель въ свѣтѣ, который можетъ вести насъ противъ Карла Бургундскаго. — Да правду сказать, судя по тому, какъ идутъ дѣла, я и самъ думаю, что намъ надобно съ нимъ ладить, потому что мы зашли уже слишкомъ далеко, и отступать поздно.

— Дочь ваша совѣтуетъ умно, сказалъ Квентинъ Дорвардъ, удерживаясь отъ упрековъ и увѣщаній: — намъ надобно отправиться и немедленно. Надѣюсь, мы можемъ положиться на необходимую скрытность съ вашей стороны и на вашу помощь?

— Отъ всего сердца! отвѣчалъ честный синдикъ, не совсѣмъ довольный своими собственными поступками и желавшій найдти средство какъ нибудь вознаградить ихъ. Я не могу не вспомнить, что въ прошедшую ночь обязанъ вамъ жизнью, когда вы разстегнули мнѣ латы, и потомъ, когда выручили изъ другой бѣды, которая чуть ли была не хуже... вѣдь этотъ Вепрь и его отродье скорѣе похожи на чертей, нежели на людей! Ну, теперь вы готовы; пойдемте со мною къ графинѣ.

Изабелла была въ костюмѣ фламандскихъ дѣвушекъ средняго сословія, и Трудхенъ усердно помогала ей одѣваться, давая наставленія, какъ должно держать себя. Къ молодой графинѣ вполнѣ возвратились умственныя и нравственныя силы. Протянувъ Квентину руку, ко-

торую тотъ поцаловалъ почтительно, она сказала: — Сеньёръ Квентинъ, мы должны оставить нашихъ друзей, чтобъ не навлечь на нихъ несчастій, которыя преслѣдуютъ меня со времени смерти отца моего. Вамъ также нужно будетъ перерядиться, если вы только не устали сопутствовать такому злополучному существу, какъ я.

— О, я готовъ охранять васъ до конца земли! Но вы... вы сами... достаточно ли у васъ силъ для дальнѣйшаго пути? Куда бы вы ни вздумали направиться, я буду вашимъ неизмѣннымъ спутникомъ и защитникомъ.

— Надобно подумать, сказала Изабелла. Послѣ минутнаго молчанія, она прибавила: — Я желала бы избрать себѣ какой нибудь монастырь, но боюсь, это будетъ слабою обороною противъ моихъ преслѣдователей.

— Гм! гм! вмѣшался синдикъ: — я бы не совѣтовалъ вамъ искать убѣжища ни въ одномъ монастырѣ по близости Литтиха. Вепрь Арденнскій, хотя въ сущности и храбрый предводитель и надежный союзникъ, однако вообще оказываетъ немного уваженія ни къ мужскимъ, ни къ женскимъ монастырямъ.

— Готовьтесь же поспѣшнѣе, сеньёръ Квентинъ, сказала Изабелла, прерывая эти подробности: — потому что я все-таки должна ввѣрить себя вашему благородству.

Дорвардъ вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ синдикомъ и скоро возвратился въ костюмѣ зажиточнаго фламандскаго крестьянина, въ праздничномъ платьѣ

Петеркина Гейслаэра. Двѣ дюжія лошади были приготовлены стараніями жены синдика, которая не желала зла ни графинѣ, ни ея защитнику, а только думала о томъ, какъ бы избавить свой домъ и семейство отъ опасностей, угрожавшихъ имъ за гостепріимство, оказанное молодымъ бѣглецамъ.

Путешественники добрались до восточныхъ городскихъ воротъ, гдѣ къ нимъ присоединился дюжій молодой человѣкъ на добромъ сѣромъ конѣ, и сказался имъ Гансомъ Гловеромъ, женихомъ Трудхенъ Павильйонъ, которая въ тайнѣ отъ отца приказала ему ждать путешественниковъ въ этомъ мѣстѣ и не иначе возвратиться къ ней, какъ съ извѣстіемъ, что графиня выѣхала благополучно изъ предѣловъ Литтихскаго округа. Это былъ малой добродушной фламандской наружности, незапечатлѣнной выраженіемъ особенныхъ умственныхъ способностей, но доказывавшей больше веселости и чистосердечія, нежели остроумія; графиня не могла удержаться отъ мысли, что онъ едва ли достоинъ быть мужемъ великодушной Трудхенъ. Онъ, однако, по видимому, вполнѣ желалъ содѣйствовать видамъ своей невѣсты; поклонившись почтительно графинѣ и ея защитнику, онъ спросилъ первую по фламандски, по какой дорогѣ ей угодно, чтобъ онъ велъ ее.

— Веди меня, отвѣчала она: — къ ближайшему городу на границахъ Брабанта.

— Такъ вы уже рѣшили, по какому пути и куда должно направиться наше путешествіе? сказалъ Квен-

тинъ, подъѣхавъ къ Изабеллѣ и говоря по французски, чтобъ не понялъ проводникъ.

— Я рѣшилась возвратиться въ свое отечество и предать себя милосердію Карла Бургундскаго, отвѣчала путешественница: — Ошибочный, хоть и благонамѣренный совѣтъ внушилъ мнѣ мысль бѣжать отъ герцога, чтобъ искать покровительства коварнаго и вѣроломнаго Людовика Французскаго.

— Такъ вы рѣшаетесь сдѣлаться невѣстою графа Кампо-Бассо, недостойнаго любимца герцога Карла?

— Нѣтъ, Дорвардъ, нѣтъ! возразила Изабелла, выпрямясь въ сѣдлѣ: — на такое ненавистное условіе все могущество Бургундіи не будетъ въ силахъ склонить дочь дома де-Круай. Герцогъ можетъ захватить мои земли и владѣнія, можетъ заточить меня въ монастырь, — это будетъ худшимъ изъ того, что меня можетъ ожидать; я готова перенести гораздо больше, чтобъ только не отдать руки моей Кампо-Бассо.

— Худшимъ! сказалъ Квентинъ: — да что же можетъ быть хуже грабежа и заточенія? О, вѣрьте, что пока вы дышете вольнымъ Божіимъ воздухомъ, пока подлѣ васъ человѣкъ, который съ опасностью жизни готовъ проводить васъ въ Англію, Германію, Шотландію, гдѣ вы найдете великодушныхъ защитниковъ, — пока вы еще въ такомъ положеніи, не рѣшайтесь отказываться такъ опрометчиво отъ свободы, лучшаго дара небесъ! Хорошо пѣлъ одинъ поэтъ моего отечества:

Свобода благородная вещь; свобода внушаетъ человѣку любовь, свобода одушевляетъ удовольствіе; тотъ, кто живетъ на свободѣ, живетъ въ наслажденіи. Горесть, болѣзнь, бѣдность, недостатки, — все это заключаетъ въ себѣ одно имя: «неволя».

Графиня слушала съ грустною улыбкой похвалу свободѣ, которую воспѣвалъ ея спутникъ.

— Еслибъ я могла укрыться въ Шотландіи, еслибъ вы могли обѣщать мнѣ убѣжище въ какомъ нибудь оврагѣ вашихъ горъ, которыя вы такъ любите описывать, гдѣ бы изъ милосердія, или за немногія, сбереженныя мною драгоцѣнности, я вела бы тихую жизнь, забывъ удѣлъ, для котораго рождена, еслибъ вы могли мнѣ обѣщать покровительство какой нибудь уважаемой всѣми женщины, какого нибудь барона, котораго сердце было бы также вѣрно, какъ его мечъ, — такая будущность, конечно, стояла бы того, чтобъ для нея рѣшиться подвергнуться дальнѣйшимъ осужденіямъ и странствовать дальше и дальше!

Дорвардъ не вдругъ рѣшился отвѣчать ей, поспѣшно перебирая въ своей памяти возможность найдти такое убѣжище въ Шотландіи; но горестная истина невольно убѣждала его, что было бы низко и жестоко указать этой дѣвушкѣ путь, котораго онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ силъ, ни средствъ сдѣлать безопаснымъ. — Графиня, сказалъ онъ наконецъ: — я гнусно поступилъ бы противъ своей чести и рыцарской клятвы, еслибъ допустилъ васъ основать какой нибудь планъ на мысли, что могу доставить вамъ въ Шотландіи какое нибудь другое покровительство, кромѣ того, ко-

торое можетъ дать бѣдная рука человѣка, теперь вамъ сопутствующаго. Едва ли я знаю въ своемъ отечествѣ кого нибудь, въ чьихъ жилахъ текла бы теперь моя кровь. Рыцарь Иннеркюгерити взялъ замокъ нашъ приступомъ въ полночь и истребилъ всѣхъ, принадлежавшихъ къ моему имени. Явись я въ Шотландіи снова, феодальные враги мои многочисленны и могущественны, а я одинъ и безсиленъ; еслибъ даже самъ король пожелалъ оказать мнѣ правосудіе, онъ на то не осмѣлится, потому что, вступаясь за одного бездомнаго человѣка, онъ вооружитъ противъ себя предводителя, выѣзжающаго съ пятью-стами конныхъ воиновъ.

— Увы! сказала графиня: — такъ нѣтъ на свѣтѣ ни одного уголка, свободнаго отъ притѣсненія, если оно свирѣпствуетъ въ дикихъ горахъ, гдѣ такъ мало предметовъ, могущихъ возбудить алчность, и свирѣпствуетъ также необузданно, какъ въ нашихъ богатыхъ и обильныхъ низменныхъ странахъ!

— Горькая истина, которой я не смѣю опровергать.

— Такъ нечего и думать о Шотландіи, возразила Изабелла, истинно или притворно равнодушнымъ тономъ: — я говорила о ней только въ шутку, чтобъ видѣть, рѣшитесь ли вы предложить мнѣ убѣжище въ самомъ растерзанномъ государствѣ Европы. Я хотѣла только испытать вашу искренность, на которую, съ радостью вижу, можно положиться, не смотря на все ваше пристрастіе. Итакъ, еще разъ скажу: я не стану искать покровительства ни у кого, кромѣ перваго бла-

городнаго барона, подвластнаго герцогу Карлу, которому я намѣрена отдаться.

— Для чего же вамъ не ѣхать въ ваши собственныя владѣнія, въ вашъ крѣпкій замокъ, какъ вы намѣревались еще въ Турѣ? Почему не собрать вокругъ себя вассаловъ вашего отца и заключить съ Бургундіей договоръ, вмѣсто того, чтобъ отдаться герцогу безусловно?

— Увы! возразила графиня: — планъ этотъ, внушенный лукавымъ Людовикомъ, и, подобно всѣмъ его совѣтамъ, клонившійся скорѣе къ его собственнымъ выгодамъ, нежели къ моей пользѣ, сдѣлался неисполнимымъ послѣ того, какъ былъ открытъ Карлу Бургундскому измѣнникомъ Заметомъ Мограбиномъ. Родственника моего тогда заключали въ темницу, а въ замки поставили гарнизоны. Каждая попытка съ моей стороны навлекла бы на моихъ приверженцевъ мщеніе Карла Бургундскаго... Для чего же буду я причиною кровопролитія сильнѣйшаго, нежели то, которое уже произошло по такой недостаточной причинѣ?... Нѣтъ, я покорюсь своему государю, какъ вѣрная вассалка, во всемъ, что только не будетъ касаться личной свободы моего выбора, тѣмъ болѣе, что тетка моя, графиня Амелина, которая первая присовѣтовала мнѣ бѣгство и почти принудила меня къ нему, уже приняла такое благоразумное и благородное намѣреніе.

— Ваша родственница! возразилъ Квентинъ, пробужденный къ воспоминаніямъ, которыя были чужды молодой грлфинѣ и которыя не представлялись даже собственному его воображенію среди быстро слѣдовав-

шихъ одно за другимъ страшныхъ и пагубныхъ происшествій.

— Да, моя тетка, графиня Амелина де-Круай; не знаете ли вы чего нибудь о ней? Я увѣрена, что она теперь уже подъ покровительствомъ бургундскаго знамени... Вы молчите? Развѣ вамъ что нибудь извѣстно?

Послѣдній вопросъ, произнесенный тономъ самаго безпокойнаго участія, принудилъ Квентина сообщить нѣкоторыя извѣстныя ему свѣдѣнія объ участи графини Амелины; однако онъ не сказалъ ничего о носившихся слухахъ, будто она попалась въ руки Гильйому де-ла-Марку.

Разсказъ его, хотя онъ и сокращалъ самыя важныя подробности, произвелъ глубокое впечатлѣніе на графиню Изабеллу, которая, проѣхавъ нѣсколько минутъ въ безмолвіи, сказала наконецъ тономъ холоднаго неудовольствія: — Такъ вы покинули мою несчастную родственницу въ дикомъ лѣсу, на произволъ гнуснаго цыгана и измѣнницы служанки?... Бѣдная тетушка! а ты еще такъ часто выхваляла вѣрность этого юноши!

— Еслибъ я поступилъ не такъ, возразилъ Квентинъ, не безъ причины обидѣвшійся такимъ истолкованіемъ своего усердія: — то какова была бы участь той, которой служба моя посвящалась съ гораздо большею ревностью? Еслибъ я *не оставилъ* графини Амелины де-Круай на рукахъ тѣхъ, кого она сама выбрала въ свои совѣтники и путеводители, то графиня Изабелла была бы уже теперь супругою Гильйома де-ла-Марка, Дикаго Вепря Арденнскаго.

— Вы правы, отвѣчала графиня Изабелла своимъ обычнымъ кроткимъ тономъ: — я, воспользовавшаяся вашею преданностью, я была къ вамъ неблагодарна и несправедлива. Но, моя несчастная родственница!...

Стараясь ободрить Изабеллу надеждами, которыхъ самъ почти не имѣлъ, Дорвардъ отвѣчалъ, что корысть этихъ бродягъ была сильнѣе, нежели какая нибудь другая страсть; что Мартонъ, когда онъ ихъ оставилъ, дѣйствовала скорѣе какъ покровительница графини Амелины; и наконецъ, что трудно было бы придумать, какую выгоду могли имѣть въ виду эти злодѣи отъ умерщвленія графини или дурнаго обращенія съ нею, тогда какъ могли бы выиграть, поступая съ нею кротко, или потребовавъ съ нея выкупъ.

Было уже часа два пополудни, когда странники наши были встревожены извѣстіемъ своего проводника, объявившаго имъ съ блѣднымъ отъ ужаса лицомъ, что за ними гонится отрядъ *шварцъ-рейтеровъ* Гильйома де-ла-Марка. Эти войны, или скорѣе разбойники, набирались въ областяхъ Нижней Германіи и во всѣхъ отношеніяхъ походили на ланцкнехтовъ, съ тою только разницею, что они составляли легкую кавалерію. Чтобъ поддержать названіе *черныхъ всадниковъ* и болѣе устрашать своихъ непріятелей, они обыкновенно ѣздили на вороныхъ коняхъ, вымачкивали себѣ оружіе и доспѣхи черною мазью, при чемъ часто не забывали своихъ рукъ и лицъ. Въ нравственности и свирѣпости, эти шварцъ-рейтеры нисколько не уступали своимъ пѣшимъ собратіямъ, ланцкнехтамъ.

Оглянувшись назадъ и увидя вдоль ровной дороги приближающееся облако пыли, впереди котораго бѣшено неслись человѣка два изъ этихъ всадниковъ, Квентинъ обратился къ своей спутницѣ: — Графиня, у меня нѣтъ никакого оружія, кромѣ меча; но если я не могу за васъ сражаться, за то могу бѣжать вмѣстѣ съ вами. Еслибъ намъ только удалось добраться до того лѣса прежде, нежели они насъ догонятъ, мы, можетъ быть, нашли бы средство спастись.

— Пусть будетъ по вашему, мой единственный защитникъ, сказала Изабелла, пустивъ свою лошадь въ галопъ: — а ты, мой другъ, прибавила она, обратясь къ Гансу Гловеру: — поѣзжай по другой дорогѣ и не останавливайся, чтобъ не раздѣлять нашихъ бѣдствій и опасностей.

Честный Фламандецъ покачалъ головою и отвѣчалъ на ея великодушную просьбу рѣшительнымъ: — *Nein, nein! das geht nicht* (*); онъ продолжалъ сопровождать ихъ, и всѣ трое поскакали къ лѣсу съ поспѣшностью, къ какой только были способны усталыя ихъ лошади, преслѣдуемые между тѣмъ шварцъ-рейтерами, прибавившими шагу при видѣ ихъ бѣгства. Не смотря, однако, на усталость лошадей, бѣглецы, не обремененные латами и оружіемъ, значительно выигрывали передъ ними и были уже не болѣе, какъ въ четверти мили отъ лѣса, какъ вдругъ они увидѣли отрядъ воиновъ подъ значкомъ рыцаря, приближав-

(*) Нѣтъ, нѣтъ, это нейдетъ!

шійся на пересѣченіе ихъ пути со стороны опушки лѣса.

— У нихъ свѣтлыя брони, сказала Изабелла: — это должны быть Бургундцы. Но кто бы они ни были, мы лучше сдадимся имъ, нежели скачущимъ за нами злодѣямъ.

Минуту спустя, она воскликнула, взглянувъ на значокъ: — Я узнаю раздвоенное сердце! Это знамя графа де-Крэвкера, благороднаго Бургундца; ему я охотно сдамся.

Квентинъ Дорвардъ вздохнулъ, — но что ему оставалось дѣлать? Какъ счастливъ былъ бы онъ за минуту до того времени, еслибъ былъ увѣренъ, что графиня Изабелла спасется, даже при худшихъ условіяхъ! Бѣглецы вскорѣ подъѣхали къ отряду Крэвкера, и графиня изъявила желаніе говорить съ предводителемъ, который пріостановилъ своихъ воиновъ, чтобъ выстроиться для встрѣчи черныхъ всадниковъ; пока онъ разсматривалъ ее съ сомнѣніемъ и нерѣшительностью, она сказала: — Благородный графъ, Изабелла де-Круай, дочь вашего стариннаго товарища по оружію, графа Рейнольда де-Круай, отдается вамъ и проситъ вашей защиты для себя и для тѣхъ, кто съ нею.

— Вы получите ее, прелестная родственница, будь это хоть противъ цѣлаго войска, исключая, однако, моего государя, герцога бургундскаго. Но теперь не время толковать. Эти грязные мерзавцы остановились, какъ будто намѣрены сразиться. Клянусь св. Георгіемъ Бургундскимъ, они такъ дерзки, что идутъ противъ знамени Крэвкера! — Какъ! эти негодяи ду-

мают, что съ ними не справятся? — Дамьянъ, мое копье... впередъ знамя... копья на перевѣсъ... Крэвкеръ и впередъ!

Съ военнымъ крикомъ своего дома, сопровождаемый воинами, графъ поскакалъ впередъ на шварцъ-рейтеровъ.

XXIV.

СДАЧА.

Схватка между шварцъ-рейтерами и бургундскими воинами длилась не болѣе пяти минутъ, благодаря превосходству вооруженія, силѣ коней и воинскому духу Бургундцевъ. Раньше, нежели прошелъ этотъ промежутокъ времени, графъ де-Крэвкеръ, отирая окровавленный мечъ свой о гриву коня, возвратился къ опушкѣ лѣса, гдѣ оставалась Изабелла свидѣтельницею битвы. Часть людей его слѣдовала за нимъ, а остальные продолжали еще нѣсколько времени гнаться вдоль по дорогѣ за бѣгущимъ непріятелемъ.

— Стыдно, сказалъ графъ: — что оружіе рыцарей и дворянъ должно мараться кровью этихъ негодяевъ.

— Графъ, возразила графиня Изабелла: — безъ дальнихъ предисловій, позвольте мнѣ знать, должна ли я считать себя плѣнницею, и куда будетъ вамъ угодно вести меня?

— Вы знаете, безразсудное дитя, какъ бы отвѣ-

чалъ я на этотъ вопросъ, еслибъ рѣшеніе его зависѣло отъ меня, сказалъ графъ: — Но вы съ своею безумною тетушкою, которая только и думаетъ о сватовствахъ да гоняется са женихами, — вы сдѣлали въ послѣднее время такое дикое употребленіе изъ своихъ крыльевъ, что я боюсь, чтобъ вамъ на время не пришлось сложить ихъ въ какой нибудь клѣткѣ. Что до меня, моя обязанность, — право, для меня горестная, — кончится, когда я доставлю васъ въ Перонну, ко двору герцога Карла; для этого, я считаю необходимымъ передать начальство надъ этимъ разъѣзднымъ отрядомъ племяннику моему, графу Стефану, а самъ отправлюсь съ вами въ Перрону, потому что, думаю, вамъ будетъ нуженъ посредникъ.., Надѣюсь, мой молодой вертопрахъ исполнитъ свою обязанность благоразумно. Замѣть, что обязанность твоя будетъ состоять не въ томъ, чтобъ гнаться за этими черными скотами и колоть ихъ, — къ чему ты не дальше, какъ сейчасъ, обнаружилъ особенное призваніе, — а въ томъ, чтобъ собрать и доставить мнѣ вѣрныя свѣдѣнія о происшествіяхъ около Литтиха, о которыхъ мы слышали самые чудные толки. Пусть копій десять послѣдуетъ за мною, а остальные останутся подъ моимъ знаменемъ и подъ твоимъ предводительствомъ.

— Еще минуту, братецъ де-Крэвкеръ, сказала графиня Изабелла: — позвольте мнѣ, такъ какъ я сдаюсь плѣнницею, договориться покрайней мѣрѣ о безопасности тѣхъ, которые помогали мнѣ въ несчастіи. Позвольте этому доброму малому, вѣрному проводнику

моему безпрепятственно возвратиться въ его родной городъ Литтихъ.

— Племянникъ мой, отвѣчалъ графъ, быстро взглянувъ на честное широкое лицо Ганса Гловера: — будетъ охранять этого молодца, въ которомъ по видимому нѣтъ ничего дурного, до того мѣста, куда онъ самъ зайдетъ въ литтихскомъ округѣ, а потомъ дастъ ему полную свободу.

— Не забудь напомнить обо мнѣ доброй Гертрудѣ, сказала графиня своему проводнику; потомъ, вынувъ изъ подъ покрывала нитку жемчуга, прибавила: — Попроси ее носить это въ воспоминаніе о ея несчастномъ другѣ,

Честный Гловеръ взялъ нитку жемчуга и поцаловалъ съ неловкимъ жестомъ, но съ искреннимъ доброжелательствомъ, руку, которая такъ деликатно отблагодарила его за всѣ труды и опасности.

— Гм! подарки на память... сказалъ графъ: — Вы не имѣете другихъ просьбъ, прекрасная кузина? — Пора пуститься въ путь.

— Одну только, отвѣчала графиня съ нѣкоторымъ усиліемъ: — чтобъ вы были благосклонны къ этому... этому молодому дворянину.

— Гм! отвѣчалъ Крэвкеръ, бросивъ на Квентина такой же проницательный взглядъ, какимъ онъ удостоилъ Гловера, повидимому съ менѣе удовлетворительнымъ результатомъ. Потомъ, передразнивая замѣшательство графини, хотя и безъ намѣренія оскорбить ее, онъ прибавилъ: — Гм!... Однако... этотъ клинокъ другого закала. Позвольте спросить, кузина, что сдѣ-

лалъ этотъ... этотъ *очень* молодой дворянинъ, заслужившій съ вашей стороны такое заступничество?

— Онъ спасъ мнѣ жизнь и честь, отвѣчала графиня, краснѣя отъ стыда и неудовольствія.

Квентинъ также вспыхнулъ отъ негодованія, однако рѣшился удержаться, чтобъ не испортить дѣла еще больше.

— Гм! снова началъ графъ де-Крэвкеръ:—Но оставимъ это. Молодой дворянинъ можетъ оставаться при насъ, если ему позволяетъ это его званіе, а я позабочусь, чтобъ его не обижали; кромѣ того, на будущее время, я самъ возьму на себя обязанность охранять вашу жизнь и честь, а для него постараюсь найдти дѣло приличнѣе званія тѣлохранителя странствующихъ женщинъ.

— Сеньёръ графъ, сказалъ Дорвардъ, немогшій долѣе выдержать: — чтобъ вамъ не говорить объ иностранцѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыя въ послѣдствіи могутъ показаться вамъ самимъ неприличными, беру смѣлость увѣдомить васъ, что я Квентинъ Дорвардъ, стрѣлокъ изъ шотландскихъ тѣлохранителей, въ число которыхъ, какъ вамъ извѣстно, не поступаетъ никто, кромѣ дворянъ и людей благородныхъ.

— Благодарю васъ за увѣдомленіе и цалую ваши ручки, сеньёръ стрѣлокъ, возразилъ Крэвкеръ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ: — Не угодно ли вамъ обязать меня и выѣхать со мною впередъ отряда.

Квентинъ, выѣзжая впередъ по приказанію графа, который теперь имѣлъ силу, если не право — распо-

лагать его дѣйствіями, замѣтилъ, что графиня Изабелла слѣдила за его движеніями взглядомъ безпокойнаго и робкаго участія. Однако, онъ вспомнилъ, что долженъ показать себя мужемъ передъ графомъ де-Кревкеромъ. Итакъ, Квентинъ рѣшился не дожидаться вопросовъ графа, а начать разговоръ такимъ тономъ, который показалъ бы ясно, что онъ считаетъ себя въ правѣ ожидать хорошаго обращенія и большей вѣжливости, нежели какую расположенъ былъ оказывать ему графъ, недовольный, можетъ быть, тѣмъ, что человѣкъ такого незначительнаго сана былъ такъ близокъ къ его богатой и знатной родственницѣ.

— Сеньёръ графъ де-Крэвкеръ, сказалъ онъ ему спокойнымъ, но твердымъ голосомъ: могу ли просить васъ сказать мнѣ, прежде нежели наше свиданіе продлится, свободенъ ли я, или долженъ считать себя плѣнникомъ?

— Замысловатый вопросъ, возразилъ графъ: — на него теперь я могу отвѣчать только другимъ вопросомъ: какъ вы думаете, въ мирѣ или въ войнѣ теперь Франція и Бургундія между собою?

— Объ этомъ вы, конечно, должны знать лучше моего, сеньёръ графъ, отвѣчалъ Шотландецъ: — Я уже нѣсколько времени оставилъ французскій дворъ и не слыхалъ никакихъ новостей.

— Вотъ видите ли, какъ легко дѣлать вопросы и какъ трудно отвѣчать на нихъ. Знайте же, что я самъ, бывшій на этой недѣлѣ въ Перонне у герцога, не лучше васъ могу разрѣшить эту загадку; а между тѣмъ, господинъ тѣлохранитель, отъ рѣшенія этого

вопроса зависитъ важный пунктъ: свободный вы человѣкъ или плѣнникъ. Покуда, я долженъ считать васъ плѣнникомъ. Одно замѣчу: если вы дѣйствительно и честно оказали услугу моей родственницѣ и если вы будете чистосердечно отвѣчать на мои вопросы, вамъ же будетъ лучше.

— Графиня де-Круай можетъ судить лучше всякаго другаго, былъ ли я ей полезенъ, и потому вамъ надобно обратиться къ ней. Объ отвѣтахъ же моихъ вы будете судить сами, когда предложите мнѣ вопросы.

— Гм! довольно надменно! пробормоталъ графъ де-Кревкеръ: — очень похоже на человѣка, который носитъ въ своей шляпѣ благосклонность дамы и воображаетъ, что онъ долженъ вести дѣла свысока. — Хорошо, сударь; надѣюсь, вы не сочтете униженіемъ для своего достоинства сказать мнѣ, сколько времени вы находились при особѣ графини Изабеллы де-Круай?

— Графъ де-Крэвкеръ, возразилъ Дорвардъ: — если я стану отвѣчать на вопросы, которые предлагаются мнѣ тономъ, подходящимъ къ оскорбительному, то буду отвѣчать только для того, чтобъ молчаніе мое не подало повода къ заключеніямъ, обиднымъ для особы, которую уважать должны мы оба. Я сопровождалъ графиню Изабеллу съ тѣхъ поръ, какъ она оставила Францію для того, чтобъ удалиться во Фландрію.

— Ого! то-есть съ тѣхъ поръ, какъ она бѣжала изъ Плесси-ле-Тура?... Вы, стрѣлокъ шотландской

гвардіи, сопровождали ее, разумѣется, въ слѣдствіе приказаній короля Людовика?

Какъ ни мало Квентинъ считалъ себя обязаннымъ французскому королю, который, подготовивъ нападеніе Гильйома де-ла-Марка на графиню Изабеллу, вѣроятно разсчитывалъ на то, что молодой Шотландецъ будетъ убитъ, защищая ее, — однако онъ не считалъ себя въ правѣ измѣнить довѣренности, которую возложилъ на него король, искренно или притворно, а потому отвѣчалъ графу де-Крэвкеру, что для него было достаточно приказанія его начальника, и что онъ не развѣдывалъ ни о чемъ дальнѣйшимъ.

— Довольно и этого, возразилъ графъ: — Мы знаемъ, что король не позволяетъ начальникамъ своихъ тѣлохранителей посылать шотландскихъ стрѣлковъ рисоваться подобно паладинамъ у повода странствующихъ дамъ, если у него нѣтъ въ головѣ какого нибудь политическаго замысла. Королю Людовику трудно будетъ увѣрять долѣе такъ смѣло, что онъ не знаетъ ничего объ отъѣздѣ изъ Франціи графинь де-Круай, тогда какъ одинъ изъ собственныхъ его тѣлохранителей сопровождаетъ ихъ. — А куда, господинъ-стрѣлокъ, направляли вы ваше бѣгство?

— Въ Литтихъ, отвѣчалъ Шотландецъ: — гдѣ дамы желали оставаться подъ покровительствомъ покойнаго епископа.

— *Покойнаго* епископа! воскликнулъ графъ де-Крэвкеръ: — да развѣ Людовикъ Бурбонъ умеръ? Ни слова о его болѣзни не слыхалъ герцогъ Карлъ... Отчего онъ умеръ?

— Онъ покоится въ окровавленной могилѣ, графъ, то-есть, если убійцы удостоили похоронить его останки.

— Умерщвленъ! снова воскликнулъ Крэвкеръ. — Матерь Божія! молодой человѣкъ, это невозможно!

— Злодѣяніе свершилось при моихъ глазахъ... да впрочемъ кромѣ этого, сдѣлано было еще много другихъ злодѣйствъ.

— Ты это видѣлъ, и не помогъ доброму прелату! вскричалъ графъ: — ты не поднялъ всего замка противъ убійцъ?... Развѣ ты не знаешь, что видѣть такое злодѣйство и не противиться ему — гнусное святотатство?

— Короче сказать, графъ, отвѣчалъ Дорвардъ: — прежде, чѣмъ свершилось это злодѣяніе, замокъ былъ взятъ кровожаднымъ Гильйомомъ де-ла-Маркомъ при содѣйствіи возмутившихся Литтихцевъ.

— Я пораженъ какъ громомъ! Литтихъ возмутился! Шонвальдтъ взятъ! Епископъ умерщвленъ! Вѣстникъ горести, никогда еще человѣкъ не высказывалъ столькихъ бѣдъ разомъ!... Говори, зналъ ли ты объ этомъ приступѣ, объ убійствѣ, о возмущеніи?... Говори: ты одинъ изъ довѣренныхъ стрѣлковъ Людовика: онъ направилъ эту ужасную стрѣлу? Говори или я велю растерзать тебя бѣшеными лошадями!

— Еслибъ меня даже растерзали такимъ образомъ, то и тогда вамъ не выпытать бы отъ меня ничего несовмѣстнаго съ честью благороднаго шотландскаго дворянина. Я знаю объ этихъ злодѣйствахъ не болѣе васъ и былъ такъ далекъ отъ того, чтобъ принять въ нихъ участіе, что противился бы до послѣдней

крайности, еслибъ способы мои хоть на двадцатую долю равнялись желанію. Но что могъ я сдѣлать? Ихъ были сотни, а я одинъ. Единственною заботою моею было освобожденіе графини Изабеллы, въ чемъ, къ счастію, я и успѣлъ. И все-таки, еслибъ я былъ ближе, когда свершалось это богомерзкое дѣло съ несчастнымъ старикомъ, я спасъ бы его сѣдины или отмстилъ бы за нихъ; какъ бы то ни было, омерзеніе мое было высказано такъ громко, что могло предупредить другіе ужасы.

— Вѣрю тебѣ, юноша, сказалъ графъ: — ты не въ такихъ лѣтахъ и не такихъ свойствъ, чтобъ тебѣ можно было поручить кровавое злодѣяніе, какъ бы ты ни былъ способенъ къ званію защитника дамъ. Но, увы! добрый и великодушный прелатъ! быть убиту тамъ, гдѣ онъ такъ часто угощалъ странниковъ съ христіанскимъ милосердіемъ и царскою щедростью, и пасть отъ ярости злодѣя, чудовища, — отъ изверга, злого исчадія крови и жестокости, воспитаннаго въ томъ самомъ замкѣ, гдѣ онъ омочилъ руки въ крови своего благодѣтеля! Но я не знаю Карла Бургундскаго, нѣтъ, я даже сталъ бы сомнѣваться въ небесномъ правосудіи, если мщеніе не будетъ также грозно, внезапно и жестоко, какъ безпримѣрно гнусно было злодѣяніе. А если никто не будетъ преслѣдовать убійцу... Тутъ онъ остановился, схватился за мечъ, потомъ, бросивъ повода, ударилъ себя въ грудь обѣими руками, одѣтыми въ желѣзныя перчатки, такъ что на немъ зазвенѣлъ нагрудникъ, и наконецъ, воздѣвъ руки къ небу, продолжалъ торжественно: — Я, я, Филиппъ

Крэвкеръ де-Корде, даю обѣтъ Богу, св. Ламберту и тремъ кельнскимъ царямъ, что мало буду думать объ остальныхъ земныхъ заботахъ, пока не отомщу вполнѣ убійцамъ добраго Людовика де-Бурбона, встрѣчу ли ихъ въ лѣсу или въ полѣ, въ городѣ или въ деревнѣ, на горѣ или на равнинѣ, въ Божіей церкви или при дворѣ царскомъ! На это я жертвую землями, живыми друзьями и вассалами, жизнью и честью. Такъ да поможетъ мнѣ Богъ, святой Ламбергъ литтихскій и три царя кельнскіе!

Произнеся этотъ обѣтъ, графъ де-Крэвкеръ повидимому облегчилъ себя нѣсколько отъ подавлявшей его горести и изумленія, съ которыми выслушалъ извѣстіе о страшной трагедіи, разъигранной въ Шонвальдтѣ; потомъ онъ принялся подробно разспрашивать Дорварда обо всѣхъ обстоятельствахъ горестнаго событія, которыя Шотландецъ, вовсе не желая ослабить мщенія, одушевившаго графа противъ Гильйома де-ла-Марка, разсказалъ во всей точности.

— Но эти слѣпые, непостоянные, безчестные, безтолковые Литтихцы, сказалъ графъ: — какъ они соединились съ неумолимымъ, безжалостнымъ разбойникомъ и убійцею, что рѣшились умертвить своего государя?

Тутъ Дорвардъ разсказалъ разгнѣванному Бургундцу, что Литтихцы, или по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, хотя и опрометчиво бросились въ мятежъ противъ своего епископа, однако, какъ ему казалось, не имѣли намѣренія содѣйствовать гнусному злодѣянію де-ла-Марка; напротивъ, они не допустили бы свер-

шиться этому злодѣянію, еслибъ были въ силахъ воспротивиться Дикому Вепрю, и были поражены ужасомъ, когда увидѣли, что убійство свершено уже.

— Не говори объ этой безчестной, безпокойной, подлой сволочи! возразилъ Крэвкеръ: — Когда они подняли оружіе противъ государя, котораго единственный недостатокъ состоялъ въ томъ, что онъ былъ слишкомъ кротокъ и слишкомъ добръ для такой толпы неблагодарныхъ рабовъ, — когда они возстали на него и ворвались въ его домъ, чего они могли хотѣть, какъ не смерти прелата? Когда они соединились съ Дикимъ Вепремъ Арденнскимъ, величайшимъ смертоубійцею въ цѣлой Фландріи, какое у нихъ могло быть намѣреніе, если не убійство — единственное ремесло, которымъ живетъ этотъ извергъ? И опять, развѣ, по твоему собственному разсказу, не ихъ же низкая чернь свершила злодѣяніе?... Я надѣюсь, что еще увижу, какъ въ канавахъ ихъ города потечетъ кровь при свѣтѣ ихъ пылающихъ жилищъ.

Графъ де-Крэвкеръ нѣсколько разъ возвращался къ печальному предмету, разспрашивалъ Дорварда о каждой подробности внезапнаго нападенія на Шонвальдтъ и смерти епископа; потомъ вдругъ, какъ будто вспомнивъ о чемъ-то, не приходившемъ ему дотолѣ на память, спросилъ, что сдѣлалось съ графинею Амелиною де-Круай и почему ея нѣтъ вмѣстѣ съ племянницей? — Не потому, прибавилъ онъ презрительно: — чтобъ я считалъ ея отсутствіе потерею для графини Изабеллы; хотя наша родственница въ сущности женщина не злонамѣренная, однако дворъ коканьскій

никогда еще не производилъ такой сумасбродной дуры; я полагаю навѣрное, что племянница ея, которую я всегда находилъ скромною и добропорядочною дѣвушкою, была завлечена въ безразсудное бѣгство изъ Бургундіи во Францію этою романическою, безтолковою, сумасшедшею искательницею супружествъ!

Дорвардъ, хотя съ нѣкоторымъ усиліемъ надъ собою, ограничилъ свой отвѣтъ разсказомъ въ общихъ выраженіяхъ о томъ, какъ графиня Амелина бѣжала изъ Шонвальдта прежде, нежели началось нападеніе на замокъ. Къ этому затруднительному повѣствованію онъ прибавилъ, что до него дошли слухи, хотя и не совсѣмъ достовѣрные, о томъ, будто бы графиня Амелина попалась въ руки Гильйома де-ла-Марка.

— Клянусь св. Ламбертомъ, онъ на ней женится сказалъ Крэвкеръ: — онъ не упуститъ случая сдѣлать это изъ уваженія къ ея мѣшкамъ съ золотомъ; а потомъ, очень вѣроятно, раскроитъ ей голову, когда мѣшки будутъ въ его рукахъ, или когда они опорожнятся.

— Послушайте-ка, господинъ стрѣлокъ, сказалъ спустя нѣкоторое время графъ: — дайте шпоры лошади и продолжайте ѣхать впереди, а я пріотстану, чтобъ переговорить съ графинею Изабеллою. Однако, еще одно слово прежде, чѣмъ мы разстанемся. Вы, я полагаю, свершили благополучное путешествіе по землямъ волшебнымъ, полное геройскихъ приключеній, высокихъ надеждъ и дикихъ, романтическихъ обольщеній, какъ въ садахъ Феи Морганы. Забудь все это, молодой воинъ! прибавилъ онъ, трепнувъ его по плечу:

помни объ этой дамѣ только какъ о высокоуважаемой графинѣ де-Круай; забудь, что она была странствующею красавицей; въ такомъ случаѣ друзья ея, — за одного изъ нихъ я ручаюсь, — вспомнятъ съ своей стороны только объ оказанныхъ ей тобою услугахъ и забудутъ о безразсудной наградѣ, о которой мечтать ты, вѣроятно, имѣлъ смѣлость.

Взбѣшенный тѣмъ, что ему не удалось скрыть отъ прозорливости Крэвкера свои чувства, Квентинъ возразилъ съ негодованіемъ: — Сеньеръ графъ, когда мнѣ понадобится вашъ совѣтъ, я попрошу его, когда же буду искать вашей помощи, вамъ будетъ довольно времени согласиться или отказать; когда я буду особенно цѣнить мнѣніе ваше обо мнѣ, тогда не будетъ слишкомъ поздно выразить его.

— Вотъ какъ! сказалъ графъ: — такъ я долженъ ожидать вызова на ристалище!

— Вы говорите объ этомъ, какъ о вещи невозможной, отвѣчалъ Квентинъ: — однако, когда я ломалъ копья съ герцогомъ орлеанскимъ, мое копье направлялось въ грудь, въ которой текла кровь благороднѣе крови Крэвкеровъ; когда я мѣрялся на мечахъ съ Дюнуа, я сражался съ воиномъ получше васъ.

— Да подкрѣпитъ небо твой разсудокъ, прекрасный юноша! сказалъ Крэвкеръ, продолжая смѣяться надъ рыцаремъ: — Если ты говоришь правду, ты имѣлъ на семъ свѣтѣ рѣдкую удачу... Право, если Провидѣнію угодно было подвергнуть тебя такимъ испытаніямъ, пока у тебя еще не выросла борода, ты сойдешь съ ума отъ тщеславія прежде, нежели

достигнешь зрѣлаго возраста. Ты не можешь разсердить меня, а можешь только разсмѣшить. Вѣрь мнѣ, хоть тебѣ и случалось сражаться съ принцами и разъигрывать роль защитника графинь черезъ посредство тѣхъ шутокъ, которыми фортуна иногда забавляется, но ты никакъ не долженъ считать себя равнымъ съ людьми, которые были твоими случайными противниками, или еще болѣе случайными спутниками. Я готовъ допустить, что ты, какъ юноша, наслушавшійся романсовъ, могъ уже вообразить себя паладиномъ и предаваться нѣкоторое время завлекательнымъ мечтамъ; но ты не долженъ сердиться на благонамѣреннаго друга, хотя онъ и трепнетъ тебя по плечу нѣсколько сурово, чтобъ пробудить отъ такого обманчиваго сна.

— Графъ де-Крэвкеръ, моя фамилія...

— Да я говорю не объ одной только фамиліи, но и о санѣ, о богатствѣ, могуществѣ и тому подобномъ, что производитъ на свѣтѣ разстоянія между людьми и ихъ званіями. Что до происхожденія, — всѣ люди ведутъ свой родъ отъ Адама и Еввы.

— Сеньеръ графъ, предки мои, Дорварды изъ Гленъ-гулэкина...

— Ну, если ихъ родъ древнѣе Адама и Еввы, мнѣ ужь нечего и говорить! Желаю вамъ добраго вечера.

Графъ осадилъ свою лошадь и присоединился къ Изабеллѣ, а Квентинъ, продолжавшій ѣхать впереди, ворчалъ про себя: — Бездушный, самонадѣянный, дерзкій наглецъ! Желалъ бы я, чтобъ слѣдующій

шотландскій стрѣлокъ, котораго пищаль будетъ наведена на тебя, не отпустилъ тебя такъ легко, какъ я!

Вечеромъ, путешественники достигли города Шарльруа на Самбрѣ, гдѣ графъ де-Крэвкеръ рѣшился оставить Изабеллу де-Круай, которую ужасы и усталость вчерашняго дня, вмѣстѣ съ бѣгствомъ на разстояніи пятидесяти миль въ одно утро, и различныя тревожныя чувства, которыми оно сопровождалось, утомили до того, что она, безъ вреда своему здоровью, была рѣшительно не въ силахъ ѣхать далѣе. Графъ предоставилъ ее попеченіямъ игуменьи цистерсіанскаго монастыря въ Шарльруа, благородной дамѣ, которая была въ родствѣ съ фамиліею Крэвкеровъ и де-Круай, и на благоразуміе и ласковость которой онъ могъ вполнѣ положиться.

Самъ Крэвкеръ пріостановился только за тѣмъ, чтобъ присовѣтовать величайшую осторожность начальнику небольшого бургундскаго гарнизона, находившагося въ томъ мѣстѣ; онъ приказалъ ему содержать у монастыря почетную стражу на время пребыванія въ немъ графини Изабеллы де-Круай, повидимому для обезпеченія ея безопасности, хотя, можетъ быть, отчасти и для предупрежденія ея попытки къ новому побѣгу. Графъ, добывъ свѣжихъ коней для себя и своей свиты, пустился въ путь съ твердою рѣшимостью не останавливаться для отдыха вплоть до Перонны. Объявивъ Квентину Дорварду, что онъ долженъ сопровождать его, графъ вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливо извинялся въ необходимости разлучить его съ спутницей.

Квентинъ, и безъ того опечаленный предстоящею разлукою, хотѣлъ отвѣчать на эту выходку грознымъ вызовомъ; но зная, что графъ только посмѣялся бы надъ его гнѣвомъ и пренебрегъ бы его вызовомъ, рѣшился выждать болѣе благопріятнаго времени, когда ему представится случай получить удовлетвореніе отъ надменнаго вельможи, который, хотя и по совершенно другимъ причинамъ, казался ему почти столько же ненавистнымъ, какъ самъ Дикій Вепрь Арденнскій. И такъ, онъ принялъ сдѣланное ему графомъ предложеніе, отъ котораго даже и нельзя было бы уклониться, — и поѣздъ тронулся со всевозможною поспѣшностью по дорогѣ между Шарльруа и Перонной.

XXV.

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ.

Подстрекаемые нетерпѣніемъ Крэвкера, путники спѣшили по богатымъ низменнымъ странамъ Геннегау, при благодѣтельномъ свѣтѣ великолѣпной полной луны, проливавшей свои желтые отблески на роскошныя темно зеленыя пастбища, на лѣса и вспаханныя поля, по которымъ земледѣльцы собирали жатву при ея сіяніи (таково было трудолюбіе Фламандцевъ даже въ тѣ времена). Луною озарены были широкія, гладкія, оплодотворяющія рѣки, по которымъ скользили бѣлые паруса судовъ, перевозившихъ товары; путь не преры-

вался ни скалами, ни быстринами, а спокойно тянулся мимо тихихъ деревень, которыхъ наружная чистота и опрятность свидѣтельствовали объ изобиліи и удобствахъ жизни обывателей. Луна освѣщала порою феодальные замки съ глубокими рвами, зубчатыми стѣнами и высокими сторожевыми башнями, потому что рыцари геннегаускіе были знамениты между европейскими; порою свѣтъ луны падалъ на колокольни высокихъ монастырей...

И между тѣмъ, все это разнообразіе, какъ ни отличалось оно отъ пустырей и дикихъ странъ Шотландіи, не могло разсѣять грусти Квентина. Когда путешественники прибыли въ городъ Ландресси, графъ, изъ состраданія къ Дорварду, который провелъ безъ сна цѣлыя три ночи, дозволилъ себѣ и своимъ воинамъ пріостановиться на четыре часа для отдыха и подкрѣпленія силъ.

Глубокъ и крѣпокъ былъ сонъ Квентина, пока его не пробудили звуки трубы Крэвкера и крики его фурьеровъ и передовыхъ: — Вставайте! *deBout*, мессиры! въ дорогу, въ дорогу! Какъ ни были неблагопріятны эти звуки, они пробудили Квентина совершенно другимъ человѣкомъ по силамъ и бодрости духа, нежели какимъ онъ заснулъ. Увѣренность въ самомъ себѣ и надежда на счастье возратились къ нему снова вмѣстѣ съ восходящимъ солнцемъ. Онъ пересталъ думать о своихъ чувствахъ къ Изабеллѣ, какъ объ отчаянномъ и несбыточномъ снѣ; напротивъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на высокій источникъ бодрости, который онъ дол-

женъ былъ лелѣять въ груди своей, хотя, среди всѣхъ осаждавшихъ его трудностей, мыслямъ его и нельзя было привести ее къ благополучному окончанію.

Въ такомъ мужественномъ расположеніи духа, Квентинъ чувствовалъ себя способнѣе принимать шутки графа де-Крэвкера и отвѣчать на нихъ, потому что графъ подсмѣивался надъ его мнимымъ женоподобіемъ и безсиліемъ переносить усталость. Молодой Шотландецъ такъ добродушно выслушивалъ насмѣшки графа и возражалъ на нихъ такъ удачно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ почтительно, что перемѣна его тона и пріемовъ очевидно произвела на Крэвкера болѣе благопріятное впечатлѣніе, нежели поведеніе его плѣнника въ прошедшій вечеръ, когда, раздраженный чувствомъ своего непріятнаго положенія, Квентинъ былъ или угрюмо молчаливъ или сердито разговорчивъ.

Старый воинъ наконецъ началъ смотрѣть на своего молодого спутника какъ на красиваго собою малаго, изъ котораго можно что нибудь сдѣлать; онъ больше, нежели намекнулъ ему, что если онъ только вздумаетъ отказаться отъ званія стрѣлка шотландской гвардіи, то ничего нѣтъ ему легче, какъ найдти почетное мѣсто при особѣ герцога бургундскаго, и что онъ самъ, графъ де-Крэвкеръ, будетъ заботиться о его повышеніи. Хотя Квентинъ, изъявивъ въ приличныхъ выраженіяхъ свою благодарность за такое вниманіе, отказался на время отъ предложеній графа, желая разузнать, далеко ли должно простираться его неудовольствіе на своего первоначальнаго покровителя, короля Людовика, однако продолжалъ оставаться въ

дружественныхъ отношеніяхъ съ графомъ де-Крэвкеромъ. Восторженный образъ мыслей молодого Шотландца и чужеземный его выговоръ часто вызывали улыбку на суровыя щеки графа, однако въ улыбкѣ этой не было ничего горькаго и саркастическаго, — она не переступала за предѣлы добродушія и благосклонности.

Такимъ образомъ, путешествуя вмѣстѣ съ большимъ противъ вчерашняго добрымъ согласіемъ, маленькій отрядъ прибылъ наконецъ на разстояніе около двухъ миль отъ знаменитаго и хорошо укрѣпленнаго города Перонны, около котораго расположено было лагеремъ войско герцога бургундскаго, готовое, какъ думали, вторгнуться во Францію; а между тѣмъ Людовикъ XI собралъ большія силы около Сенъ Максанса, съ намѣреніемъ привести въ разсудокъ своего чрезмѣрно могущественнаго вассала.

Городъ Перонна, расположенный на берегахъ глубокой рѣки, въ странѣ низменной, окруженный крѣпкими окопами и глубокими рвами, считался, какъ въ старину, такъ и въ новѣйшія времена, одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Франціи. Графъ де-Крэвкеръ подъѣзжалъ къ городу часу въ третьемъ пополудни вмѣстѣ съ своею свитою и плѣнникомъ; проѣзжая по красивымъ просѣкамъ обширнаго лѣса, который тогда прикрывалъ дорогу къ городу съ восточной стороны, путешественники встрѣтили двухъ человѣкъ, по видимому знатныхъ, что можно было заключить по многочисленности ихъ свиты, одѣтой въ платья, которыя носились тогда во время мира; а судя по соколамъ, си-

дѣвшимъ у нихъ на рукахъ, и помножеству испанскихъ и охотничьихъ собакъ, которыхъ держала ихъ прислуга, ясно было, что они забавлялись соколиною охотою. Но, замѣтивъ Крэвкера, котораго наружность и ливреи были имъ хорошо знакомы, они перестали отъискивать цаплю вдоль берега длиннаго канала и подскакали къ графу.

— Новостей, новостей, графъ де-Крэвкеръ! закричали они въ одинъ голосъ. — Хотите разсказать намъ новости, или слышать ихъ? или хотите честно размѣняться?

— Я бы хотѣлъ честно размѣняться новостями, мессиры, если только у васъ найдутся такія важныя новости, какъ у меня, отвѣчалъ Крэвкеръ, поклонившись имъ вѣжливо.

Охотники взглянули другъ на друга съ улыбкою, и старшій изъ нихъ, человѣкъ особенно благородной наружности и смуглаго лица, запечатлѣннаго тою грустью, которую физіономисты приписываютъ меланхолическому темпераменту, а нѣкоторые, какъ заключилъ скульпторъ по лицу Карла I, считаютъ предвѣстницею насильственной смерти (*), — старшій изъ охотниковъ, обратясь къ своему товарищу, сказалъ: — Крэвкеръ былъ въ Брабантѣ, странѣ торговой, и на-

(*) Д'Эмберкуръ былъ казненъ жителями Гента вмѣстѣ съ канцлеромъ Бургундіи въ 1477 году. Марія Бургундская, дочь Карла Смѣлаго, явилась въ траурѣ на площади рынка и со слезами умоляла своихъ возмутившихся подданныхъ пощадить жизнь ея вѣрныхъ слугъ, — но напрасно.

учился всѣмъ хитростямъ. Если мы станемъ торговаться, намъ съ нимъ не справиться.

— Мессиры! возразилъ Крэвкеръ: — герцогъ долженъ по справедливости получить мои товары прежде всѣхъ, такъ какъ владѣлецъ беретъ свою пошлину прежде, нежели откроется продажа на рынкѣ. Но скажите, какого рода ваши новости, печальныя или веселыя?

Человѣкъ, къ которому онъ теперь обращался, имѣлъ наружность, исполненную особенной живости, и быстрые глаза, дышавшіе веселостью, которая умѣрялась выраженіемъ степенности и глубокомыслія, замѣтнымъ въ движеніи его рта и верхней губы; вся физіономія его обозначала человѣка прозорливаго и быстрообсуживающаго предметы, но благоразумнаго и осторожнаго въ своихъ рѣшеніяхъ и въ выраженіи своихъ мнѣній. Это былъ знаменитый рыцарь геннегаускій, сынъ Коллара, или Никола де л'Элитъ, извѣстный въ исторіи и между историками подъ именемъ Филиппа де-Комина, въ то время считавшійся однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ людей Карла Смѣлаго, однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ имъ совѣтниковъ. Онъ отвѣчалъ на вопросъ Крэвкера о томъ, какого рода новости, которыя извѣстны были ему и его товарищу, барону д'Эмберкуру: — Онѣ походятъ на цвѣта радуги, разнообразные въ своихъ отливахъ, смотря по тому, съ которой стороны на нихъ смотрѣть: рисуются ли они на черномъ облакѣ, или на синемъ небѣ; такой радуги еще не видали ни во Франціи, ни во Фландріи со временъ ноева ковчега.

— Мои вѣсти, возразилъ Крэвкеръ: — совершенно похожи на комету: мрачны, дики и ужасны сами по себѣ, но ихъ надобно считать предвѣщаніемъ еще большихъ и еще ужаснѣйшихъ золъ, которыя не замедлятъ явиться.

— Надобно развязать наши тюки, сказалъ Коминъ своему товарищу: — иначе насъ могутъ перебить на торгахъ другіе, потому что наши новости всѣмъ извѣстны. Словомъ, Крэвкеръ, слушайте и удивляйтесь: король Людовикъ въ Перонѣ!

— Какъ? вскричалъ изумленный графъ: — развѣ герцогъ отступилъ безъ боя? и вы остаетесь здѣсь въ мирныхъ одеждахъ, когда городъ осажденъ Французами, потому что невозможно предполагать, чтобъ Перонна была взята!

— Конечно, нѣтъ, сказалъ д'Эмберкуръ: — знамена Бургундіи не отступили назадъ ни на шагъ, а все-таки король Людовикъ здѣсь.

— Такъ, вѣроятно, Эдуардъ Англійскій переплылъ моря съ своими стрѣлками, возразилъ Крэвкеръ: — и, подобно своимъ предкамъ, выигралъ другое сраженіе при Пуатье?

— Нисколько, отвѣчалъ Коминъ: — Ни одно французское знамя не было ниспровергнуто, ни одинъ парусъ не былъ распущенъ на пути изъ Англіи во Францію. Эдуарду такъ весело съ женами лондонскихъ жителей, что ему и въ голову не прійдетъ разъигрывать роль Чернаго Принца. Выслушайте необыкновенную истину: вы знаете, что когда вы отъ насъ уѣхали, совѣщаніе между повѣренными въ дѣлахъ Франціи и

Бургундіи было прервано безъ видимой надежды на примиреніе?

— Да; мы только и думали о войнѣ.

— То, что произошло послѣ этого, такъ походитъ на сонъ, продолжалъ Коминъ: — что я почти ожидаю пробужденія и думаю увѣриться, что все это видѣлъ во снѣ. Не дальше, какъ за день до того герцогъ такъ бѣшено возставалъ въ совѣтѣ противъ дальнѣйшаго отлагательства, что рѣшено было послать королю вызовъ и немедленно вторгнуться во Францію. Туазонъ д'Оръ, назначенный для этого порученія, надѣлъ уже костюмъ герольда и занесъ ногу въ стремя, какъ вдругъ — въѣзжаетъ въ нашъ станъ французскій герольдъ Монжуа. Мы думали, что Людовикъ предупредилъ насъ въ объявленіи войны и разсуждали какъ герцогъ будетъ сердиться на совѣтъ, который помѣшалъ ему объявить войну первому. Наскоро созванъ былъ совѣтъ, и каково было наше удивленіе, когда герольдъ объявилъ, что Людовикъ, король французскій, находится отъ насъ не далѣе, какъ на часъ ѣзды, намѣреваясь посѣтить Карла, герцога бургундскаго, съ небольшою свитою, чтобъ рѣшить всѣ несогласія личнымъ свиданіемъ!

— Вы удивляете меня, мессиры, сказалъ Крэвкеръ: — и все-таки удивляете менѣе, нежели думаете, потому что, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Плесси ле-Турѣ, наиболѣе довѣренный изъ приближенныхъ Людовика, кардиналъ Балю, обиженный своимъ государемъ и Бургундецъ въ душѣ, намекнулъ мнѣ, что если онъ возьмется за слабыя стороны короля,

то Людовикъ поставитъ себя относительно Бургундіи въ такое положеніе, что герцогу Карлу можно будетъ предписать условія мира, какія ему заблагоразсудится. Однако, я никогда не подозрѣвалъ, чтобъ такая старая лисица, какъ Людовикъ, могла быть завлечена до того, что полѣзла въ западню по собственному желанію. Что же сказали бургундскіе совѣтники?

— Какъ вы легко можете догадаться, отвѣчалъ д'Эмберкуръ: — они много толковали о томъ, что надобно оправдать довѣренность короля, и что отъ этого посѣщенія нельзя ожидать большихъ выгодъ; между тѣмъ, ясно было, что они только и думали о выгодахъ, заботясь больше всего какъ бы согласовать ихъ съ наружнымъ соблюденіемъ внѣшностей.

— Что же сказалъ герцогъ? продолжалъ Крэвкеръ.

— Онъ говорилъ по обыкновенію кратко и рѣшительно, возразилъ Коминъ. «Кто изъ васъ» спросилъ Карлъ, «былъ свидѣтелемъ свиданія моего съ братцемъ Людовикомъ послѣ сраженія при Монлери, когда я такъ необдуманно послѣдовалъ за нимъ въ окопы Парижа съ какимъ нибудь десяткомъ воиновъ изъ своей свиты и отдалъ себя такимъ образомъ на произволъ короля?» Я отвѣчалъ, что большая часть изъ насъ была при этомъ, и что никто не можетъ забыть какъ ему было угодно напугать насъ. «Хорошо же» сказалъ герцогъ: «всѣ вы осуждали мою опрометчивость, да и я самъ сознался, что поступилъ какъ вѣтренный сумасбродъ; я убѣжденъ, что такъ какъ тогда блаженной памяти отецъ мой былъ живъ, то

родственнику моему Людовику было бы не такъ выгодно овладѣть моею особою, какъ теперь выгодно было бы мнѣ овладѣть имъ. Но все-таки, если царственный братецъ мой пріѣдетъ сюда теперь съ такимъ же простодушіемъ, съ какимъ я тогда дѣйствовалъ, то надобно принять его, какъ короля. Если же онъ замышляетъ этимъ наружнымъ знакомъ довѣрчивости ослѣпить или обмануть меня, чтобъ исполнить какой нибудь изъ своихъ хитрыхъ политическихъ плановъ, — клянусь св. Георгіемъ бургундскимъ, пусть онъ напередъ обдумаетъ хорошенько, что намѣренъ дѣлать!» Сказавъ это, герцогъ закрутилъ усы и, топнувъ ногою, приказалъ всѣмъ намъ сѣсть на коней, чтобъ встрѣтить такого неожиданнаго гостя.

— И такъ, вы встрѣтили короля? возразилъ Крэвкеръ: — Чудеса еще не прекратились! Много съ нимъ было свиты?

— Такъ мало, какъ только возможно, отвѣчалъ д'Эмберкуръ: — всего десятка два шотландскихъ тѣлохранителей, да нѣсколько рыцарей и дворянъ его двора; между ними замѣтнѣе всѣхъ былъ астрологъ его, Галеотти.

— Этотъ пріятель, сказалъ графъ: — въ сношеніяхъ съ кардиналомъ Балю; я полагаю, что и онъ остался не безъ участія въ склоненіи короля къ такому сомнительному шагу. Не было съ нимъ никого изъ вельможъ?

— Герцогъ Орлеанскій и Дюнуа, отвѣчалъ Коминъ.

— Будь что будетъ, а ужь я потягаюсь съ Дюнуа, сказалъ Крэвкеръ: — Но мы слышали, что онъ по-

палъ въ немилость вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ, и что ихъ засадили въ темницу?

— Они были дѣйствительно подъ стражею въ замкѣ Лошъ, очаровательномъ мѣстопребываніи для французской знати, сказалъ д'Эмберкуръ: — но Людовикъ освободилъ ихъ, чтобъ взять съ собою, можетъ быть потому, что онъ не хотѣлъ оставить позади себя Орлеанскаго. Что до остальной свиты, я думаю, самые важные изъ нихъ — кумъ его, главный палачъ, человѣками съ двумя изъ своихъ, да еще Оливье, цирюльникъ; и все это сборище было такъ бѣдно снаряжено, что, клянусь честью, король больше всего походилъ на стараго ростовщика, собирающаго безнадежные долги въ сопровожденіи отряда съищиковъ.

— Гдѣ же ихъ помѣстили? спросилъ графъ.

— Вотъ это чуднѣе всего, отвѣчалъ Коминъ: — Нашъ герцогъ предложилъ королю, что онъ предоставляетъ шотландскимъ тѣлохранителямъ его одни изъ городскихъ воротъ и наводный мостъ черезъ Сомму, а для помѣщенія его съ свитою былъ назначенъ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ, принадлежащій богатому горожанину Жилю Ортену; но, отправляясь туда, король подсмотрѣлъ знамена де-Ло и Пансиля де-Ривьера, которыхъ онъ изгналъ изъ Франціи: не желая, повидимому, поселиться такъ близко отъ изгнанниковъ и недовольныхъ имъ, онъ просилъ, чтобъ ему отвели покои въ перонискомъ замкѣ, и тамъ онъ живетъ теперь.

— Съ нами крестная сила! воскликнулъ Крэвкеръ: — да онъ не только рѣшился войдти въ логовище

льва, а еще и сунулъ голову прямо въ пасть ему; для этого лукаваго политика нужно было не иначе, какъ самое дно мышеловки!

— Да, д'Эмберкуръ еще не сказалъ вамъ остроты ле-Глорье (*), которая, по моему, заключаетъ въ себѣ самое тонкое мнѣніе изъ всѣхъ, предложенныхъ по этому случаю.

— Что же изрекла его знаменитая премудрость?

— Когда герцогъ, отвѣчалъ Коминъ: — наскоро приказывалъ приготовить разную серебряную посуду, блюда и тому подобное, для подарковъ королю и его свитѣ, чтобъ привѣтствовать ихъ съ прибытіемъ, ле-Глорье сказалъ: «Не тревожь своего маленькаго мозга, другъ Карлъ; я дамъ твоему братцу Людовику подарокъ гораздо приличнѣе и благороднѣе твоихъ — мою шапку съ бубенчиками и погремушку: потому что, клянусь обѣдней, онъ гораздо глупѣе меня, если рѣшился отдаться въ твои руки.» — А если я не дамъ ему причины раскаяваться въ этомъ, пріятель, что тогда? спросилъ герцогъ. — «Тогда, Карлъ, по всей справедливости тебѣ будетъ слѣдовать получить и колпакъ и погремушку, потому что тогда ты будешь величайшимъ глупцомъ изъ всѣхъ насъ троихъ.» Увѣряю васъ, что этотъ лукавый намекъ задѣлъ герцога за живое: я видѣлъ, какъ онъ измѣнился въ лицѣ и закусилъ губу. Теперь, благородный Крэвкеръ, новости наши высказаны; на что онѣ, по вашему, походятъ?

— На мину, наполненную порохомъ, къ которой,

(*) Шутъ Карла Бургундскаго.

я опасаюсь, мнѣ прійдется приложить пальникъ. Ваши и мои новости похожи на ленъ и огонь, которыхъ нельзя сблизить, чтобъ не было вспышки, или на тѣ химическія зелья, которыхъ нельзя перемѣшать безъ взрыва. Друзья! господа! поѣзжайте подлѣ меня; когда я вамъ разскажу о томъ, что произошло въ литтихскомъ епископствѣ, надѣюсь, вы убѣдитесь, что королю Людовику безопаснѣе было бы предпринять путешествіе въ адъ, нежели рѣшиться на эту неумѣстную поѣздку въ Перонну.

Оба вельможи приблизились къ графу, поѣхали по сторонамъ его и внимали съ едва удерживаемыми восклицаніями и съ жестами, выражавшими крайнее изумленіе и ужасъ, разсказъ Крэвкера о событіяхъ въ Литтихѣ и Шонвальдѣ, потомъ подозвали Квентина, разспрашивали и переспрашивали о подробностяхъ смерти прелата — до того, что онъ наконецъ отказался отвѣчать на дальнѣйшіе распросы, не зная, къ чему они клонились и какое употребленіе можно сдѣлать изъ его отвѣтовъ.

Такимъ образомъ, они подъѣхали къ роскошнымъ низменнымъ берегамъ Соммы и къ древнимъ стѣнамъ Перонны. Близъ лежавшіе зеленые луга бѣлѣлись теперь отъ многочисленныхъ палатокъ войска герцога бургундскаго, доходившаго тысячь до пятнадцати.

XXVI.

СВИДАНІЕ.

Карлъ Бургундскій, самый опрометчивый, даже самый безразсудный государь своего времени, былъ какъ бы скованъ волшебнымъ вліяніемъ, требовавшимъ отъ него самаго глубокаго наружнаго почтенія къ Людовику, какъ къ феодальному государю, удостоившему его, вассала своей короны, особенной чести личнаго посѣщенія. Одѣтый въ герцогскую мантію, сопровождаемый важнѣйшими изъ своихъ сановниковъ, главныхъ рыцарей и вельможъ, онъ выѣхалъ блестящею кавалькадою на встрѣчу Людовику XI. Свита герцога сіяла серебромъ и золотомъ. Тогда англійскій дворъ истощилъ свои богатства въ междоусобныхъ войнахъ между Ланкастеромъ и Іоркомъ, а роскошь французскаго двора была ограничена экономіею короля, такъ что бургундскій дворъ былъ великолѣпнѣйшимъ въ цѣлой Европѣ. Свита Людовика, напротивъ, была малочисленна и, въ сравненіи съ свитою Карла, имѣла скудную наружность; нарядъ самаго короля, одѣтаго въ изношенный плащъ, и высокая его шляпа, украшенная множествомъ образковъ, дѣлали противоположность еще разительнѣе. Наконецъ, когда герцогъ, въ пышной коронѣ и нарядной мантіи, соскочилъ съ своего благороднаго боеваго коня и преклонилъ одно колѣно, чтобъ держать стремя Людовику, слѣзавшему съ маленькаго иноходца, сцена сдѣлалась почти смѣшною.

Привѣтствія между двумя государями были, какъ водится, столько же исполнены притворной ласки и дружбы, сколько лишены всякой искренности. Нравъ герцога дѣлалъ для него необычайно труднымъ соблюденіе необходимыхъ внѣшнихъ приличій въ голосѣ, обращеніи и рѣчахъ; тогда какъ король такъ привыкъ къ притворству всякаго рода, и оно, казалось, до такой степени сроднилось съ его характеромъ, что люди, знавшіе его коротко, не могли бы отличить въ немъ истинное отъ ложнаго.

Чтобъ вѣрнѣе пояснить взаимное отношеніе обоихъ государей, вообразите себѣ Людовика въ положеніи человѣка, вполнѣ знакомаго съ собачьею природою, который по какимъ нибудь личнымъ видамъ желаетъ свести дружбу съ огромнымъ и сердитымъ меделянскимъ псомъ, подозрѣвающимъ его и готовымъ растерзать его при первомъ признакѣ робости или злонамѣренности. Песъ внутренно ворчитъ, щетинится, скалитъ зубы, но стыдится броситься на незванаго посѣтителя, который вмѣстѣ съ тѣмъ кажется такимъ ласковымъ и довѣрчивымъ; животное переноситъ любезности человѣка, хотя онѣ и далеко его не успокоиваютъ, подстерегая въ то же время малѣйшій поводъ, который оправдалъ бы его въ собственныхъ глазахъ, чтобъ броситься на горло своему навязчивому пріятелю.

Король былъ, безъ сомнѣнія, убѣжденъ, судя по измѣнившемуся голосу, по принужденности пріемовъ и по отрывистымъ жестамъ герцога, что роль его требуетъ величайшей осторожности: не мудрено даже,

что онъ начиналъ раскаяваться, что взялъ ее на себя. Но раскаяніе было слишкомъ поздно: ему оставались только ловкость и изворотливость, которыми онъ обладалъ въ высшей степени.

Обращеніе Людовика съ герцогомъ казалось добродушнымъ изліяніемъ сердечныхъ чувствъ въ минуту искренняго примиренія съ уважаемымъ и испытаннымъ другомъ, отъ котораго его отчуждали временныя обстоятельства, забытыя съ тѣхъ поръ, какъ они миновали. Король осуждалъ себя за то, что не сдѣлалъ ранѣе такого рѣшительнаго шага, который убѣдилъ бы его добраго и любезнаго родственника, что всѣ прошедшія неудовольствія въ глазахъ его — ничто въ сравненіи съ воспоминаніемъ о ласкѣ, съ какою его приняли при бургундскомъ дворѣ, когда онъ былъ изгнанникомъ изъ Франціи и находился въ немилости у короля, отца своего. Онъ говорилъ о добромъ герцогѣ бургундскомъ, какъ вообще называли Филиппа, отца герцога Карла, и припоминалъ тысячу случаевъ, доказывавшихъ его отеческую заботливость.

— Я думаю, братецъ, говорилъ онъ: — отецъ вашъ дѣлалъ мало различія между мною и вами; помню, что однажды я случайно заблудился на охотѣ, и отецъ вашъ выговаривалъ вамъ за то, что вы меня оставили въ лѣсу, какъ будто вы оказали этимъ невниманіе къ безопасности старшаго брата.

Черты герцога бургундскаго были отъ природы рѣзки и суровы; когда онъ попытался улыбнуться изъ вѣжливости, будто соглашаясь съ словами короля, гримаса, которую онъ сдѣлалъ, имѣла въ себѣ что-то

демонское. — Царь лицемѣровъ, подумалъ онъ про себя: — о, еслибъ было согласно съ честью напомнить тебѣ, какъ ты отблагодарилъ за всѣ благодѣянія, оказанныя тебѣ нашимъ домомъ!

— Впрочемъ, продолжалъ король: — если узъ крови и благодарности недостаточно, чтобъ соединить насъ, любезный братецъ, — насъ связываетъ еще духовное родство: я крестный отецъ вашей прекрасной дочери, Маріи, которая для меня также драгоцѣнна, какъ одна изъ моихъ собственныхъ дочерей; а когда святые (да будетъ благословенна ихъ память!) низпослали мнѣ маленькій отпрыскъ, который увялъ черезъ три мѣсяца, тогда вашъ же отецъ держалъ его надъ купелью и отпраздновалъ его крестины пышнѣе и роскошнѣе, нежели это можно было бы сдѣлать въ самомъ Парижѣ. Никогда не забуду я глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія, которое произвело великодушіе герцога Филиппа и ваше, любезнѣйшій братецъ, на растерзанное сердце бѣднаго изгнанника!

— Ваше величество, сказалъ герцогъ, усиливаясь отвѣчать: — отблагодарили за это незначительное одолженіе въ такихъ выраженіяхъ, которыя съ избыткомъ вознаградили Бургундію за всю наружную пышность, къ какой она была способна, чтобъ доказать свою признательность за честь, сдѣланную вами ея государю.

— Я помню слова, о которыхъ вы говорите, возразилъ король съ улыбкою: — Смыслъ ихъ заключался, кажется, въ томъ, что въ знакъ признательно-

сти за благодѣянія того дня, я, бѣдный скиталецъ, не имѣлъ ничего, чтобы можно было предложить, кромѣ самаго себя, своей жены и своего дитяти. Что же? кажется, я недурно исполнилъ свое обѣщаніе.

— Не хочу оспоривать того, что вашему величеству угодно утверждать, сказалъ герцогъ: — но...

— Но вы спрашиваете, какъ дѣйствія мои согласовались съ словами? а вотъ какъ: тѣло моего младенца Іоахима покоится въ Бургундіи; собственная моя особа теперь беззавѣтно въ вашей власти; а что до моей жены, право, братецъ, принимая въ разсчетъ время, которое уже прошло, я думаю, вы врядъ ли будете настаивать, чтобъ я сдержалъ свое слово и въ этомъ отношеніи. Она родилась въ блаженный день Благовѣщенія (Людовикъ перекрестился и пробормоталъ: *ora pro nobis*), лѣтъ за пятьдесятъ назадъ; но она не далѣе, какъ въ Реймсѣ, и если вы желаете, чтобъ обѣщаніе мое было буквально выполнено, она въ скоромъ времени будетъ къ вашимъ услугамъ.

Какъ ни сердитъ былъ герцогъ бургундскій на безсовѣстность, съ которою король старался принимать тонъ дружества и короткости, однакожь не могъ удержаться отъ смѣха, слыша плаксивый отвѣтъ этого страннаго государя; а смѣхъ его былъ также дикъ, какъ отрывистые звуки его гнѣвнаго голоса, которымъ онъ часто говаривалъ. Похохотавъ громче и дольше, нежели въ то время, или даже и въ наше, казалось бы приличнымъ и сообразнымъ обстоятельству и случаю, онъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, отказываясь

наотрѣзъ отъ общества королевы, но объявляя, что ему пріятно будетъ видѣть старшую дочь короля, знаменитую своею красотою.

— Очень радъ, любезный братецъ, возразилъ король съ одною изъ своихъ обычныхъ двусмысленныхъ улыбокъ: — что вамъ не угодно было остановить своего милостиваго вниманія на младшей дочери моей, Жаннѣ. Иначе, вамъ пришлось бы ломать копья съ моимъ племянникомъ, Орлеанскимъ; и еслибъ тогда произошло какое нибудь несчастіе, я въ обоихъ случаяхъ долженъ бы былъ сожалѣть о потерѣ добраго друга и любимаго родственника.

— Нѣтъ, нѣтъ, государь! возразилъ герцогъ Карлъ: — я не стану поперегъ дороги, которую выбралъ себѣ герцогъ Орлеанскій. Дѣло, для котораго я наклонилъ бы копье противъ Орлеана, должно быть чисто и прямо.

Людовикъ ни сколько не разсердился за этотъ грубый намекъ на тѣлесное безобразіе принцессы Жанны. Напротивъ, онъ былъ доволенъ тѣмъ, что герцогъ готовъ забавляться плоскими шутками, въ которыя самъ онъ любилъ пускаться и которыя (говоря по нынѣшнему) избавляли его отъ сантиментальнаго лицемѣрія. Итакъ онъ поставилъ разговоръ на такую ногу, что Карлу, который чувствовалъ невозможность разъигрывать роль нѣжнаго и примиреннаго друга относительно государя, такъ часто доказывавшаго ему на дѣлѣ свое недоброжелательство, и въ искренности котораго онъ и теперь сильно сомнѣвался, — сдѣлалось нетрудно казаться радушнымъ хозяиномъ веселаго

гостя. Такимъ образомъ, недостатокъ взаимной дружбы замѣнился у нихъ тономъ добраго товарищества, существующаго между двумя веселыми собесѣдниками. Тонъ этотъ былъ свойственъ Карлу, отъ природы откровенному и даже грубому; Людовикъ же, хотя и былъ способенъ къ общественнымъ сношеніямъ всякаго рода, однако больше всего былъ склоненъ къ грубой шутливости, въ которой могла бы обнаружиться ѣдкость и язвительность выраженій.

Людовикъ, однако, съ безпокойствомъ замѣтилъ, что герцогъ держалъ при себѣ многихъ изъ французскихъ вельможъ самаго знатнаго рода, которые, вслѣдствіе жестокости или несправедливости короля, были вынуждены покинуть отечество, и теперь занимали высокія государственныя мѣста. Желая укрыться отъ ихъ мщенія, Людовикъ просилъ, чтобы его помѣстили въ перонискомъ замкѣ, а не въ самомъ городѣ; герцогъ согласился на это.

Но когда король, выражаясь со всею осторожностью, къ какой только былъ способенъ, и такимъ тономъ, который долженъ былъ усыпить всякое подозрѣніе, спросилъ, могутъ ли его шотландскіе тѣлохранители занимать стражу въ перонискомъ замкѣ, пока онъ будетъ въ немъ жить, а не у городскихъ воротъ, предоставленныхъ имъ герцогомъ, Карлъ отвѣчалъ съ обычною суровостью голоса и отрывистыми жестами, которые дѣлались болѣе грозными отъ привычки закручивать усы вверхъ и хвататься за рукоять меча или кинжала, изъ которыхъ послѣдній онъ часто нѣсколько обнажалъ и потомъ снова вкладывалъ въ ножны

— Клянусь святымъ Мартиномъ, нѣтъ, государь! воскликнулъ онъ: — вы въ станѣ и городѣ вашего вассала, — такъ покрайней мѣрѣ считаютъ меня относительно вашего величества, — замокъ мой и городъ ваши, и люди мои ваши; значитъ, все равно, будутъ ли мои воины или ваши шотландскіе стрѣлки охранять внѣшнія ворота и бойницы замка. Нѣтъ, клянусь св. Георгіемъ! Перонна — крѣпость дѣвственная; она не должна потерять свою добрую славу отъ нерадѣнія съ моей стороны. Дѣвъ надобно оберегать тщательно, мой царственный братецъ, если мы хотимъ, чтобъ ихъ репутація осталась незапятнанною.

— Разумѣется, любезный братецъ, я совершенно согласенъ съ вами, возразилъ король: — меня еще больше, нежели васъ занимаетъ репутація этого добраго города. Перонна, какъ вамъ извѣстно, любезный братецъ, одинъ изъ городовъ на рѣкѣ Соммѣ, которые были заложены блаженной памяти вашему отцу за денежную сумму, и которые могутъ возвратиться къ намъ, когда выкупъ за нихъ будетъ заплаченъ. А сказать правду, я пришелъ сюда, какъ честный должникъ, съ намѣреніемъ очистить всѣ свои обязательства, какого бы рода они ни были, и потому привелъ нѣсколько вьючныхъ муловъ съ серебромъ: его будетъ достаточно, любезный братецъ, для содержанія даже вашего истинно царскаго двора на цѣлые три года.

— Я не прійму изъ нихъ ни одного обола, сказалъ герцогъ, закручивая усы: — день расплаты прошелъ, мой царственный братецъ; да и нѣтъ никакой

важной причины, по которой бы это притязаніе требовало исполненія, потому что уступка этихъ городовъ была единственнымъ вознагражденіемъ, полученнымъ отцомъ моимъ отъ Франціи, когда, въ счастливый часъ для вашего дома, онъ согласился забыть объ умерщвленіи моего дѣда и промѣнять союзъ съ Англіей на союзъ съ отцомъ вашимъ. Святой Георгій! да еслибъ онъ поступилъ не такъ, то ваше величество сами не только не владѣли бы городами на Соммѣ, но едва удержали бы за собою и тѣ, которые за Луарою. Нѣтъ, я не отдамъ ни одного камня изъ нихъ, еслибъ даже мнѣ за каждый заплатили равнымъ вѣсомъ золота. Благодаря Бога, а также мудрости и храбрости моихъ предковъ, доходы Бургундіи, хоть она и не болѣе, какъ герцогство, достаточны для содержанія моего двора, даже когда у меня гоститъ король... нѣтъ нужды продавать для этого мое наслѣдіе.

— Хорошо, любезный братецъ, отвѣчалъ король тѣмъ же кроткимъ и умильнымъ тономъ, нисколько не встревожась громкимъ голосомъ и гнѣвными жестами герцога: — я вижу, что вы такой вѣрный другъ Франціи, что даже не желаете разстаться съ чѣмъ нибудь, что принадлежитъ ей. Однако, намъ будетъ нуженъ въ этихъ дѣлахъ какой нибудь посредникъ, когда мы станемъ разбирать ихъ въ совѣтѣ... Чтобы вы сказали о Сенъ-Полѣ?

— Ни Сенъ-Поль, ни Сенъ-Пьерръ, ни какой бы то ни было святой изъ цѣлаго календаря не заставятъ меня отказаться отъ обладанія Перонной.

— Вы меня не такъ поняли, возразилъ улыбаясь король: — я говорю о Людовикѣ де-Люксанбурѣ, нашемъ вѣрномъ коннетаблѣ, графѣ де-Сенъ-Полѣ. — О, клянусь амбренскою Богородицею! намъ, для нашего совѣщанія нужна только его голова — лучшая голова во Франціи и полезнѣйшая для возстановленія между нами совершеннаго согласія.

— Клянусь св. Георгіемъ бургундскимъ! вскричалъ герцогъ: — удивляюсь, слыша изъ устъ вашего величества такой отзывъ о человѣкѣ, равно вѣроломномъ и въ отношеніи къ Франціи, и въ отношеніи Бургундіи, человѣкѣ, который старался раздуть наши частыя несогласія въ пламя, и все это для того, чтобъ важничать въ качествѣ посредника. Клянусь орденомъ, который я ношу, болота этого двуличнаго пріятеля не надолго защитятъ его.

— Не горячитесь, любезный братецъ, возразилъ улыбаясь король, говоря тихимъ голосомъ: — когда я желалъ головы коннетабля какъ средства прекратить наши незначительные раздоры, я не имѣлъ никакихъ видовъ на его тѣло, которое можетъ съ большимъ удобствомъ оставаться въ Сенъ-Кентенѣ.

— Ха, ха! понимаю, понимаю, мой царственный братецъ! сказалъ Карлъ съ тѣмъ же нестройнымъ хохотомъ, который вызывали у него другія грубыя шутки короля; потомъ прибавилъ, топнувъ ногою: — Въ такомъ смыслѣ, сосласенъ, что голова коннетабля можетъ быть полезна въ Перонѣ.

Такіе и подобные разговоры, гдѣ король къ шуткамъ примѣшивалъ намеки о важныхъ дѣлахъ, не

слѣдовали немедленно одни за другими: король искусно вводилъ ихъ во время обѣда въ ратушѣ, потомъ во время другого свиданія съ герцогомъ, въ собственныхъ его покояхъ, — короче, при всякомъ удобномъ случаѣ, который представлялся королю, чтобъ заговаривать о щекотливыхъ предметахъ, не докучая своему хотяину, и когда это казалось дѣломъ весьма простымъ и естественнымъ.

Дѣйствительно, какъ опрометчиво ни поставилъ себя Людовикъ въ опасное положеніе, которое отъ запальчиваго нрава герцога и многихъ причинъ существовавшей между ними вражды, доведенной до крайности, могло быть очень сомнительно и даже гибельно, но никогда еще кормчій не плавалъ у неизвѣстныхъ береговъ съ большимъ благоразуміемъ и большею твердостью.

Наконецъ, прошелъ день, утомительный для Людовика, котораго положеніе требовало самой неусыпной бодрости, бдительности, осторожности, вниманія и присутствія духа. Что до герцога, его также угнетало принужденіе, которое было необходимо, и безпрестанное удерживаніе тѣхъ пылкихъ порывовъ, которымъ онъ всегда предавался совершенно безпрепятственно.

Простившись церемонно съ королемъ и удалившись въ свои покои на ночь, герцогъ далъ полную волю взрыву страстей, такъ долго имъ удерживаемыхъ; много клятвъ и ругательствъ, — какъ выражался его шутъ ле-Глорье, — посыпалось на головы тѣхъ, для кого онѣ никогда не были вычеканены; слугамъ его достался огромный запасъ обидныхъ выраженій, ко-

торыми приличіе не позволяло ему осыпать своего царственнаго гостя даже за глаза, и которыхъ накопилось столько, что ихъ некуда было дѣвать. Выходки шута нѣсколько успокоили досаду герцога; онъ громко захохоталъ, бросилъ своему любимцу золотую монету и велѣлъ себя раздѣть; укротясь, проглотилъ глубокій кубокъ вина, приправленнаго пряностями, легъ въ постель и уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Отправленіе ко сну Людовика заслуживаетъ большаго вниманія. Сильное выраженіе бѣшеныхъ и неукротимыхъ страстей, принадлежа болѣе къ животной, нежели къ духовной части человѣческой природы, не можетъ имѣть для насъ такой занимательности, какъ глубокія движенія сильнаго и могущественнаго ума.

Придворные и сановники герцога проводили короля въ его покои въ цитадели Перонны; у входа, онъ былъ встрѣченъ сильною стражею, составленной изъ стрѣлковъ и воиновъ. Слѣзая съ лошади, чтобъ перейдти черезъ подъемный мостъ, опущенный черезъ необыкновенно широкій и глубокій ровъ, онъ взглянулъ на часовыхъ и замѣтилъ Комину, сопровождавшему его вмѣстѣ съ другими бургундскими вельможами: — Они носятъ кресты св. Андрея, но не такіе, какъ мои шотландскіе стрѣлки.

— Вы найдете ихъ столько же готовыми умереть для вашей защиты, государь, возразилъ Бургундецъ, сметливымъ слухомъ своимъ уловившій въ голосѣ короля чувство, которое Людовику, вѣроятно, хотѣлось бы скрыть, еслибъ онъ могъ: — Они носятъ крестъ

св. Андрея, какъ принадлежность къ орденскому ожерелью герцога бургундскаго.

— Развѣ я не знаю этого? возразилъ Людовикъ, показывая на ожерелье, которое онъ надѣлъ самъ для угожденія своему хозяину: — въ этомъ заключается одна изъ драгоцѣнныхъ братскихъ узъ, существующихъ между мною и моимъ любезнымъ братцомъ. Мы братья по рыцарству также, какъ по духовному родству, — родственники по крови и друзья по всѣмъ узамъ доброжелательныхъ чувствъ и близкаго сосѣдства. Не далѣе нижняго двора, благородные вельможи и дворяне! Я не могу позволить вамъ провожать себя далѣе; вы и безъ того оказали мнѣ довольно благосклонности.

— Герцогъ приказалъ намъ проводить ваше величество вплоть до вашихъ покоевъ, сказалъ д'Эмберкуръ: — Надѣемся, что ваше величество позволите намъ выполнить повелѣніе нашего государя.

— Въ этой бездѣлицѣ, возразилъ король: — надѣюсь, вы позволите моимъ приказаніямъ взять верхъ, хотя вы и ближайшіе его подданные. Я немножко нездоровъ, господа, нѣсколько утомленъ. Сильное удовольствіе бываетъ также отяготительно, какъ и сильная горесть. Надѣюсь, завтра я лучше воспользуюсь вашимъ обществомъ. И вашимъ также, сеньёръ Филиппъ де-Коминъ. Я слыхалъ, что вы лѣтописецъ нашего времени: мы, желая также оставить имя свое въ исторіи, должны быть съ вами ласковы, потому что, говорятъ, будто ваше перо имѣетъ острый ко-

нецъ, когда вы захотите. Покойной ночи, мессиры, всѣмъ и каждому изъ васъ!

Бургундскіе вельможи удалились, весьма довольные благосклонностью Людовика и искуснымъ распредѣленіемъ его любезностей; король остался человѣками съ двумя изъ своей собственной свиты подъ переходомъ со сводами, ведшимъ на нижній дворъ замка перонискаго. Тамъ Людовикъ смотрѣлъ на занимавшую одинъ изъ угловъ огромную башню, которая была главнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ замка и вмѣстѣ съ тѣмъ главною темницею. Это высокое, мрачное, массивное строеніе было ясно видно при свѣтѣ той же луны, которая освѣщала Квентину Дорварду дорогу между Шарльруа и Перонной, и которая, какъ читателю извѣстно, сіяла въ тотъ разъ необыкновенно ярко. Высокая башня формами своими нѣсколько походила на Бѣлую Башню цитадели Лондона, но архитектура ея была еще древнѣе, потому что ее воздвигли, какъ утверждаютъ, во времена Карла Великаго. Стѣны темничной башни были необъятной толщины, окна необычайно малы и защищены желѣзными полосами, а огромная тяжелая масса ея отбрасывала обширную черную тѣнь на весь дворъ замка.

— Меня помѣстятъ не тамъ? сказалъ король, вздрогнувъ отъ какого-то зловѣщаго предчувствія.

— Нѣтъ, возразилъ сѣдовласый сенешаль, слѣдовавшій за нимъ съ непокрытою головою: — оборони Богъ! Покои вашего величества приготовлены въ находящихся подлѣ башни строеніяхъ, которыя ниже:

въ нихъ король Іоаннъ провелъ двѣ ночи передъ сраженіемъ при Пуатье.

— Гм! въ этомъ еще нѣтъ счастливаго предзнаменованія, пробормоталъ король: — но что же о башнѣ, мой старый другъ? почему вы обратились къ Богу, чтобъ меня не помѣстили туда?

— Правду сказать, ваше милостивое величество, отвѣчалъ сенешаль: — я не знаю о башнѣ ничего дурного; только часовые говорятъ, что ночью тамъ бываетъ видѣнъ свѣтъ, и что тамъ раздается странный шумъ; можетъ быть, этому и есть какія нибудь причины, потому что въ старину тамъ была государственная темница, и разсказываютъ много о дѣяніяхъ, въ ней совершившихся.

Людовикъ пересталъ разспрашивать, потому что никто не былъ больше его обязанъ уважать тайны темницъ. У дверей отведенныхъ для него покоевъ, которые хотя и были выстроены подлѣ башни, однако же казались такими же мрачными и старинными, — находился маленькій отрядъ шотландскихъ стрѣлковъ. Хотя герцогъ сначала и отказалъ въ просьбѣ Людовику, однако послѣ велѣлъ ввести туда стрѣлковъ, чтобъ они состояли при особѣ своего государя. Лордъ Крауфордъ былъ съ ними. — Крауфордъ, мой вѣрный и честный Крауфордъ, сказалъ король: — гдѣ ты былъ сегодня? Развѣ Бургундскіе вельможи такъ не гостепріимны, что оставили безъ вниманія храбрѣйшаго и благороднѣйшаго дворянина, который когда либо являлся при дворѣ? Я не видалъ тебя за обѣдомъ.

— Я отказался отъ обѣда, государь; мое время измѣнилось. Прошли дни, когда я готовъ бы былъ пировать съ первымъ питухомъ въ цѣлой Бургундіи и бесѣдовать съ нимъ за бутылками сока его родного винограда; теперь я ужь утомляюсь, если займусь какими нибудь четырьмя флягами, да притомъ думаю, что для службы вашего величества будетъ лучше, если я въ этомъ случаѣ покажу примѣръ своимъ молодцамъ.

— Ты всегда благоразуменъ, сказалъ король: — но вѣдь теперь не такъ много заботы, когда съ тобою только небольшой отрядъ стрѣлковъ? Къ тому же время пировъ не требуетъ такого самоотверженія, какъ время опасности.

— Чѣмъ меньше подъ начальствомъ у меня людей, тѣмъ необходимѣе держать ихъ въ пристойномъ порядкѣ; а чѣмъ кончится наша поѣздка сюда — пирушками или дракой, объ этомъ Богу и вашему величеству, конечно, извѣстно лучше, нежели старому Джону Крауфорду.

— Развѣ ты предвидишь какую нибудь опасность? спросилъ король поспѣшно и шопотомъ.

— Нѣтъ, государь, отвѣчалъ Крауфордъ: — я бы желалъ ее предвидѣть; старый графъ Тайнменъ (*) говаривалъ, что отъ предусмотрѣнныхъ опасностей всегда можно оборониться. Пароль на ночь, если вашему величеству угодно?

(*) Одинъ изъ графовъ Дугласовъ этого имени.

— Пусть пароль будетъ «Бургундія», въ честь нашего хозяина и твоего любимаго вина, Крауфордъ.

— Я не намѣренъ ссориться ни съ герцогомъ, ни съ виномъ, — разумѣется, лишь бы оба они были хорошихъ качествъ. Покойной ночи вашему величеству.

— Доброй ночи тобѣ, мой вѣрный Шотландецъ, сказалъ король и отправился въ свои покои.

У дверей его спальни стоялъ на часахъ Рубецъ.

— Ступай за мною сюда, сказалъ король, проходя мимо его, и стрѣлокъ, какъ автоматъ, котораго механизмъ приведенъ въ движеніе механикомъ, послѣдовалъ за своимъ повелителемъ и остановился въ его покоѣ безмолвно, неподвижно, ожидая королевскихъ повелѣній.

— Не слыхалъ ли ты чего нибудь объ этомъ странствующемъ паладинѣ, твоемъ племянникѣ? спросилъ Людовикъ: — потому что для насъ твой родственникъ пропалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ, молодой рыцарь, пустившійся въ первый разъ искать приключеній, прислалъ намъ двухъ плѣнниковъ въ доказательство своихъ подвиговъ.

— Государь, я что-то слышалъ объ этомъ, отвѣчалъ Рубецъ. — Надѣюсь, ваше величество повѣрите, что если онъ дѣйствовалъ дурно, то никакъ не по моему примѣру и не по моимъ наставленіямъ: я никогда не имѣлъ смѣлости сбить съ коня кого либо изъ вашего высокаго семейства; я помню свое званіе, и...

— Молчи объ этомъ! Племянникъ твой исполнилъ свою обязанность.

— Вотъ тутъ онъ получилъ урокъ отъ меня. — Квентинъ, говаривалъ я ему: — ты принадлежишь къ стражѣ шотландскихъ стрѣлковъ; чтобы съ тобою ни случилось, исполняй свою обязанность, и не смотри на то, что послѣ изъ того выйдетъ.

— Я ужь догадался, что онъ имѣлъ какого нибудь особенно мудраго наставника; но теперь мнѣ нужно, чтобъ ты отвѣчалъ на мой первый вопросъ, не слыхалъ ли ты чего нибудь о своемъ племянникѣ?... Назадъ, господа! продолжалъ король, обратясь къ своимъ придворнымъ: — дѣло это предназначается исключительно для моихъ ушей.

— Ваше величество, отвѣчалъ Рубецъ: — я сегодня же вечеромъ видѣлъ конюха Шарло, котораго мой племянникъ отправилъ изъ Литтиха или какого-то епископскаго замка около этого города, куда они доставили благополучно графинь де-Круай.

— Да будетъ благословенна наша небесная Владычица! И ты въ этомъ увѣренъ? увѣренъ въ этихъ добрыхъ вѣстяхъ?

— Увѣренъ, какъ нельзя больше; у этого малаго есть, кажется, письма и къ вашему величеству.

— Достань ихъ какъ можно скорѣе, отдай свою пищаль кому нибудь изъ этихъ негодяевъ... хоть Оливье, все равно кому нибудь. Хвала амбренской Богоматери! высокій алтарь ея будетъ украшенъ серебряною оградой!

Въ этомъ припадкѣ благодарности и благочестія,

Людовикъ, по своему обыкновенію, снялъ шапку, выбралъ изъ окружавшихъ ея тулью образковъ тотъ, на которомъ былъ изображенъ особенно уважаемый имъ ликъ Богородицы, поставилъ его на столъ, и, преклонивъ колѣни, повторилъ набожно произнесенный имъ обѣтъ.

Конюхъ, который былъ первымъ гонцомъ, отправленнымъ Дорвардомъ изъ Шонвальдта, въ скоромъ времени явился съ письмами. Ихъ адресовали графини де-Круай на имя короля и только изъявляли ему въ холодныхъ выраженіяхъ свою благодарность за гостепріимство, оказанное имъ при дворѣ; потомъ, въ болѣе одушевленныхъ словахъ, благодарили его за позволеніе удалиться и за благонадежное отправленіе ихъ изъ французскихъ владѣній. Людовикъ, вмѣсто того, чтобъ сердиться на эти выраженія, отъ души посмѣялся имъ; потомъ съ очевиднымъ участіемъ спросилъ Шарло, не потревожилъ ли ихъ кто нибудь на дорогѣ, не нападалъ ли кто на нихъ? Шарло, малой очень глупый и выбранный собственно за это качество, разсказалъ въ довольно безстолковыхъ выраженіяхъ о сшибкѣ, въ которой товарищъ его, Гасконецъ, былъ убитъ, но онъ ничего не зналъ о другихъ. Потомъ Людовикъ разспрашивалъ его съ особеннымъ вниманіемъ о пути, по которому они ѣхали до Литтиха и по видимому былъ очень занятъ тѣмъ, что, приближаясь къ Намюру, они ѣхали болѣе прямымъ путемъ до города и по правому берегу Мааса, вмѣсто того, чтобъ ѣхать по лѣвому, какъ было сказано въ данныхъ королемъ инструкціяхъ. Наконецъ онъ приказалъ награ-

дить конюха небольшимъ подаркомъ, прикрывая свое безпокойство тѣмъ, что будто оно возбуждалось только заботою о безопасности графинъ де-Круай.

Однако, эти новости, хотя и увѣдомляли его о неудачѣ одного изъ любимѣйшихъ его замысловъ, по видимому доставили королю болѣе внутренняго удовольствія, нежели сколько чувствовалъ бы онъ, еслибъ планъ его блистательно исполнился. Онъ вздохнулъ какъ человѣкъ, котораго грудь облегчилась отъ тяжкаго бремени, пробормоталъ свои благочестивыя благодаренія съ видомъ глубокой набожности, поднялъ глаза и поспѣшилъ обдумывать и соображать новые и болѣе вѣрные планы.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ велѣлъ позвать къ себѣ астролога Марціуса Галеотти, который вошелъ съ обычнымъ видомъ достоинства, но не безъ легкаго оттѣнка недоумѣнія на челѣ, какъ будто сомнѣваясь въ благосклонномъ пріемѣ короля. Однако онъ былъ принятъ хорошо, даже лучше, нежели когда нибудь. Людовикъ называлъ его своимъ другомъ, своимъ отцомъ по наукамъ, телескопомъ, черезъ который государь долженъ заглядывать въ отдаленную будущность, наконецъ, заключилъ тѣмъ, что надѣлъ ему на палецъ перстень весьма высокой цѣны. Галлеотти, не зная обстоятельствъ, которыя такъ внезапно возвысили его въ мнѣніи Людовика, понималъ однако ремесло свое такъ хорошо, что не обнаружилъ невѣдѣнія. Онъ съ важною скромностью принялъ похвалы Людовика, относя ихъ только къ благородству высокой науки, которою онъ занимался, науки, заслуживающей тѣмъ

большаго уваженія, что она производитъ свои великія чудеса черезъ такого слабаго посредника, какъ онъ; потомъ астрологъ разстался съ королемъ, и оба были очень довольны другъ другомъ.

По уходѣ астролога, Людовикъ раскинулся въ креслахъ и, повидимому сильно утомленный, отпустилъ всѣхъ своихъ приближенныхъ, кромѣ Оливье, который, прокравшись вдоль стѣны неслышными шагами и съ всегдашнимъ своимъ скромнымъ усердіемъ, началъ ему помогать приготовляться къ отдыху.

Принимая его услуги, король былъ, противъ своего обыкновенія, такъ молчаливъ и безчувственъ, что повѣреннаго его невольно поразила подобная перемѣна. Самые дурные люди имѣютъ въ себѣ иногда что нибудь хорошее; разбойники оказываютъ вѣрность своему предводителю, а иногда покровительствуемый и возвышенный изъ ничтожества любимецъ обнаруживаетъ проблескъ искренняго участія къ государю, которому онъ обязанъ своимъ величіемъ. Оливье Чортъ, или Гадкій (или какимъ бы другимъ прозваніемъ его ни отличали за его дурныя качества), былъ едва ли столько подъ вліяніемъ сатаны, чтобъ не чувствовать легкаго ощущенія благодарности къ своему господину. Дѣйствительно, онъ видѣлъ Людовика въ такомъ странномъ положеніи, что казалось, будто нравственныя силы его истощились, между тѣмъ, какъ участь Оливье зависѣла именно отъ нихъ. Исполняя нѣсколько минутъ безмолвно обязанность свою при раздѣваньи короля, цирюльникъ рѣшился наконецъ заговорить съ вольностью, на которую въ такихъ обстоя-

тельствахъ уполномочивала его снисходительность Людовика: — *Tête dieu*, государь! вы смотрите, какъ будто проиграли битву; а между тѣмъ я, бывшій около вашего величества въ продолженіе цѣлаго дня, никогда не видалъ, чтобъ вы сражались храбрѣе сегодняшняго.

— Сражался! сказалъ Людовикъ, взглянувъ вверхъ и снова принявъ свой обычный насмѣшливый и язвительный тонъ: — *Pasques dieu*, другъ Оливье! лучше скажи, что я удержалъ за собою поприще бычьей травли; потому что такого слѣпаго, такого упрямого, неукротимаго, бѣшенаго животнаго, какъ нашъ бургундскій братецъ, не являлось еще на землѣ иначе, какъ развѣ въ видѣ быка изъ Мурціи, приготовленнаго для побоища. Оставимъ это; я увернулся отъ него искусно. Но, Оливье, радуйся вмѣстѣ со мною, что планы мои во Фландріи не сбылись ни въ Литтихѣ, ни касательно этихъ скитающихся принцесъ де-Круай... понимаешь?

— По правдѣ сказать, нѣтъ, государь; я нахожу невозможнымъ поздравить ваше величество съ неуспѣхомъ вашихъ любимыхъ замысловъ, если вы не сообщите мнѣ, какая перемѣна произошла въ вашихъ видахъ и намѣреніяхъ.

— Нѣтъ, возразилъ король: — въ общемъ смыслѣ, въ нихъ не произошло никакой перемѣны. Но, *Pasques dieu*, другъ, я сегодня узналъ герцога Карла больше, нежели зналъ когда нибудь. Когда онъ былъ графомъ де-Шароле, до времени стараго герцога Филиппа и изгнаннаго дофина Франціи, мы пили, охотничали и

шатались вмѣстѣ; у насъ было тогда много дикихъ приключеній. Въ тѣ дни, я имѣлъ надъ нимъ рѣшительный перевѣсъ, какой обыкновенно сильный духъ пріобрѣтаетъ надъ слабымъ. Но съ тѣхъ поръ онъ перемѣнился, сдѣлался упрямъ, отваженъ, заносчивъ, спорливъ; онъ питаетъ явное желаніе доводить дѣла до крайности, пока думаетъ, что игра на его сторонѣ. Я долженъ былъ ускользать отъ каждаго щекотливаго предмета такъ осторожно, какъ будто дотрогивался до раскаленнаго желѣза. Я только намекнулъ на возможность того, что странствующія графини де-Круай, прежде, чѣмъ доберутся до Литтиха (признаюсь откровенно, что, по моему, онѣ должны были туда направиться), могутъ попасть въ руки какого нибудь пограничнаго молодца; *Pasques dieu*! ты бы подумалъ, что я заговорилъ о святотатствѣ. Ненужно повторять тебѣ его словъ; довольно того, что я считалъ бы безопасность своей головы весьма ненадежною, еслибъ въ это время пришли вѣсти объ удачѣ твоего друга, Гильйома Бородатаго, въ его и твоемъ честномъ замыслѣ — понравиться посредствомъ женитьбы.

— Не моего друга, если ваше величество позволите, и не въ моемъ планѣ.

— Правда, Оливье: твой планъ состоялъ не въ томъ, чтобъ обвѣнчать, а чтобъ только обрить такого жениха. Что жь! ты пожелалъ ей жениха не лучше, когда скромно намекнулъ о самомъ себѣ. Какъ бы то ни было, Оливье, счастливъ тотъ, кому она не досталась; потому что повѣсить, утопить, четвертовать были еще самыя кроткія слова, въ которыхъ заклю-

чалась участь, приготовленная нашимъ кроткимъ братцомъ тому, кто женился бы на молодой графинѣ, его вассалкѣ, безъ его милостиваго герцогскаго соизволенія.

— И безъ сомнѣнія, онъ столько же ревнивъ къ какимъ бы то ни было безпокойствамъ въ его добромъ городѣ Литтихѣ? спросилъ любимецъ.

— Столько же или еще больше, возразилъ король: — какъ твой разсудокъ легко можетъ угадать; но съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшился пріѣхать сюда, посланцы мои отправлены въ Литтихъ, чтобъ на время остановить всякое мятежное движеніе; мои хлопотливые и суетливые друзья Павильйонъ и Роуслаэръ имѣютъ приказаніе притихнуть, пока не кончится благополучно свиданіе между мною и моимъ милымъ братцемъ.

— Такъ, судя по словамъ вашего величества, сказалъ сухо Оливье: — лучшее, чего надобно надѣяться отъ этого свиданія, будетъ состоять въ томъ, чтобъ ваше положеніе не сдѣлалось хуже. Право, это похоже на то, что журавль всунулъ свою голову въ ротъ лисицѣ, и потомъ долженъ былъ радоваться, что она не откусила ея. Однако, ваше величество не далѣе, какъ сейчасъ казались такъ глубоко признательны къ мудрому философу, который поощрилъ васъ разъигрывать такую заманчивую игру.

— Ни въ какой игрѣ не должно отчаяваться, пока она еще не проиграна, отвѣчалъ рѣзко король: — а этого я теперь не имѣю причины ожидать. Напротивъ, если ничто не возбудитъ бѣшенства этого мстительнаго

безумца, я увѣренъ въ побѣдѣ. Безъ сомнѣнія, я не мало обязанъ искусству, избравшему моимъ агентомъ, въ качествѣ проводника графинь де-Круай, юношу, котораго гороскопъ такъ хорошо соотвѣтствовалъ моему, что онъ спасъ меня отъ опасности самымъ ослушаніемъ моихъ собственныхъ повелѣній и тѣмъ, что выбралъ дорогу, на которой избѣжалъ засады Гильйома де-ла-Марка.

— Ваше величество найдете многихъ агентовъ, которые будутъ готовы служить вамъ на тѣхъ же условіяхъ, то-есть дѣйствовать въ видахъ своего собственнаго удовольствія, а не по вашимъ приказаніямъ.

— Полно, полно, Оливье! возразилъ нетерпѣливо Людовикъ: — языческій поэтъ говоритъ о желаніяхъ, которыя святые исполняютъ намъ въ своемъ гнѣвѣ; такимъ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, былъ бы успѣхъ подвига Гильйома де-ла-Марка, еслибъ онъ совершился около того времени, когда я во власти герцога бургундскаго. Мое собственное знаніе предугадало это, подкрѣпленное знаніемъ Галеотти... то-есть, я не предвидѣлъ неудачи предпріятія де-ла-Марка, а предвидѣлъ то, что экспедиція моего молодого шотландскаго стрѣлка кончится для меня благополучно: оно такъ и вышло, хоть и не такимъ образомъ, какъ я ожидалъ: звѣзды, предсказывая общіе выводы, умалчиваютъ о средствахъ, черезъ которыя имъ суждено свершиться, потому что эти средства бываютъ часто совершенно противоположны нашимъ ожиданіямъ или даже желаніямъ. Но къ чему толковать объ этихъ таинствахъ съ тобою, Оливье, съ человѣкомъ, кото-

рый такъ далеко хуже дьявола, своего соименника? вѣдь тотъ вѣруетъ и трепещетъ, тогда какъ на тебя не дѣйствуетъ ни религія, ни наука, и ты останешься такимъ же, пока не свершится твоя собственная участь, которая, какъ меня увѣряютъ твоя физіономія и твой гороскопъ, не обойдется безъ посредничества висѣлицы.

— Еслибъ дѣйствительно случилось такъ, возразилъ Оливье тономъ самоотверженія: — это произойдетъ потому, что я всегда былъ вполнѣ благодарнымъ слугою и не колебался въ исполненіи приказаній моего царственнаго повелителя.

Людовикъ расхохотался своимъ обычнымъ язвительнымъ смѣхомъ. — Ты честно переломилъ на мнѣ копье, Оливье! Клянусь Владычицей, ты правъ, потому что я вызвалъ тебя на это. Но прошу тебя, разскажи мнѣ серьезно, не замѣтилъ ли ты въ поступкахъ этихъ людей относительно насъ чего нибудь такого, что могло бы оправдать подозрѣнія въ дурныхъ умыслахъ?

— Государь, возразилъ Оливье: — Мнѣ кажется, что не достаетъ того настоящаго и полнаго вниманія къ вашему величеству, какое люди оказываютъ дорогому гостю, который званіемъ своимъ гораздо выше ихъ. Герцогъ, сегодня вечеромъ, отозвался усталостью и проводилъ ваше величество не далѣе, какъ до улицы, предоставя своимъ придворнымъ заботу довести васъ до назначеннаго вамъ мѣстопребыванія. Покои здѣсь убраны наскоро, обои развѣшены наизворотъ: на одной стѣнѣ, какъ вы сами можете замѣтить, фигуры опро-

кинуты и ходятъ на головахъ, а деревья растутъ корнями вверхъ.

— Вздоръ! все это случай, слѣдствіе торопливости... Замѣчалъ ли ты когда нибудь, чтобъ я думалъ о подобныхъ бездѣлицахъ?

— Да онѣ достойны вниманія не сами по себѣ, продолжалъ Оливье: — а по тому, что показываютъ степень уваженія, которую соблюдаютъ къ вашему величеству приближенные герцога. Вѣрьте мнѣ, еслибъ онъ дѣйствительно желалъ, чтобъ сдѣланный вамъ пріемъ отличался во всѣхъ отношеніяхъ внимательностью, то усердіе этихъ людей успѣло бы въ минуты сдѣлать больше, чѣмъ въ дни. А когда, — прибавилъ онъ, указывая на рукомойникъ и тазъ: — бывали принадлежности туалета вашего величества изъ другаго матеріала, какъ не изъ серебра?

— Ну, возразилъ король съ принужденною улыбкой: — послѣднее замѣчаніе о бритвенныхъ снадобьяхъ такъ во вкусѣ твоего главнаго занятія, что никто не станетъ его оспоривать. Правда, когда я былъ только изгнанникомъ и бѣглецомъ, тотъ же Карлъ приказывалъ прислуживать мнѣ на золотѣ, считая серебро слишкомъ низкимъ для дофина Франціи, тогда какъ теперь онъ повидимому считаетъ этотъ металлъ слишкомъ драгоцѣннымъ для короля. Ну, Оливье, мы пойдемъ спать; намѣреніе наше было принято и приведено въ исполненіе: осталось только разъиграть мужественно затѣянную игру. Я знаю — мой бургундскій братецъ, подобно другимъ бѣшенымъ быкамъ, зажмуриваетъ

глаза, когда бросается на своего противника. Мнѣ только нужно будетъ подстеречь это мгновеніе, подобно тому, какъ дѣлаютъ тореадоры въ Бургосѣ, которыхъ намъ случалось видѣть, — и тогда собственная его стремительность предастъ его моему произволу.

(*до слѣдующ. №*).

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 140 до 200 страницъ. Смотря по содержанію статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, географическія карты, планы и проч.

Цѣна за **12** книжекъ въ годъ **ШЕСТЬ рублей**, съ доставкою на домъ — **СЕМЬ руб.**, съ пересылкою въ города **СЕМЬ руб. ПЯТЬДЕСЯТЪ коп. сер.**

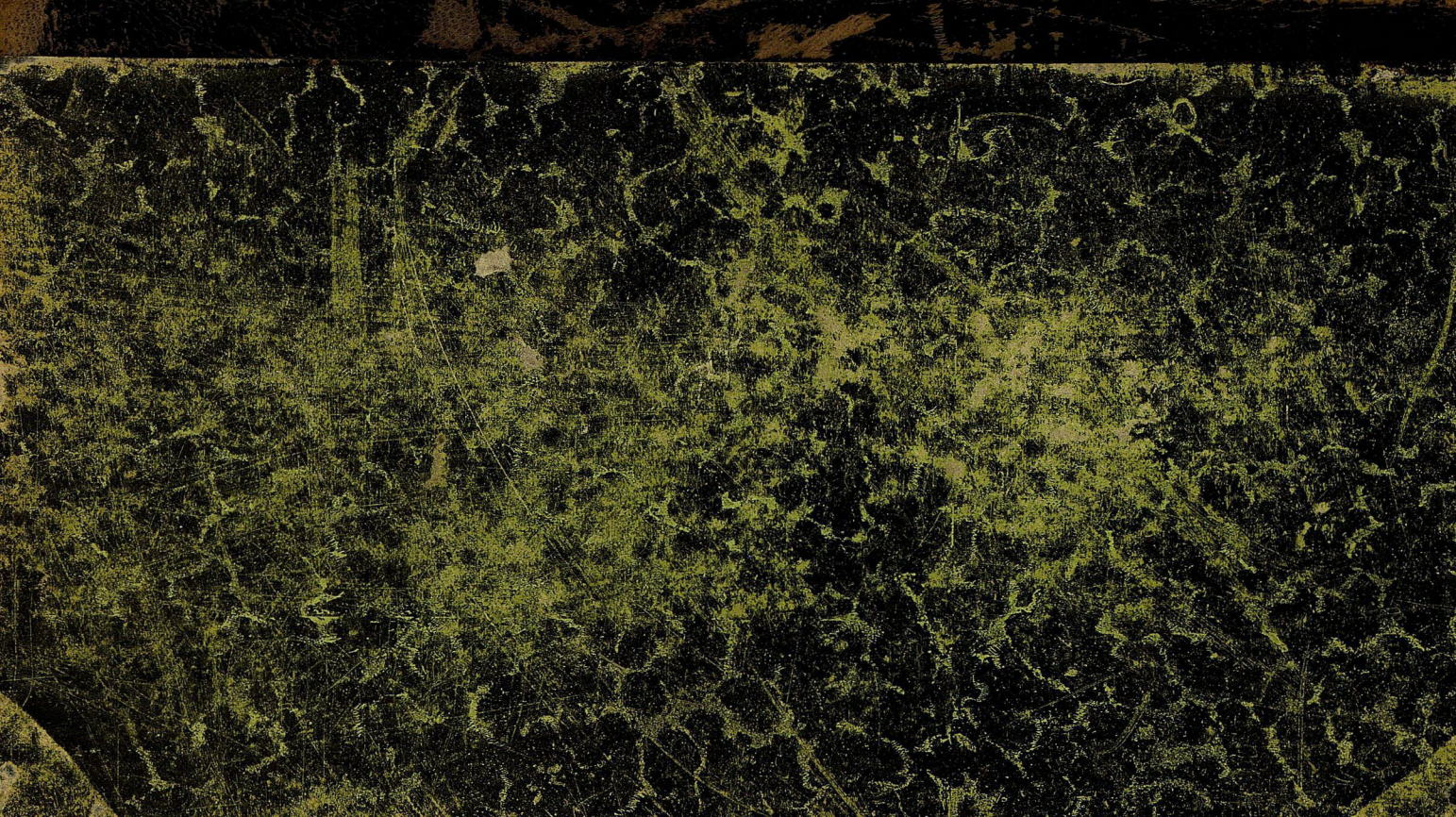
Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять деньги въ теченіи 1860 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ — въ конторахъ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ»: при книжныхъ магазинахъ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, и *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и К°*, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Въ Тифлисѣ — у книгопродавца *Беренштама*.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія *исключительно въ редакцію журнала, въ С. Петербургѣ, на Литовкѣ, въ домѣ Зуева.*

Каждый № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого-либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.